

Содержание:

- 1) Роднов М.И. Внимание южноуральской прессы к голодовкам на рубеже XIX–XX вв. // Голодовки в истории России XVIII – XX веков: сб. статей VIII Междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. Г.Е. Корнилов, В.А. Лабузов / Мин-во образования и науки Рос. Федерации; ФГБОУ ВПО «Оренб. гос. пед. ун-т»; Правительство Оренбургской области, Мин-во образования Оренбургской области; Ин-т истории и археологии Уральского отделения РАН. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2013. С. 195 – 197.
- 2) Роднов М.И. Краеведы второй половины XIX века об украинцах Южного Урала // Российская история в начале XXI века: опыт, проблемы, перспективы. Международная научно-практическая конференция. Оренбург, 13–14 мая 2014 г.: сб. статей / науч. ред. Д.А. Сафонов / Мин-во образования и науки Рос. Федерации, ФГБОУ ВПО «Оренб. гос. пед. ун-т», Мин-во образования Оренбургской области. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2014. С. 264 – 266.
- 3) Роднов М.И. Налогообложение крестьянства Уфимской губернии: взгляд М.П. Красильникова // Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X–XXI вв.: XXXIV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений: Самара, 23–26 сентября 2014 г. / РАН Отделение историко-филологических наук, Научный совет по проблемам аграрной истории Восточной Европы, Институт славяноведения РАН, Самарский государственный университет. М.: Исл РАН, 2014. С. 90 – 92.
- 4) Роднов М.И. Губернатор и редакторы // Бюрократия и власть в Российской империи в XVIII – начале XX вв.: региональный аспект: Сб. науч. трудов / Науч. ред. И.И. Маслова, отв. ред. Н.Л. Семёнова / Мин-во образования и науки РФ, Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВПО БашГУ. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2014. С. 149 – 157.
- 5) Роднов М.И. Уровень рыночного хозяйства у помещиков Оренбургской губернии накануне 1861 года (имение П.И. Сергеева) // Российская деревня в XVIII–XXI веках: социокультурное измерение: сб. статей IX Междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. Г.Е. Корнилов, В.А. Лабузов; Министерство образования и науки Российской Федерации; Правительство Оренбургской области, Министерство образования Оренбургской области; ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Оренбургский филиал; ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2014. С. 202 – 204.
- 6) Роднов М.И. Автомобиль на Южном Урале – к вопросу об уровне модернизации российского общества в начале XX в. // История, университет, историк: Сб. научных статей / Отв. ред. В.Л. Пянкевич, В.В. Морозан / Санкт-Петербургский государственный университет, институт истории. СПб., 2014 (Труды исторического факультета СПбГУ. Том 19). С. 79 – 86.
- 7) Роднов М.И. Система управления в помещичьем хозяйстве Мензелинского уезда Оренбургской губернии накануне отмены крепостного права // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2013 год: Земледельцы и землевладельцы российской деревни конца XV – конца XX веков: экономическое, социальное и культурное развитие / Научный совет по проблемам аграрной истории Восточной Европы при ОИФН РАН, Институт славяноведения РАН; Отв. ред. Е.Н. Швейковская. М.: Древлехранилище, 2014. С. 108 – 113.
- 8) Роднов М.И. Мулла-ростовщик // Мусульманские духовные лица в социальном и ду-

¹ Сноски в журналах и сборника оформлялись часто иначе, преимущественно как концевые, здесь везде переведены в постраничные. Убраны аннотации, ключевые слова, сведения об авторе. Исправлены также ошибки при публикации моих статей и сохранена буква «ё» – М.И. Роднов.

ховном развитии татарского народа (XVIII – начало XX вв.). Сб. статей / Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Отдел средневековой истории. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Изд-во «Яз», 2014. С. 122 – 138.

9) Роднов М.И. Структура рынка сельскохозяйственной техники Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века // Северо-запад в аграрной истории России. Вып. 21 / Под ред. В.Н. Никулина / БФУ (Балтийский федеральный университет) им. И. Канта. Калининград, 2015. С. 91 – 99.

10) Роднов М.И. Уральский город-завод в столичной прессе // Проблемы сохранения историко-культурного наследия малых городов России: историко-правовой аспект / отв. ред. Е.С. Косых / Стерлитамакский филиал БашГУ. Стерлитамак, 2015. С. 62 – 65.

11) Роднов М.И. Между историей и политикой: размышления над монографией В.В. Морозана «Деловая жизнь на юге России в XIX – начале XX века» // Новейшая история России (СПб.). 2015. № 1 (15). С. 272 – 276.

12) Роднов М.И. Николай Никанорович Степанов – глава Уфимского биржевого комитета // Власть в российской провинции в XIX в. (на материалах Южного Урала): историко-антропологический подход: Сб. науч. трудов, науч. ред. Н.Л. Семёнова. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2015. С. 110 – 117.

13) Роднов М.И. XXXIV сессия международного Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2015. Вып. 10; под ред. А.М. Никулина, М.Г. Пугачевой, Т. Шанина. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. С. 333 – 336.

14) Роднов М.И. Рынок ценных бумаг в российской провинции начала XX в. (на примере Уфы) // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект). Сб. материалов междунар. науч. конф. / под общ. ред. В.А. Веремченко; отв. ред. С.В. Степанов / Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина. СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2016. С. 154 – 158.

15) Роднов М.И. Агрономический опыт уфимских помещиков середины XIX века // Северо-Запад в аграрной истории России / под ред. В.Н. Никулина. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016. Вып. 22. С. 133 – 138.

16) Роднов М.И. Проблема избыточности трудовых ресурсов в районах фермерского хозяйства России начала XX в. // Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв.: XXXV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений: Уфа, 20–23 сентября 2016 г. / РАН Отделение историко-филологических наук, Научный совет по проблемам аграрной истории Восточной Европы, Ин-т славяноведения РАН, Башк. гос. ун-т. М.: Исл РАН, 2016. С. 114 – 116.

17) Роднов М.И. Источники по истории уфимских библиотек // Библиотека в контексте российской социокультурной истории: краеведческий аспект: материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием) (Уфа, 24 – 25 марта 2016 г.) / сост. А.Р. Бикбулатова, отв. ред. А.М. Фатхутдинова / Российская библиотечная ассоциация, АН РБ, Мин-во культуры РБ, НБ РБ, БГУ, Комитет РБ по делам ЮНЕСКО. Уфа: ЦкиР НБ РБ, 2016. С. 28 – 33.

18) Роднов М.И. Первичные материалы переписи 1916 года (Бирский уезд) // Археография Южного Урала: Актуальные проблемы архивного дела в современном мире: Материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. А.Б. Юнусовой. Уфа: БРО РОИА, ИЭИ УНЦ РАН, 2016. С. 168 – 175.

19) Роднов М.И. Загадки Челябинской летописи // Гороховские чтения: материалы седьмой региональной музейной конференции / науч. ред. Н.А. Антипин / Мин-во культуры Чел. обл., Гос. ист. музей Южного Урала. Челябинск: Гос. ист. музей Южного Урала, 2016. С. 12 – 13.

20) Роднов М.И. Руф Игнатъев: историк на государственной службе // Государственное управление и местное самоуправление на Южном Урале (XVII – начало XX вв.): персо-

нально-биографический аспект / Мин-во образования и науки РФ, ИИЯЛ УНЦ РАН, Стерлитамакский филиал БашГУ. Уфа, 2013. С. 158 – 163.

21) Коростелев А.Д., Роднов М.И. Этническая карта Южного Урала в 1920 г. // Этнографическое обозрение. 2016. № 5. С. 175 – 185.

Кроме того в журнале «Бельские просторы» опубликован ряд статей, которые размещены на сайте журнала:

1) Роднов Михаил. Шаги прогресса. Уфа на рубеже XIX – XX веков // Бельские просторы. 2014. № 7. С. 102 – 108.

2) Роднов Михаил. Уфимская литературная жизнь на рубеже XIX–XX столетий // Бельские просторы. 2015. № 8. С. 159 – 168.

3) Щербаков Михаил. Подымаловский кабак (публикация и комментарии Михаил Роднов) // Бельские просторы. 2016. № 10. С. 118 – 123.

Сноску на эти публикации надо делать: См.: Роднов М.И. Руф Игнатъев: историк на государственной службе // Государственное управление и местное самоуправление на Южном Урале (XVII – начало XX вв.): персонально-биографический аспект. Уфа, 2013. С. 158 – 163.

1.

Опубликовано: Роднов М.И. Внимание южноуральской прессы к голодовкам на рубеже XIX–XX вв. // Голодовки в истории России XVIII – XX веков: сб. статей VIII Международ. науч.-практ. конф. / науч. ред. Г.Е. Корнилов, В.А. Лабузов. Оренбург, 2013. С. 195 – 197.

М.И. Роднов

Внимание южноуральской прессы к голодовкам на рубеже XIX – XX вв.

На страницах периодических изданий двух южноуральских губерний – Уфимской и Оренбургской – интерес к проблемам эпизодически возникавших голодовок среди сельского населения проявлялся в разной степени. Не будем сразу клеймить цензуру, будто бы непременно душившую свободу слова, в сравнении с последующими историческими эпохами режим был просто либеральный. Необходимо учитывать ментальность того времени, когда регулярное массовое недоедание бедного крестьянства являлось обыденной нормой, а в городах недород приводил к падению цен на мясо к удовольствию низших слоёв горожан. На страницах же местной прессы сильные, только сильные неурожаи фиксировались практически обязательно, ведь в газетах шла постоянная информация о хлебной торговле, вывозе зерна из наших хлебопроизводящих губерний, уровне цен, ярмарочной активности, ситуации на пристанях и железнодорожных станциях. Кроме того в сознании людей и образованного «общества» причинами голодовок являлись природные катаклизмы, валить вину на власти за отсутствие дождей ещё не было принято (как позднее хвалить за успехи сельского хозяйства). Кроме того, демографические последствия даже сильнейших неурожаев не сопровождались никакой массовой смертностью.

Периодически сотрясавшие край засухи и голодовки не оказывали серьёзного влияния на прирост населения. Данные по Уфимской губернии за 1909–1913 гг. [1, с. 79]:

Год	Умерло	Родилось	Прирост (%%)
1909	93 080	147 687	2,00
1910	93 145	161 770	2,66
1911	96 382	157 318	1,97
1912	91 418	137 674	1,49
1913	92 785	147 275	1,73

Сильнейший голод 1911 г. привёл к превышению смертности на три тысячи человек над средними показателями. Причём в следующие годы смертность упала. Скорее всего, в 1911 г. умирали слабые, больные, старики, дети, которые «должны» были и так помереть, и, за счёт повышенной смертности в этих группах, общие показатели в 1912–1913 гг. снизились. Рождаемость на следующий после голода год, естественно, упала, но уже в 1913 г.

вернулась на уровень 1909 г. Восстанавливался и общий прирост.

И местная пресса в конце XIX в. в общем спокойно информировала читателей о наступившем очередном голоде в деревне, которые бывали весьма редко. Так, в «Уфимских губернских ведомостях» за 1891 г. сначала появилась заметка о возобновлении деятельности в Уфимской губернии общества Красного Креста [2, 1891, 22 июня], затем появилась большая статья о деятельности Уфимского губернского попечительства по оказанию помощи пострадавшим от неурожая [2, 1891, 5 октября], потом иные материалы о недороде в крае [2, 1891, 23 ноября; 1892, 4 января, др.]. При этом в газете шла обширная информация о хлебной торговле, ценах на зерно в Кёнигсберге, Петербурге, Ельце и Варшаве. Весной, в сводках с Мензелинской ярмарки отмечалось, что «на хлебной бирже почти сделок не было, ... были незначительные предложения от продавцов» [2, 1892, 28 марта]. Общий тон «ведомостей», естественно, определяли сочувствие к несчастным сельчанам, необходимость благотворительности, христианского милосердия к страждущим. Но никакой экзальтации, эмоционального надрыва не чувствуется. Крестьяне – они всегда голодают, нищие постоянно ходили по улицам Уфы, а недостатка продовольствия на городских рынках не отмечено, хотя цены сильно подросли, что ударило по бедным слоям городских обывателей.

Через двадцать лет, когда в 1911 г. Южный Урал вновь поразила сильная засуха, в крае уже существовало несколько частных газет, самостоятельно освещавших ситуацию в регионе. В Челябинске семейство Бреслиных выпускало широкоформатную газету «Голос Приуралья», явно левой ориентации, интересные данные которой мною уже публиковались [3, с. С. 140–148]. Так, в № 202 за 1910 г. корреспонденты из «Голоса» ехидно повествовали, как застрял в Уфе на железнодорожном вокзале премьер-министр П.А. Столыпин, так как пути были заняты. «По слухам, всему железнодорожному начальству станции "Уфа" объявлен выговор, в том числе и начальнику отделения г. Шанину. Таким образом, г. Столыпин смог слегка испытать на себе прелести нашей железнодорожной неразберихи» [4, 1910, 22 сентября].

В 1911 г. газета предварила надвигавшееся бедствие статьёй П. Столыпянского по истории голодовок в Оренбургской губернии [4, 1910, 15 февраля]. Летом она сообщала – «хлеба горят» [4, 1910, 25 июня], а затем началось детальное освещение наступившей кризисной ситуации в деревне. В командировку отправился известный челябинский публицист А. Туркин, который в статье «Мимоходом» отмечал: «В казачьих посёлках и башкирских деревнях, где я был проездом, всё ещё надеялись, до последних дней, что пройдут дожди – и хлеба, быть может, частью исправятся... Невыносимо жарко. Душно. ... В воздухе стоят неподвижные точки ястребов, не шелохнётся берёзовая роща, что стоит у самой деревни... Над болотцем стонет пигалица и крик её, пронзительно-унылый, странно гармонирует с пейзажем.

Я сижу в башкирской деревне, "на даче", если можно назвать так деревянный амбар, который я занимаю. Перед глазами стоит поскотина, вся давно стравленная, жёлтая и безжизненная. Скот больше жмётся к болотцу, где ещё маячит зелень и бьётся звонкоголосая пигалица». Автор однако замечает ве-

зущих солому башкир. Оказывается, некий Султан, владелец жнейки, за работу брал не деньгами, а соломой и теперь с выгодой её продаёт. «Султан оказался предусмотрительным, точь в точь одним из наших "крупных" хлебников, которые, набив амбары зерном, судорожно-сладострастно ждут "чёрного года"... Хорошо хоть и то, что Султан "искусственно" не вздувает цены и берёт "по божецки"» [4, 1911, 3 июля].

В номере за 27 июля редакция «Голоса» замечает, что неурожай будет сильнее 1891 г. Идёт информация об общественных работах для голодающих, деятельности общественных организаций, чьи отряды прибыли в Челябинский уезд для помощи населению, заболеваний на почве недоедания [4, 1911, 28, 30 сентября, 14, 16, 20 октября]. Вообще редакция внимательно следила за состоянием сельского хозяйства в округе. Так, в корреспонденции из Мухаметкулуевской волости (автор «Самъ»), лежавшей буквально возле Челябинска, сообщалось: «Население нашей волости, приунывшее было с наступлением засухи, за последнее время немного ободрилось, так как вследствие выпавших дождей в хлебах замечается сильный "подгон" зелени и молодой травы. Поэтому надеются запастись на зиму для скота почти достаточное количество корма. Но пшеницы нет и урожай её ожидается до того плохой, что едва-ли соберутся семена.

Зато овёс местами хороший, так что некоторые десятины дадут более 100 пудов, если только не будет ранних заморозков. Сбор озимых был очень плох и башкиры некоторых деревень взяли ржи для посева из общественных магазинов.

Таким образом, население нашей волости в отношении кормов можно считать обеспеченным и только нуждается в пособии на продовольствие и на обсеменение весной» [4, 1911, 17 августа].

Таким образом, информация южноуральской прессы является ценным источником в изучении истории голодовок рубежа XIX – XX вв. Здесь содержится много сведений о восприятии городской общественностью проблем деревни, помощи нуждающимся, природных условиях, ценах и т. д. Особое значение имеют конкретные данные по волостям и селениям, показывающие разное положение территориальных, национальных и сословных групп крестьянства, тем более, что методология ряда современных исследований о голоде выстраивается в приведении общих (по губерниям и уездам) статистических показателей, иллюстрируемых яркими сценами бедствия из отдельных деревень. Хотя в соседней волости всё могло быть вполне нормальным.

Список использованной литературы:

1. Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа, 2002. 314 с.
2. Уфимские губернские ведомости.
3. Роднов Михаил. Башкиры на страницах уральской прессы начала XX века // Бельские просторы. 2008. № 6.
4. Голос Приуралья (Челябинск).

2.

Опубликовано: Роднов М.И. Краеведы второй половины XIX века об украинцах Южного Урала // Российская история в начале XXI века: опыт, проблемы, перспективы. Международная научно-практическая конференция. Оренбург, 13–14 мая 2014 г.: сб. статей / науч. ред. Д.А. Сафонов. Оренбург, 2014. С. 264 – 266.

М.И. Роднов

Краеведы второй половины XIX в. об украинцах Южного Урала

Первое значительное появление украинцев («черкасов») на Южном Урале относится к XVIII в., а во второй половине XIX в. в Уфимскую и Оренбургскую губернии началось массовое переселение, в пределах обеих губерний возникли сотни посёлков и хуторов украинцев [1]. Естественно, что активно формировавшаяся в этот период провинциальная историческая наука в лице краеведов Южного Урала не могла пройти мимо появления здесь новой крупной этнической общности. Помимо кратких статистических сведений и упоминаний отдельных фактов в местной литературе публикуются специальные исследования.

В июне 1882 г. в «Оренбургских губернских ведомостях» выходит статья Р.Г. Игнатьева «Переселенцы из малороссиян в Оренбургской губернии» [2], где известный исследователь приводит историю украинских поселений с начала XIX в., их положение среди казаков и др. А в 1895 г. в «Уфимских губернских ведомостях» выходит цикл статей об украинцах П. Лукашенко-Бодрого. Фрагмент одной из его работ помещён в примечании. Судя по словам самого автора, Лукашенко проживал долгое время в Уфе и подробно изучил быт переселенцев, посещал некоторые вновь возникшие селения. Он также пытался объяснить причины массовой миграции украинцев со своей Родины. Главным фактором Лукашенко видел вытеснение традиционного малороссийского хозяйства предпринимательским, фермерским хозяйством немцев-колонистов, применявших передовую агротехнику. И автор был не очень далёк от истины.

В западных регионах Российской империи во второй половине XIX в. происходило активное формирование рыночного сектора экономики. В многоукладной структуре сельского хозяйства передовые формы агробизнеса (в лице как помещичьего, так и крупно-крестьянского хозяйства) стремительно выдавливали полунатуральный традиционный уклад. Одновременно в аграрном строе происходило быстрое внедрение передовых высокопроизводительных машин (на конной тяге), которые сокращали потребности в рабочих руках. «Лишние» крестьяне либо бежали в города, либо переселялись на окраины (в Америку или во внутренние губернии). В Российской империи, где развивавшаяся промышленность просто не могла поглотить огромную массу избыточного сельского населения, преобладала аграрная миграция на окраины. И ситуация с украинцами была в общем типична, аналогичные процессы наблюдались, например, среди эстонцев [3].

Но, оказавшись на новых землях, многие переселенцы со временем сами становились фермерами-предпринимателями. Бурный спрос на пшеницу стимулировал рост посевов и доходов, на которые украинцы приобретали передовую агротехнику и успешно конкурировали с теми же немцами. Как и в Северную Америку колонисты ехали сюда отнюдь не с целью превращения в фермеры, а с мечтой о своём клочке земли, где можно спокойно и тихо жить по старинке. Но новые условия рыночной экономики властно разрушали патриархальные мирки, превращали вчерашних «хлиборобов» в богатых сельских предпринимателей. И по данным переписи 1917 г. в Уфимской губернии украинцы занимали третье после русских и башкир место среди зажиточных крестьян с посевом от 10 до 15 дес., и второе после русских место (16% от общего количества) среди самых «куркулей», фермеров-кулаков с посевом свыше 15 дес. [4. с. 221; 5].

В примечании приводится фрагмент из работы П. Лукашенко-Бодрого [6].

Малороссы в Уфимском крае (Очерк П. Лукашенко-Бодрого)

Повсеместное заселение южно-русского края немцами-колонистами тяжело отразилось на местных жителях – «хлиборобах».

Положение их с каждым годом делается всё хуже и хуже, так как немцы, не стесняясь давать баснословные деньги за все свободные земли, всё больше и больше расширяют свои владения, притесняя своих соседей – малороссов. Многие из сих последних имеют слишком ограниченные земельные наделы, и поэтому раньше всегда пополняли эту недостачу арендой у соседних помещиков, теперь же почти все земли последних перешли в руки колонистов, и эти уже от себя в аренду не дают ни на каких условиях и нисколько. Что приходится делать хохлу без земли, когда у него все средства к жизни вытекают именно из хлебопашества, благодаря местным условиям природы и врождённой их склонности? Остаётся один исход – бросать родное гнездо, дедами ещё свитое, и искать счастья на чужбине. Так и делают; они почти целыми деревнями оставляют родную Украину и едут, – часто и сами не зная, где зацепятся; едут в Уссурийский край, Сибирские, Приволжские губернии и проч. А кто не знает, как тяжело расставаться им с своею действительно «ридною Украиною», политую кровью своих предков; как тяжело им покидать «стены широки и гай зылены!» Ни один, почти, народ так не привязан к своей родине, как малороссы. Малорос проживёт 20 лет вдали от родины, но мысль о родине его никогда не покидает. Это, между прочим, подтверждается тем обстоятельством, что ссыльные поселенцы-малороссы, будучи задержаны за переход Сибирской границы, всегда с неутешною грустью заявляют, что оставить место поселения их заставила безпределная тоска по родине; что они желали хоть бы только взглянуть на свою милую родину, и при этом непременно плачут (я несколько лет жил в Уфе – ближайшем пограничном с Сибирью городе, и мне нередко приходилось беседо-

вать с этими несчастными). Но скоро придёт время, когда этот родной и дорогой для малоросса «куток» будет представлять из себя чужбину, и народ разбредётся по Руси горе мыкать. Зато в настоящее время сельское хозяйство на юге России в прогрессивном состоянии (??) (Главный мотив, на основании которого колонистам разрешено было приобретать недвижимость). А что в том толку, когда это всё идёт во вред коренному населению. Правда, малороссы обрабатывают поля без букарей, самокосилок, сноповязалок и пр., которых они не в состоянии приобрести, а самодельными плугами, запряжёнными волами и ручными косами; тем не менее Малороссия с давних времён славилась благоустройством сельского хозяйства и многих наделяла своим излишним хлебом.

В башкирский край, именно в Уфимскую губернию, переселение малороссов, главным образом, из губерний Полтавской, Черниговской, Екатеринославской и Харьковской, началось года два – три тому назд. Они селятся преимущественно в Стерлитамакском и Белебеевском уездах, как более степных.

Такие переселения всё увеличиваются чуть не с каждым днём, и за последнее время в Уфе нередкость видеть на улице кучку малороссов, проходящих непременно по дороге, а не по тротуару (отличительная черта их). Они даже приводят к этому основания, говоря, что «там» должны ходить только паны. В Уфе они берут необходимые сведения и справки у чиновника по переселенческим делам и приобретают земли от владельцев за 15–25 руб. десятину.

Довольно интересное явление наблюдается всегда у малороссов-переселенцев: они почти всякую хозяйственную мелочь тащат с собою за тысячи вёрст, как то: кадушки, корыта, бочёнки, лопаты и проч., тогда как всё это здесь втрое дешевле, чем у них на родине.

По прибытии на участок, они избирают удобное для поселения место и предварительно делают землянки, затем, уже хаты. Как в ведении сельского хозяйства, так и в отношении архитектуры малороссы не делают ни малейшего отступления: у хат такие же «стрихы», «верхы». Они также постоянно выбелены мелом.

В Стерлитамакском уезде есть довольно большая слобода, заселённая малоросами Харьковской губ. всего года три тому назад. При въезде в эту слободу я просто забылся, воображая, что нахожусь в Малороссии, – везде по улицам слышен малорусский говор; там около хаты, стоит плуг, на крыше лежит коса с грабками; две дивчины в черевичах и в белых рубахах, с широкими вышитыми рукавами, стоят около колодца «с журавлём». Далее, хлопец «в батьковски шапца» погнал волов на водопой, а другой, верхом на лошади, без уздечки, мчится во весь карьер с поля домой. Отец – в широчайших «выбойчатых» штанах, по выражению Гоголя – с Чёрное море, и в чёботах необыкновенных размеров, встречает его в воротах и дерёт за чуб, «щоб худобу бериг».

Пашут малороссы в две пары волов, или лошадей, и сравнительно гораздо мельче, чем это делали на родине, так как земля здесь, не будучи пере-

работана в такой степени, не требует глубокой вспашки, да и самый грунт земли не позволял бы этому, ибо в некоторых местах пласт чернозёма доходит всего лишь до четверти аршина, а затем, следует глинистая почва, почти бесплодного свойства. Некоторые затруднения для переселенцев-малороссов представляет знакомство с местными климатическими условиями. Посев яровых хлебов производится почти за месяц позже, а озимых – раньше, чем это делается на Юге, но созреванием хлеба опаздывают не более, как неделю или двумя. Такому быстрому, сравнительно, созреванию хлебов способствует благоприятный климат, довольно тёплый (иногда свыше 40° R) и вместе с тем постоянно влажный, благодаря частым дождям, массе рек, озёр и лесов.

Местные жители сеют, главным образом, рожь, гречу, просо и полбу; с переселением же малороссов, Башкирия закрасовалась золотистыми колосьями гарновки, кубанки и пр. на удивление коренному населению, ибо старания их развить посев пшеницы в такой степени оставались безуспешными, и они не подозревали, что всё это происходило, благодаря такой системе удобрения полей, какой они придерживаются. Какая же может быть пшеница на ниве, зря изрытой сохою и часто заскоруженной не бороною, а хворостом, что делается таким образом: навязывают большой жмут хворосту и таскают его лошадью по изрытому засеянному полю.

Уборку хлеба переселенцы производят косами, с особыми приспособлениями (грабками), и в то время, как десятина убирается 8–10-ю серпами, хохлы кончают её одновременно при одном косаре и двух вязальщицах, не говоря уже о превосходящей чистоте уборки, ибо жнец, в особенности работник-башкир, чтобы скорее кончить работу, старается побольше захватить в руку стеблей и поэтому у многих срезывает лишь одни колосья, которые тут же роняет на землю, а стебля местами остаются в аршин.

Из числа всех местных инородцев, как то мордвы, чуваш, черемис, вотяков и др., включая сюда и русских, башкиры в физическом развитии стоят выше, но ниже своих новых соседей малороссов, и как народ полудикий, праздный и превышающий своею численностью всех много – причиняли и причиняют вреда всем своим соседям, – нахально и безнаказанно совершая у них кражи, самоуправства и проч., а отдав свою землю в аренду под посев, они, когда хлеб созреет, преспокойно отправляются на поле толпами, жнут и увозят его с собою, если хозяева не успеют дать им выкуп. Так хотели они поступить и с новыми своими соседями, но, как говорится, обожглись, ибо последние, как и предки их, дружно и энергично защищают свои права и встречавшиеся между ними стачки всегда оставались на стороне хохлов. Так, например, летом прошлого года произошёл такой случай. Весною приехали переселенцы Харьковской губ., Сумского уезда, семейств около 150, и купили землю в Стерлитамакском уезде. Так как подошло время яровых посевов, а участка своего они ещё не распланировали, то под посев взяли земли у башкир-соседей, по 30 коп. за десятину – и вот, когда приблизилось время жатвы, башкиры целою деревнею отправились в поле на уборку хлеба. Завидя это, хохлы тоже всем посёлком отправляются туда, но встретив сопротив-

ление со стороны башкир, завязали драку. Видя такое упорное отстаивание и заметив физическое превосходство хохлов, башкиры поспешно оставили поле сражения, при чём в результате – на стороне хохлов оказались только с «подбитыми глазами», а из башкир троих увезли на телеге...

Список литературы:

1. Бабенко В.Я. Украинцы Башкирской АССР: поведение малой этнической группы в полиэтничной среде. Уфа, 1992.
2. Игнатъев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / составитель М.И. Роднов. Т. VIII: 1882–1883 годы. Уфа [Электронный ресурс], 2013. См. сайт «Роднов и его друзья».
3. Садофьева Н.Н. К вопросу о причинах переселения эстонских крестьян в Европейскую Россию // Река времени. 2004. Уфа, 2005.
4. Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа, 2002.
5. Роднов М.И. Социальная структура украинского крестьянства Уфимской губернии в начале XX века // Украина – Башкортостан: годы испытаний и сотрудничества. Уфа, 1993.
6. Уфимские губернские ведомости. 1895. 15, 16 июня.

3.

Опубликовано: Роднов М.И. Налогообложение крестьянства Уфимской губернии: взгляд М.П. Красильникова // Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X–XXI вв.: XXXIV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений: Самара, 23–26 сентября 2014 г.. М., 2014. С. 90 – 92.

М.И. Роднов

Налогообложение крестьянства Уфимской губернии: взгляд М.П. Красильникова

С 1903 по 1918 гг. земскую статистику в Уфимской губернии возглавлял талантливый исследователь Митрофан Павлович Красильников, прибывший в Уфу примерно в 1897 г. Среди его многочисленных трудов [4] особое место занимает работа о налогообложении крестьянства Уфимской губернии [2], изданная в 1902 г. Это была одна из первых крупных самостоятельных работ молодого ученого.

Красильников собрал материал из дел Казенной палаты, бухгалтерий уездных земских управ, сведений волостных правлений за 1900 г. Работа должна была послужить основой для возможного сложения недоимок по губернскому земскому сбору согласно закону от 10 декабря 1899 г. Книга включает 6 глав, 60 таблиц и 4 картограммы. Кроме губернских и уездных данных, приведено много конкретного материала по отдельным волостям.

Исследование Красильникова – единственное до настоящего времени монографическое изучение налогообложения крестьянства Южного Урала. Помимо большого фактического материала ценность его исследования заключается в сравнении уровня налогообложения традиционного общинного крестьянства северо-западных (в первую очередь Мензелинского) уездов и уже в массе предпринимательского (фермерского) хозяйства южных степных уездов. Система налогообложения в Российской империи в основном основывалась на устаревшем принципе исчисления платежей с наделной крестьянской земли по ревизским душам. Но на юге Уфимской губернии купчие земли (индивидуальная и коллективная частная собственность) уже играли очень большую роль, местами составляя основную часть земельного крестьянского фонда [5], и в результате получалось, что наиболее зажиточное крестьянство (предприниматели) несли меньшее бремя платежей, чем общинники (там же меньше было и бывших крепостных).

Красильников подчеркивал, что «наиболее обложенным является Мензелинский уезд», крестьянство которого «платит 27% доходности своих земель», что в 2–4 раза больше, чем в других уездах [2, с. 10], на Мензелинский уезд приходилась и основная часть недоимок (53%), что не удивительно, так как 70% погубернских недоимок составляла задолженность по выкупным платежам, 20% – по земским сборам, 8% – по страховым сборам [2, с. 45].

Значительная часть крестьянства Уфимской губернии успешно уплачи-

вала все причитающиеся сборы. Так, на 1900 г. в 25% обществ (22% дворов) вообще не было недоимок, в 34% обществ (37% дворов) задолженность не превышала 2 руб. на хозяйство [2, с. 53]. Примерно половина крестьянства края не испытывала серьёзных затруднений с уплатой налогов.

Красильников особо выделили различия в сословной структуре крестьянства. Среди основных групп сельчан плативших выкупные платежи у бывших помещичьих приходилось по 2,95 руб. недоимок на десятину, у бывших государственных – 1,89 руб., удельных – 0,65 руб., горнозаводских – 0,76 руб. В то же время среди крестьян вообще не плативших выкупных платежей лишь у вотчинников (башкир, имевших наиболее слабое земледельческое хозяйство) недоимка доходила до 1,1 руб. с десятины земли. У коренных собственников (особого разряда крестьян, имевшегося только в Уральских губерниях, они купили землю в собственность ещё во время крепостничества) недоимка составляла всего лишь 0,06 руб. на дес., у припущенников (бывших арендаторов башкирских земель) – 0,15 дес., у переселенцев-собственников – 0,29 руб. [2, с. 59].

Крестьяне – частные собственники (личные или коллективные) платили незначительный государственный поземельный налог как помещики [1], определение же величины ревизских душ для переселенцев вообще было условным. Такая специфическая ситуация, когда наиболее многоземельные и зажиточные группы крестьян, включая фермеров-предпринимателей, несли менее тягостное налоговое бремя, будучи избавлены от выкупных платежей, стало одним из важных факторов успешного развития аграрного капитализма в степных уездах Южного Урала.

Библиографический список:

1. Абсалямов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф. Уфимские помещики: типы источников, виды документации. Уфа, 2013.
2. Красильников М.П. Платежи, недоимки и продовольственная задолженность населения Уфимской губернии. (Материалы по текущей статистике Уфимской губернии). Уфа, 1902. VI, 120 с., карты.
3. Марискин О.И. Государево тягло. Налогообложение крестьянства России во второй половине XIX – первой трети XX века (по материалам Среднего Поволжья). Саранск, 2004.
4. Роднов М.И. Земство Уфимской губернии и аграрная статистика // Российская история. 2012. № 5. С. 110 – 120.
5. Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа, 2002.

4.

Опубликовано: Роднов М.И. Губернатор и редакторы // Бюрократия и власть в Российской империи в XVIII – начале XX вв.: региональный аспект: Сб. науч. трудов / Науч. ред. И.И. Маслова, отв. ред. Н.Л. Семёнова. Стерлитамак, 2014. С. 149 – 157.

М.И. Роднов

Губернатор и редакторы

В Уфимской губернии, как и в некоторых других регионах Российской империи, вплоть до начала XX в. единственной местной газетой оставались губернские «ведомости». Несмотря на вероятную убыточность издания, власть не собиралась отказываться от выпуска своего «официоза», через который она оказывала влияние на местное общество, тем более в условиях растущей роли средств массовой информации. Кандидатура редактора неофициальной части «ведомостей» (официальная являла простой набор указов и распоряжений) подбиралась непосредственно первым лицом, «начальником» губернии. В Уфе беспрецедентно долго, целых 32 года, с 1865 по 1897 гг. «Уфимскими губернскими ведомостями» руководил выдающийся статистик и краевед Николай Александрович Гурвич (1828–1914). Он умел находить «общий язык» со всеми губернаторами края, гибко подстраиваясь под их вкусы, учитывая общественно-политическую ситуацию в стране и регионе [11].

Но в конце 1896 г. губернатором в Уфу был назначен Николай Модестович Богданович (1856–1903), сын известного военного историка Модеста Ивановича Богдановича (1805–1882), яркая личность, оставившая свой «след» в судьбе нашего края. Именно при поддержке Н.М. Богдановича была организована знаменитая уфимская земская статистика [10], на трудах которой базируется вся местная историческая наука, изучающая период рубежа XIX–XX вв. Про начальство чаще вспоминают с плохой стороны, любят ругать ушедшего правителя на Руси. Но в декабре 1910 г., через *семь* лет после смерти Н.М. Богдановича, писатель и земский начальник С.Р. Минцлов записал воспоминание сельского священника: «Богданович, в общем, здесь в губернии оставил после себя добрую память: почти все хвалят его и говорят, что он был умный и дельный человек» [6, с. 102].

Но, как часто бывает, произошло столкновение характеров двух неординарных личностей и в 1897 г. именно губернатор Н.М. Богданович снимает Н.А. Гурвича с должности редактора и, видимо, отставка имела скандальный характер [11, с. 77–80]. Новый 40-летний губернатор, человек деловой и энергичный, по всей видимости, стремился превратить уфимский официоз в актуальную, современную газету, не увлекающуюся всякими древностями, а идущую в ногу со временем. Действительно, в последние годы работы Н.А. Гурвича уфимские «ведомости» являли собой противоречивое зрелище, но пожилой редактор был очень опытным журналистом, найти ему замену оказалось крайне сложно. И, как всегда, разрушать легче, чем созидать. Через

несколько лет самые неудачные номера «ведомостей» эпохи Гурвича смотрелись бы шедевром на фоне полной деградации. Но до неё ещё было далеко.

Сначала (для приличия?) номера «ведомостей» с 3 по 14 сентября 1897 г. подписывал и. о. редактора, многолетний начальник газетного стола Константин Семёнович Еварестов (видимо, именно он подбирал заметки по стране и миру для каждого номера), а с 16 сентября 1897 г. «Уфимские губернские ведомости», неофициальная часть, получили постоянного редактора – им стал коллежский секретарь Николай Алексеевич Озеров, по совместительству (на 1899 г.) один из старших помощников правителя канцелярии губернатора [1, отдел II, с. 60]. То есть сотрудник из «ближнего» аппарата Н.М. Богдановича, которых глава региона знал, без сомнения, лично.

Н.А. Озеров продержался почти три года и, надо сказать честно, редактором он был совсем неплохим, особенно в первое время, когда ему приходилось заочно конкурировать со знаменитым ушедшим предшественником. Подшивки за 1897 и 1898 гг. историкам стоит внимательно изучать, здесь много интересного – от краеведения до анализа современной жизни. Редактор Н.А. Озеров старательно пытался собрать вокруг газеты круг уже своих авторов. Но процесс этот был длительный, а сам Николай Алексеевич, в отличие от Н.А. Гурвича не был краеведом, за его подписью выходили статьи о пенсионных кассах и счетоводстве.

Но к началу 1899 г. уфимские «ведомости» превратились совсем в «хлипкое» издание, в № 24 были приведены данные о подписке (лидеры – «Нива», «Свет»), о величине собственного тиража скромно умолчали. При всех своих недостатках, редактор Н.А. Гурвич старался сохранить «ведомости» как газету для светского общества, образованной элиты, которой интересна местная история, которая готова поразмышлять над материалом. Новая эпоха вынесла на первое место спрос на масс-медиа, требовалось «кормить» информацией резко увеличившиеся слои грамотного (но образованного ли?) населения.

Не известны взаимоотношения между редактором официоза и губернатором Н.М. Богдановичем. Можно предположить нараставший конфликт. Энергичному технократу-чиновнику, вероятно, нужен был просто справочно-информационный листок, информировавший подписчиков о прогрессе в подведомственной губернии, а редактор хотел свободы, мечтал о полноценной «большой» прессе. И в 1899 г. наступила анархия. Н.А. Озеров подписывал в качестве редактора номера по 14 февраля 1899 г., затем с 16 по 21 февраля газета выходила вообще без всякой подписи, после чего с 23 по 26 февраля читатель видел и. о. редактора, ветерана службы К.С. Еварестова. Наконец, Озеров возвращается, но всего лишь на десять дней (2–12 марта 1899 г.), после чего Николай Алексеевич покидает Уфу. В справочнике на 1900 г. чиновник Н.А. Озеров ещё упоминается в списке членов комитета по устройству народных чтений в Уфе, но среди служащего люда его нет [2, с. 154].

По всей видимости, он уехал в Вятку. Именно в 1899 г. здесь выходит первый номер общественной и литературной газеты «Приложение к "Вятским губернским ведомостям"», возникшей из неофициальной части «ведо-

мостей». Первым редактором нового издания и был Н.А. Озеров (1899–1903 гг.) [7, с. 16]. Можно предположить, что губернатору Н.М. Богдановичу предлагалась та же идея – выделить неофициальную часть, создать «нормальную» прессу, то есть максимально свободную от чиновничьего контроля (в смысле губернаторского). Убеждённому государственнику Н.М. Богдановичу, верившему, что только честные трудолюбивые чиновники способны решить все проблемы Отечества, а не какая-то там общественность, наверняка, подобные взгляды не нравились. Как способный и энергичный редактор Н.А. Озеров также упоминается в качестве издателя внепартийной «Тверской газеты» (1909–1914 гг.) [9].

Возможно, уфимский губернатор вообще не считал проблему местной прессы сколько-нибудь значимой, «дело надо делать, господа», а не газетёнки всякие печатать, но пожилой начальник газетного стола К.С. Еварестов в качестве и. о. редактора официальной и неофициальной частей «Уфимских губернских ведомостей» задержался на целый год – с 13 марта 1899 по 31 марта 1900 г. Наступила полная деградация – если кто-то что-то пришлёт интересненькое – публиковали, а в остальном – сплошные перепечатки, круга авторов нет. Складывается впечатление, что занятому губернатору Н.М. Богдановичу газета просто была не нужна. На выручку своему «засохшему» изданию даже пришёл бывший редактор Н.А. Гурвич, разместивший в 1900 г. ряд статей (№ 20, 67, 80, 84, 100). Любопытно, но к подшивке «ведомостей» прилагались маленькие книжечки – отчёты Уфимского попечительства о народной трезвости, которые часто были гораздо более содержательны, чем сама газета.

Тем временем, К.С. Еварестов засобирався на пенсию, должность начальника газетного стола получил титулярный советник Евгений Васильевич Каценеленбоген [3, с. 21], которому в качестве нагрузки досталась должность редактора «ведомостей» (с 1 апреля по 18 июля 1900 г.). Надо отдать ему должное, небольшие сдвиги в газете начались – выходят интересные статьи о Случевской горе (№ 98), пребывании Суворова в Уфе (№ 107) и др., но наверху решили доверить место редактора приближённому к власти человеку. С 19 июля 1900 г. эту должность занял один из старших помощников правителя канцелярии, коллежский секретарь Николай Павлович Газов [3, с. 20], из непосредственного аппарата губернатора Н.М. Богдановича.

Грянули полтора года «зелёной» тоски. Редактор, будучи одновременно делопроизводителем губернского кустарного комитета, как раз выпустил книгу о кустарных промыслах в крае [4]. Новый глава уфимской прессы старался, время от времени на страницах «ведомостей» появлялись интересные статьи (об уфимском водопроводе – № 180, 100-летнем юбилее семинарии Е.А. Зефирова – № 214, др.), среди авторов встречаем С.С. Моллесона, А.А. Султанова, А. Умова, Н. Кувайцева, Н.А. Падурова, А.Ф. Комова, но в целом уровень газеты оставался невысоким, а историко-краеведческая тематика почти отсутствовала. Любопытно, но с ноября 1901 г. в «ведомостях» появилась подпись начальника губернской типографии И. Закашляева (он же редактор официальной части), где печаталась газета, как, видимо, самой важ-

ной фигуры.

Наконец, 1 марта 1902 г. читатель последний раз мог лицезреть подпись редактора Н.П. Газова, со следующего № 49 от 2 марта 1902 г. неофициальную часть «Уфимских губернских ведомостей» возглавил новый редактор Василий Павлович Буткевич. А в № 51 за 5 марта появилась разъясняющая информация, что приказом губернатора Н.П. Газов, согласно прошения, освобождён от должности, временно исполнять которую поручено надворному советнику В.П. Буткевичу. Одного чиновника губернатор Н.М. Богданович заменил на другого, В.П. Буткевич служил секретарём Губернского правления и, надо полагать, своих непосредственных обязанностей у него хватало. Временное пребывание затянулось почти на год – по 5 января 1903 г.

Газета была просто убита. Печатались телеграммы РТА (русского телеграфного агентства), расписание поездов и пр. Подобная ситуация, продолжавшаяся из года в год, надо полагать, отражала позицию губернатора Н.М. Богдановича – девственному народу не нужно читать газеты, пусть молебны слушает. И вдруг среди пустоты – статья уфимского краеведа П. Резанцева об административной роли Уфы (номера с 92 по 106 за 1902 г.). Встречалось кое-что стоящее, но самой интересной частью газеты была реклама.

Однако не даром современники высоко оценивали губернатора Николая Модестовича Богдановича. Честный служака, наконец, осознал важность прессы. Народу лучше читать интересную газету, а не революционные прокламации. Лучше поздно, чем никогда. И уцелевшие подписчики «Уфимских губернских ведомостей» в начале 1903 г. смогли лицезреть чудесное преобразование. Январские номера пошли один лучше другого: Е. Незнаев повествует об уфимском садоводстве (№ 11), в № 12 некролог на скончавшегося 15 января Василия Ильича Видинеева, выходит даже разбор стихов (№ 17), Н. Овчинников печатает рассказ о пугачёвщине (№ 20), появляются художественный рассказ Е.Л. Смирнова «Деревенская ёлка» в № 27, ярмарочные картинки П. Базилевича в № 31 и пр. Кто же возглавил эту газетную революцию?

С номера 5 от 8 января 1903 г. в конце неофициальной части появилась подпись – редактор Ф. Подоба, он сразу же стал приглашать авторов. Известно, как и где губернатор Н.М. Богданович познакомился с Фёдором Григорьевичем Подобой, но очевидно, устав от бесплодной редактурной верноподданных чиновников, начальник губернии решил пригласить личность яркую и опытную в газетном деле. В Уфу приехал талантливый редактор и литератор.

Переписка Ф.Г. Подобы сохранилась в архивах Москвы и Петербурга [12, 13], а в библиотечных каталогах встречаем целую подборку его произведений [8]. Была в его судьбе до приезда в Уфу и работа в прессе. Из статьи курского историка Татьяны Леонидовны Кононовой узнаём, что с 1893 г. в Курске выпускалась частная общественно-политическая и литературная газета «Курянин». Издателем и редактором газеты был Ф.Г. Подоба, педагог, активный участник первого съезда русских деятелей по печатному делу в 1895

г., одна из самых ярких фигур курской печати. Среди различных материалов здесь публиковались статьи по краеведению, художественная литература. Газета выходила на средства редактора, уже в 1894 г. она оказалась в тяжёлом положении и в начале 1896 г. издание было прекращено [5].

Новый уфимский редактор был личностью неординарной. Так, в № 34 за 1903 г. он сообщает свой адрес – Уфимская улица, дом Мещанского общества (где помещалась мещанская богадельня), здесь Ф.Г. Подоба принимал посетителей «для личных объяснений». А из номера за 13 февраля потрясённый читатель узнал, что с 15 февраля неофициальная часть будет выходить отдельным приложением под названием «Уфимские ведомости». И до конца 1903 г. издавались «Уфимские губернские ведомости» (официальная часть) и «Уфимские ведомости» – ежедневный неофициальный отдел УГВ. В Уфе впервые появилась самостоятельная, «нормальная» газета. Редактор Ф.Г. Подоба размахнулся на всю ширь (имея поддержку губернатора Н.М. Богдановича).

С первого номера за 18 февраля 1903 г. (в скобках сообщался общий с УГВ № 38-й) появляется художественно-литературный «подвал», где печатается очерк «На разсвете». Затем литературные произведения выходят регулярно: А.Е. Смирнова (№ 7, 11, 12, 16, 28), самого Ф.Г. Подобы о своей книге «Сердце и школа» и др. (№ 30, 31, 38, 42, 43, 45, 50, 54 56, 58, 61). Публикуются краеведческие сочинения, много говорится о городском хозяйстве, жизни деревни, выходят едкие фельетоны Нето «Телемухофон», высмеивающие недостатки уфимской жизни, а рядом лиричный очерк «Новый парк на Случевской горе» (№ 56) и разбор театральных постановок. «Уфимские ведомости» откровенно освещают и политическую ситуацию в крае, в № 27 приведена подробная информация о расстреле в Златоусте (28 убитых, 17 умерло от ран). В общем, случилось невероятное – консервативный губернатор Н.М. Богданович санкционировал появление в Уфе весьма либеральной прессы.

Счастье длилось не долго. В четверг 8 мая 1903 г. редактор Ф.Г. Подоба приводит подробные сведения об ужасающем злодеянии: 6 мая в день рождения императора Николая II в Ушаковском саду террористами был застрелен губернатор Николай Модестович Богданович. Майские номера «Уфимских ведомостей» полны самой разнообразной информации о гибели губернатора, редактор Ф.Г. Подоба не жалел места и красок, видимо, он же и составил подробный некролог на Н.М. Богдановича, который помещён в конце статьи [14]. В № 67 выходят стихи П. Кавадерова «У свежей могилы», посвящённые убиенному начальнику края. Там же сообщалось, что «у здания аптеки Дворжеца в г. Уфе, на Центральной улице, выставлена витрина с фотографическими снимками покойного Начальника губернии, места его злодейского убиения в городском парке и с тела, лежащего на столе под грудой венков в зале губернаторского дома. У витрины всё время толпится народ, разглядывая снимки». А в № 70 вдова, Вера Николаевна Богданович, приезжавшая в Уфу забрать тело супруга, просила вице-губернатора Блока передать всем благодарность за соболезнования. Н.М. Богданович был погребён в Санкт-Петербурге на Новодевичьем кладбище 15 мая 1903 г.

Что удивительно, теракт и гибель губернатора не повлияли на позицию «Уфимских ведомостей», она оставалась такой же задиристой и актуальной. Редактор Ф.Г. Подоба продолжал публиковать разнообразную и весьма занимательную информацию. Газета переживала просто ренессанс. Так, в № 87 и 88 за подписью И. Урсын выходит большая статья «В Старой Башкирии», где в частности говорится: «Язык башкир имеет ныне много общего с татарским; он заключает в себе много арабских и турецких выражений, а в разговоре и русских. У башкир есть свой поэт 60 летний Салим Умитбаев. Он обладает трогательным и сильным слогом, прекрасно перевёл "Бахчисарай" Пушкина, и популярен в Казани, Оренбурге, Урал[ьск]е, Уфе. Лучшими из башкирских писателей-прозаиков считается Ризайдин Фахритдинов. Его сочинения – блестящая сатира на предрасудки башкуртов и татар. Он приверженец европейского просвещения. Но слог его сочинений – больше татарский, чем башкирский.

Много пишет о башкирии сын муфтия Хажди Салим-Гирей Султанов, большой почитатель прошлого своей родной башкирии. Его рассказы помещены в С.-Пет. Ведомостях, в Казанских газетах, в журн. "Землеведение". Особым выпуском издано его "Путешествие в Мекку"».

А тем временем, 22 июня 1903 г. по реке прибыл в Уфу новый губернатор И.Н. Соколовский, затем приезжает полицмейстер Г.Г. Бухартовский, которые начали наводить порядок в городе. И хотя в «Уфимских ведомостях» ещё публикуются замечательные краеведческие очерки по истории библиотеки и музея (№ 92), о паломничестве в Табынск (№ 101), башкирское предание «Зоя-Тюляк и Су-сулу» Салим-Гирея Султанова (№ 107), статьи Н. Иванова о первой типографии в Уфе в 1801 г. (№ 137) и «Ой-Кыз. (Башкирская легенда о луне)» (№ 153), чувствуются перемены. Газета стала более серьёзной, с июля исчезли фельетоны, усилился акцент на церковные сюжеты, стало больше, так сказать, позитива, проекты благоустройства и... в номере за 22 августа 1903 г. встречаем объявление: «Ремингтон пишущая машинка с двойным валиком (8 вершков длины) продаётся за 275 руб. (новая стоит 350 р.)» – обращаться к редактору «Уфимских ведомостей» Ф.Г. Подобе. Читателю всё стало ясно. Новый губернатор к либерализму отнёсся с неодобрением и № 160 за 11 сентября 1903 г. был последним подписанный: редактор Ф. Подоба. Следующий за 12 сентября выпустил уже «за редактора» И. Литвинюк. Эра Фёдора Григорьевича Подобы в Уфе закончилась¹. Наступили «новые» времена.

Список литературы:

1. Адрес-календарь и справочная книжка Уфимской губернии на 1899 год. Уфа, 1899.
2. Адрес-календарь Уфимской губернии на 1900 год. Уфа, 1900.

¹ Ф.Г. Подоба посещал Уфу и позже. Так, 29, 30 ноября, 1 и 2 декабря 1911 г. в зале семейно-педагогического общества (Центральная, 20), говорилось в объявлении, «состоится публичные лекции Ф.Г. Подоба – организатора С.-Петербургского Ольгинского прита трудолюбия и бывшего инспектора народных училищ» на тему о любви к детям и воспитании (Уфимский край. 1911. 25 ноября).

3. Адрес-календарь Уфимской губернии на 1901 год. Уфа, 1900.
4. Газов Н.П. Кустарное дело в Уфимской губернии. Уфа, 1900.
5. Кононова Т.Л. Первые частные газеты Курской губернии (конец XIX – начало XX вв.) // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история»: материалы XXVII международной заочной научно-практической конференции. (12 августа 2013 г.). Новосибирск, 2013. С. 100–108.
6. Минцлов С.Р. Из кн. «Дебри жизни». Уфа, 1992.
7. Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1901 год. Вятка, 1900.
8. Подоба Ф.Г. Русская литографированная хрестоматия для упражнений в чтении рукописей различных почерков в народных, городских и уездных училищах. М., 1878 (25-е издание вышло в 1915 г.); Подоба Ф.Г. На день коронации 15-го мая 1883 года. Одесса, 1885; Подоба Ф.Г. Бессарабский разбойник Тобулток: Быль из жизни Бессарабии. Кишинев, [1910]; Отчет о деятельности С.-Петербургского Ольгинского детского приюта трудолюбия в 1897–1898 годах с исторической точки зрения Ф.Г. Подобы. Тифлис, 1900; Подоба Ф.Г. «Сердце и школа». Кн. 1–2. М., 1903–1906; др.
9. Ресурсы Интернета.
10. Роднов М.И. Земство Уфимской губернии и аграрная статистика // Российская история. 2012. № 5.
11. Роднов М.И. Судьба редактора. Историко-документальная повесть. Уфа, 2009.
12. Российский государственный архив литературы и искусств (РГАЛИ). Ф. 322. Оп. 1. Д. 83.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1073. Оп. 1. Д. 69.

5.

Опубликовано: Роднов М.И. Уровень рыночного хозяйства у помещиков Оренбургской губернии накануне 1861 года (имение П.И. Сергеева) // Российская деревня в XVIII–XXI веках: социокультурное измерение: сб. статей IX Междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. Г.Е. Корнилов, В.А. Лабузов. Оренбург, 2014. С. 202 – 204.

М.И. Роднов

Уровень рыночного хозяйства у помещиков Оренбургской губернии накануне 1861 года (имение П.И. Сергеева)

В российской историографии начала XXI в. практически утихли споры об уровне развития аграрного сектора экономики, мало кого волнует что преобладало в помещичьей деревне – капиталистические отношения или отработки, в какой степени дворянская экономия работала на рынок, или представляла собой достаточно замкнутую, самодовлеющую структуру, поставившую на продажу лишь излишки для обеспечения повышенных запросов барской семьи и уплаты налогов. В современной литературе акцент в изучении помещичьего мира перенесён на воспетую дворянскую усадьбу как социо-культурный феномен. Действительно, именно через неё шло проникновение в традиционную деревню всевозможных инноваций – от новых культур до декоративных садовых насаждений. Но в числе инноваций важное место занимало рыночное (предпринимательское) хозяйствование помещика, неизбежно вовлечённые в эти экономические контакты крестьяне учились торговать, осваивали основы товарно-денежного оборота, видели свою выгоду. Не случайно, масса русских предпринимателей второй половины XIX в. вышла из крепостного крестьянства.

Важным источником для анализа ситуации в помещичьем хозяйстве является информация, собранная при подготовке реформы 1861 г., в частности по крупным имениям¹. Этот источник хорошо известен специалистам², хотя споры о достоверности сведений продолжаются³. Рассмотрим имения дворянина Петра Ивановича Сергеева. Это был не рядовой помещик, инженер, путеец (он проектировал линию железной дороги Самара – Оренбург), предприниматель, чья судьба вызывает интерес современных исследовате-

¹ Приложение к трудам Редакционных комиссий, для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. Том II. Извлечения из описаний имений, по великороссийским губерниям. СПб., 1860. Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Оренбургская губерния.

² См.: Давлетбаев Б.С. Крестьянская реформа 1861 года в Башкирии. М., 1983; др.

³ См.: Кащенко С.Г. Освобождение крестьян на Северо-Западе России. Экономические последствия реформы 19 февраля 1861 г. М.; СПб., 2009; Христофоров И.А. От Сперанского до Столыпина: крестьянская реформа и проблема землеустройства // Российская история. 2011. № 4; Абсалямов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф. Уфимские помещики: типы источников, виды документации. Уфа, 2013.

лей¹. В Уфимском уезде к северу от Уфы при селе Богородском находилась главная усадьба П.И. Сергеева² (355 д. м. п. крестьян и 39 дворовых), рядом с которой располагались 82 крестьянских двора («сверх того 11 дворов, принадлежащих дворовым и выстроенных ими самими»).

В пользовании крестьян (дворовых рассматривать не будем) находилось 200 дес. усадебной земли (0,56 дес. на мужскую душу) и 800 дес. пашни (по 2,25 дес. на душу). Кроме того всем крестьянам было отведено 300 дес. сенокосу «по лесу» и они получали «дрова и строевой лес» от барина. Всей удобной земли на душу приходилось в Богородском 3,66 дес.

Все крестьянские семьи находились на барщине, «издельных» тягол в Богородском было 137. То есть, в ряде случаев одним двором (всего 82, а тягол 137) жили семьи родственников, которых барский управляющий, однако, не объединял в единое тягло, а, наоборот, разделял, понимая, что они ведут отдельное самостоятельное хозяйство.

Тягло – это хозяйственная единица, устанавливаемая в каждом поместье отдельно, включавшая количество земли и сумму повинностей. В Богородском «тяги наделены по 6 дес. пахатной земли. Хозяйство трёхпольное с удобрием. Из дворовых 11 чел. состоят на оброке, по 10 р. каждый».

В 1861 г. имение Сергеева за долги предпринимателя находилось в опеке. Управлял поместьем опекун, коллежский советник Петровский, который проживал в самой усадьбе³. Опекуну не нужна была многочисленная дворовая челядь и он перевёл её на оброк.

Как и в абсолютном большинстве крупных дворянских имений Уфимского уезда крестьяне трудились на барщине, обрабатывали барскую пашню, а собранное зерно поступало в барские амбары (в Богородском склады разделяли собственно усадьбу и село). То есть, помещик накапливал значительные объёмы зерна, которое продавалось, вывозилось на ближайшие речные пристани. Ориентированное на рынок хозяйство было основой дворянского поместья Сергеева, как и большинства крупных дворян Уфимского уезда.

Основное количество земли дворянина П.И. Сергеева, однако, не состояло в пользовании крестьян. Это было уже его личное владение, управлявшееся из помещичьей конторы. Всей удобной земли у него имелось 7766,97 дес. (ещё неудобной 33,58 дес.), в том числе кустарника и леса было 8607 дес. (в источнике ошибка, скорее всего 7607). То есть, в непосредственном распоряжении помещика (его конторы, опекуна) находились в основном лесные площади.

При подготовке отмены крепостного права, фактически впервые была

¹ Мордовина О.С. Судьба инженера // Река времени. 2012: Мир южноуральской усадьбы / Отв. ред. Ю.М. Абсалямов, М.И. Роднов. Уфа, 2012; Она же. Опыт реконструкции планировки дворянской усадьбы Уфимской губернии XIX–XX вв. // Река времени. 2014 / Отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2014.

² Приложение к трудам Редакционных комиссий. С. 4–5.

³ Ведомость о помещичьих имениях по Уфимскому уезду [в 1861 г.] / Публикация М.И. Роднова // Река времени. 2011 / Отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2011. С. 133. По данным прессы в Богородском было 120 дворов всего и 9066 дес. земли (Там же. С. 130).

предпринята попытка собрать более-менее точные сведения о помещицѣм и крестьянском землевладении (ранее государство интересовало только число ревизских душ – налогоплательщиков). Это оказалось сложной задачей, потому что в реальной действительности земли помещика и крестьян чѣтко не были разделены (в Богородском крестьянам выделили 300 дес. сенокосу в лесу, хотя своего леса у крестьян вообще не имелось). На каждое из 137 «тягол» – единицы обложения внутри поместья – было выделено по 6 дес. пахотной земли. $137 \times 6 = 822$ дес. Столько всего пашни получили и обрабатывали все крестьяне Богородского, и «в пользовании» крестьян в документе указана близкая величина – 800 дес.

Краткие сведения по имению П.И. Сергеева в канун реформы 1861 г. показывают, что практически вся пригодная для сельскохозяйственного использования земля находилась в руках крестьян, барин, который вообще не жил в усадьбе, не вѣл никакого самостоятельного хозяйства, но собранный крестьянский хлеб сбывался на продажу. Это было, без сомнения, рыночно-ориентированное, чисто предпринимательское хозяйство, которое правда велось за счѣт принудительного труда (на подобие плантационного хозяйства южных штатов США). Внутренние потребности имения были минимальны, семейство П.И. Сергеева сюда лишь изредка наезжало, многочисленную прислугу не случайно перевели на оброк, чтобы не кормить лакеев, поваров и конюхов, опекун тоже был человек временный.

Аналогичное барщинное хозяйство вели почти все крупные помещики Уфимского уезда, чему способствовали близость имений к городу, где проживали сами дворяне, доступность оперативного управления, а также наличие близких речных пристаней, через которые всегда можно было вывезти и продать собранный хлеб (выращенный крепостными). Всего в Уфимском уезде из 33 крупных поместий лишь в шести единичные крестьянские семья (тягла) состояли на оброке. И имелось единственное поместье Н.Ф. Воронцовкой (сельцо Фѣдоровка), где оброчные крестьяне преобладали над барщинными (100 и 48)¹. Но в других уездах Оренбургской губернии ситуация была иная. После отмены крепостного права происходит гибель рыночного дворянского хозяйства, замена его полунатуральным крестьянским укладом. На смену малоэффективной, основанной на рабском труде, но предпринимательской экономике крупных дворян пришло господство патриархальной традиционалистской, антирыночной общины.

¹ Приложение к трудам Редакционных комиссий. С. 2.

6.

Опубликовано: Роднов М.И. Автомобиль на Южном Урале – к вопросу об уровне модернизации российского общества в начале XX в. // История, университет, историк: Сб. научных статей / Отв. ред. В.Л. Пянкевич, В.В. Морозан. СПб., 2014 (Труды исторического факультета СПбГУ. Том 19). С. 79 – 86.

М.И. Роднов

Автомобиль на Южном Урале – к вопросу об уровне модернизации российского общества в начале XX века

В современной отечественной историографии, средствах массовой информации и общественном сознании продолжают дискуссии об уровне социально-экономического развития Российской империи в канун Первой мировой войны и революции 1917 г. При обсуждении данной проблемы, с моей точки зрения, необходимо обращать особое внимание на качественные изменения в состоянии социума – уровень информационной среды, статус женщины, формирование гражданского общества и др. Одним из таких качественных сдвигов является распространение принципиально нового вида транспорта – автомобильного, показывающего степень материального благосостояния и информированности населения, общего технического развития в регионе, связи с западноевропейскими рынками, востребованность в совершенно незнакомом транспортном средстве и наличие экономических предпосылок в крае для массового использования автомобиля.

Первые машины с двигателями внутреннего сгорания начали в широких масштабах появляться в Москве и Санкт-Петербурге в 1890-е гг.¹ В первое десятилетие XX в. происходит триумфальное шествие автомобиля по российской провинции, в том числе и на Южном Урале. В Уфе первое дорожно-транспортное происшествие с участием автомобиля фиксируется в 1908 г.² А в начале 1910-х гг. предпринимаются попытки организовать междугороднее автомобильное сообщение. Так, в конце 1911 г. Д.В. Ланецкий обратился к властям с просьбой открыть пассажирское автомобильное движение по Уфимско-Оренбургскому почтовому тракту на расстоянии в сотни вёрст. Строительное отделение Уфимского губернского правления согласилось при условии, «чтобы управление автомобилями вверялось опытным шоферам, чтобы каждый автомобиль вместе с нагрузкой не превышал 300 пуд., на каковую грузоподъёмность рассчитаны мостовые сооружения и чтобы в целях охранения проезжающего населения от могущих произойти не-

¹ См.: <http://www.2-capital.ru/russo-balt.html>; Шугуров Л.М. Автомобили в России и СССР. Ч. 1. М., 1993; Он же. Автомобильная Москва. Столетие 1902–2001 (Фотоальбом). М., 2004; Он же. Погоня за руссо-балтом. М., 2004; Шляхтинский К.В. Автомобиль в России: История автомобиля. М., 1993; др.

² История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. Т. II. Уфа, 2007. С. 103. В Уфе автомобиль повстречался на улице Пушкинской с башкиром – продавцом угля, лошадь которого бросилась бежать и врезалась в телеграфный столб. Башкир сказал только «шайтан» (Уфимский край. 1908. № 124).

счастливей при встрече с автомобилем на мостах, пропускались прежде проезжающие, а затем уже следовал автомобиль»¹. И междугородные автоперевозки начались. Летом 1912 г. владелец автомобильного гаража Д.В. Лепецкий (видимо, фамилия искажена в одном из сообщений) заявил полиции, «что 29 июня он отправил из Уфы в г. Стерлитамак автомобиль с 4 пассажирами под управлением шоффера» А.А. Каулина. Тот 25 июля возвратился в Уфу, но без машины, и «уклоняется объяснить», где её оставил².

Аналогичная ситуация была в Зауралье. В январе 1911 г. состоялось открытие автобусного движения в Челябинске, в один из дней в 10 утра от здания биржи отошёл первый автобус³. Тогда же предприниматели обращаются с просьбой о разрешении открыть автомобильное сообщение между Челябинском Троицком и Верхнеуральском (протяжённость маршрутов в сотни вёрст). Хотя начальник Самарского почтово-телеграфного округа выступил против идеи междугородного сообщения, так как понесут убытки содержатели ямщицких станций, летом 1911 г. разрешение было получено⁴. А в июле 1911 г. представители торгового дома «Братья Яушевы» на вновь приобретённом автомобиле совершили пробег от Троицка до Кустаная за 33 часа⁵.

Автомобилизация шла рядом с интенсивным развитием железнодорожной сети на Южном Урале, где в начале 1910-х гг. строились Волго-Бугульминская, Бердяуш-Лысьвенская (Западно-Уральская), Казанско-Екатеринбургская, Троицкая, Оренбург-Орская и планировалась Оренбург-Уфимская железные дороги. Инициативу проявлял не только крупный бизнес, компания «Вогау и К^о» проводила узкоколейную железную дорогу от Запрудовки (при Катав-Ивановском заводе) до Белорецка⁶, но и мелкий. Так, 19 мая 1912 г. механик И.Г. Гневывшев просил уфимские власти разрешить ему устроить по Оренбургскому тракту между Уфой и Стерлитамаком однорельсовую дорогу системы «Monorail» с конной тягой. Одна верста обошлась бы в 800 руб. По одному рельсу одна лошадь могла везти вагон со 120 пуд. хлеба. «Такие рельсовые дороги уже давно существуют в Африке и Америке и местами тянутся до 200 вёр.»⁷ А в Уфе дебатировался вопрос о необходимости трамвая⁸.

Но, конечно, основной размах автомобилизация получила в городах. В мае 1912 г. уфимский журналист рассказывал: «Велосипеды, мотоциклеты, самые разнообразные шарабаны в известные часы дня непрерывно снуют взад и вперёд по городу, заставляя оборачиваться непривычных прохожих и внимательно поглядывать по сторонам.

¹ Уфимский край. 1912. 3 января.

² Там же. 27 июля.

³ Голос Приуралья (Челябинск). 1911. 21 января.

⁴ Там же. 27 января, 22 февраля, 19 июня.

⁵ Там же. 27 июля.

⁶ История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. Т. II. С. 97–99.

⁷ Уфимский край. 1912. 20 мая. Об истории этого вида транспорта (monorail) см.: Википедия (статья «Монорельс»).

⁸ Уфимский край. 1912. 17 июня и др.

Особенно за короткое время увеличилось количество автомобилей, принадлежащих частным лицам и отдаваемых в наймы по часам и для поездок за город.

В течение последней недели, Уфа обогатилась ещё несколькими новыми автомобилями, и теперь при главных наших гостиницах: "Большой Сибирской", "России", "Руси" состоят собственные автомобили, удивляющих приезжающих, которые по одному этому выводят заключение о благоустройстве нашего города, и с этим заключением покидают Уфу, восхваляя повсюду её примерное благоустройство.

Приезжие из уездов прямо таки ходят с разинутыми ртами¹.

Влияние автомобилизации, видимо, способствовало появлению первого объявления о продаже машины. Некто Попов долго пытался сбыть свой 4-х местный экипаж².

Наконец, к июню 1912 г. в Уфе открывается первый «автосалон», говоря современным языком. В центре города, в Гостином дворе начало действовать представительство акционерного общества Лаурин и Клемент (отделение завода в России – Москва, Театральный проезд, 3). Эту фирму, получившую золотую медаль 2-й Международной Воздухоплавательной выставки за «продажные складовые автомобили», в Уфимской и соседней губерниях представлял А.Н. Степанов³. Торговля происходила по каталогам. Покупатели изучали по ним марки и цены машин, платили, заказывали и по железной дороге товар доставлялся в Уфу.

Судя по маркам уфимских авто, возможно, она торговала машинами и других производителей. Фирма была основана в 1894 г. как небольшая мастерская по производству велосипедов в чешском городке Млада Болеслав (Jungbunzlau) Австро-Венгерской империи. Дело Вацлава Клемента и Вацлава Лаурина пошло успешно, они стали выпускать мотоциклы, а затем автомобили, в 1906 г. их продукция вышла на рынки России. В 1925 г. завод объединился с концерном «Шкода», так появилась знаменитая марка легковых автомобилей «Skoda»⁴. В начале XX в. это была весьма успешная фирма, торговавшая, судя по рекламному проспекту, автомобилями в Праге, Вене, Будапеште, Лондоне и Москве⁵.

Первый автодилер в Уфе – Алексей Николаевич Степанов, видимо, был достаточно молодым человеком, занимался бизнесом, но своего «дела» не имел. Он проживал в доме, вероятно, матушки – Степановой Марии Феодоровны по адресу Бекетовская, 48 / Достоевская, 45, угловая усадьба. Можно предположить, что А.Н. Степанов был родственником Николая Никанорови-

¹ Там же. 25 мая.

² Там же. 13 мая и др.

³ Там же. 2 июня.

⁴ Кирилец Станислав. Автомобили Лаурин и Клемент – 100 летний юбилей в России // Царскосельский автомобильно-спортивный клуб // <http://www.tsar-auto-club.spb.ru/publishing/kiriletz/laurinandklement.html>.

⁵ Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ). Ф. И-9. Оп. 1. Д. 1018.

ча Степанова, председателя Уфимского биржевого комитета, так как Н.Н. Степанов одновременно состоял председателем Окружного (уфимского) Правления Императорского Российского общества Спасения на водах, а А.Н. Степанов был членом данного общества. Кроме того, А.Н. Степанов являлся членом от купечества во Втором городском Раскладочном по промысловому налогу Присутствии и членом Уфимского биржевого комитета по II разряду¹. В рекламе за 1913–1914 гг. в адрес-календарях торговля автомобилями не упоминается. Можно допустить, что автомобили имели возможность продавать также транспортные конторы, которых в 1911 г. в Уфе имелось шесть. Одну из них возглавлял Самоделкин², державший (???) сам машину.

Логичным итогом автомобилизации в Уфе стало постановление думы от 15 декабря 1911 г. о разрешении Г.С. Смирнову производить автомобильное движение по городу «на автомобиле за № 5 системы "Берлие" при управлении шоффером Николаем Венедиктовичем Щелоновым»³. В Уфе заработало первое коммерческое такси. Рост числа техники на дорогах и непривычность населения, как и отсутствие должной культуры у водителей, приводило к конфликтным ситуациям. «Вчера, – сообщал журналист, – 24 августа в 12-½ ч. дня, по Телеграфной ул. с быстротою молнии промчался автомобиль, который, вопреки обязательных постановлений, на перекрёстках не давал сигналов. Номера у автомобиля не имеется»⁴. К тому времени городские власти установили свод правил для нового вида транспорта (обязательные номера, порядок движения и пр.).

С началом Первой мировой войны в Уфе прошла мобилизация всего (исправного) автотранспорта на нужды обороны, благодаря чему известен автопарк Уфы в 1914 г. Владельцами действовавших машин являлись 12 человек (у одного было два авто), товарищество «Россия» и городская полиция. Но среди них двое держали своих «железных коней» в сельских усадьбах. Восемь уфимцев приобрели мотоциклы. По уфимским улицам носились 50-сильный полицейский «Фиат», 40-сильный «Перлес» от гостиницы «Россия», 25-сильный «Пармен» и 50-сильный «Жормен», 20-сильный дубль-фаэтон «Лорен Дитрих», а также три «Ольдсмобиля», «Opel» и иные модели. С учётом старых машин в Уфе летом 1914 г. имелось 19 или 20 автомобилей. Мотоциклетный парк был представлен марками «Мосотакош», «Пежо» (2), «Дукс», «Ариэль», «The Theka», «National» и «Магнетто». Среди собственников встречались помещики-дворяне, купцы, мещане, врачи, иная интеллигенция и даже одна женщина – Елена Ивановна Соколова.

Автомобили имелись в уездах и сельской местности. По Мензелинску гонял один «Форд», в Бирске – три мотоциклета марок «Мотовват», «Дюфориск и К^о» и «Победа», жители Стерлитамака купили три мотоцикла фирмы

¹ Справочная книга г. Уфы. Уфа, 1911. С. 12, 217; Отчёт Уфимского биржевого комитета за 1910 год. Уфа, 1911. С. 3–4, 135; Адрес-календарь Уфимской губернии на 1913 год. Уфа, 1913. С. 47, 75.

² Справочная книга г. Уфы. С. 238.

³ Уфимский край. 1912. 5 июня.

⁴ Там же. 25 августа.

«Некарсульм», один «Дукс» и пару других. Один мотоциклет приобрёл крестьянин села Аскино Иван Накаряков. Наконец, у помещика В.Н. Жданова в Белебеевском уезде имелся автомобиль завода «Бр. Крыловы в Москве». Другой землевладелец, дворянин С.С. Джантюрин в июле 1914 г. на 18-сильном «Форде» отправился из своего имения в селе Килимово Белебеевского уезда в Вятку. Правда, с поломанной осью обратно машину привезли на настоящих лошадиных силах. Всего к 1916 г. из Уфимской губернии в армию было мобилизовано 15 легковых автомобилей и 14 мотоциклов¹.

Изучение рекламы того времени показывает немалое присутствие современных технических товаров – от экипажных и вело-шин, до пишущих машинок «Ремингтон» и «Империл», двигателей «Русский Дизель» завода братьев Маминых в Балаково и пр. Стремительно насыщалось всевозможными машинами и механизмами сельское хозяйство. На смену конной тяге приходили двигатели внутреннего сгорания. К примеру, 29 мая 1912 г. в пригородные имения князя Кугушева и дворянина Ляуданского на большом автомобиле выехала группа агрономов и земских деятелей для знакомства с работой тракторов. Журналист восторженно сообщал:

«"Тракторы" – колоссальные-нефтяные машины двигатели, предназначенные для обрабатывания большого пространства почвы.

"Тракторы" – новинка в Уфимской губернии. Два лучших "трактора" имеются в вышеупомянутых имениях»².

По данным переписи 1917 г. в имениях Б.Н. Ляуданского и Харитоновых в Уфимском уезде на пахоте работали трактора. У последних два работника на тракторе за день (10 часов) вспахивали 7 дес.³ Мне приходилось слышать воспоминания местных жителей о работе трактора у помещика.

Новая техника было весьма дорогим удовольствием. К примеру, велосипед, похищенный у ученика местной духовной семинарии, стоил 160 руб.⁴, а английская пишущая машинка «Империл» с русско-латинским шрифтом продавалась за 190 руб.⁵ Для сравнения, весной – летом 1912 г. в Уфимском уезде среднего качества рабочая лошадь стоила от 43 до 53 руб., корова – 32–37 руб., свинья – 7–9 руб., пуд мяса – от 4 до 6 руб., а пуд пшеничной муки на базаре в июне покупали за 1 руб. 66 коп.⁶ За обычный велосипед можно было приобрести тройку коней.

Таким образом, к началу 1910-х гг. можно говорить о значительном проникновении достижений европейского технического прогресса в отдалённый южноуральский регион, а также об активном восприятии инноваций местными социумами. Многие представители не только наиболее состоя-

¹ ЦИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 1017. Л. 96, 259, 324 и др.; История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. Т. II. С. 103.

² Уфимский край. 1912. 28 мая.

³ ЦИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 580.

⁴ Уфимский край. 1912. 18 сентября.

⁵ Там же. 21 ноября.

⁶ Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1912 год. Уфа, 1914. С. 19, 196, 210–211.

тельных слоёв населения, но и выходцы из «среднего класса» проявляли интерес к техническим новинкам, приобретали автомобили. Услуги нового вида транспорта оказались сразу востребованными для внутри и межгородских перевозок. Причём в основном использовались легковые автомобили, некоторые марки которых (многоместные) фактически применялись как своеобразные автобусы. Сведений о грузовых машинах не имеется. Здесь гужевой и железнодорожный транспорт пока не имел конкуренции. Обращает внимание быстрота и «лёгкость» восприятия местным населением принципиально нового вида передвижения. Наблюдавшееся со второй половины XIX в. непрерывное поступление в провинцию газет, журналов и книг с информацией о новинках мировой технической мысли подготовило образованные слои общества к восприятию и использованию с коммерческой выгодой достижений технического прогресса. Интерес к новинкам техники на Южном Урале был весьма высок и охватывал самые различные слои населения, о чём свидетельствует в частности широкая популярность фотографии, первого «всемирного» технического увлечения¹. Модернизация российского общества быстро шла по нарастающей и затрагивала самые отдалённые регионы Российской империи.

¹ См.: Буравцов В.Н. Начало фотографии в Уфе // Река времени. 2011. Уфа, 2011.

7.

Опубликовано: Роднов М.И. Система управления в помещичьем хозяйстве Мензелинского уезда Оренбургской губернии накануне отмены крепостного права // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2013 год: Земледельцы и землевладельцы российской деревни конца XV – конца XX веков: экономическое, социальное и культурное развитие / Отв. ред. Е.Н. Швейковская. М., 2014. С. 108 – 113.

М.И. Роднов

Система управления в помещичьем хозяйстве Мензелинского уезда Оренбургской губернии накануне отмены крепостного права

При подготовке Великой реформы отмены крепостного права собиралась информация о всех помещичьих (дворянских) хозяйствах как в центре, так и в регионах [см.: 2; 6; 7]. И в единственной местной газете, издававшихся в Уфе «Оренбургских губернских ведомостях» в 1861 г. были опубликованы сведения о помещичьих имениях по всем уездам Оренбургской губернии, а также о горнозаводских владениях. В приложении к номеру седьмому официальной части «Оренбургских ведомостей» за 18 февраля 1861 г. помещены данные по Мензелинскому уезду [8, с. 70–83]. Эти материалы позволяют проанализировать систему управления в помещичьих имениях в канун Великой реформы, так как в газете, помимо сведений о числе крепостных и дворовых, владельцах, количестве земли и местоположении поместья, приводились сведения *«кто из помещиков находится в имении, или кому поручено управление»*.

Изучение помещичьего хозяйства на Южном Урале [1] показывает, что восточная граница «сплошного» дворянского землевладения в России проходила по условной границе Мензелинск – Бугульма, далее на восток помещичьи хозяйства располагались изолированными «островками» преимущественно вокруг городов. Мензелинский уезд (совр. восточный Татарстан) отличался концентрацией дворянского землевладения в Оренбургской губернии (гражданской столицей которой была Уфа, военные власти находились в Оренбурге), здесь как-бы заканчивалось «сплошное» расположение дворянских поместий. Мензелинский уезд типологически имел сходство с центральной Россией, а не с Приуральем.

Одной из самых многочисленных и ранних по происхождению групп местного дворянства являлись потомки смоленской и полоцкой шляхты, переселенной на Закамскую оборонительную линию еще в XVII в. [см.: 3]. К середине XIX в. значительная часть их обеднела и, не сумев доказать свое дворянское происхождение, оказалась в рядах крестьянства. Краевед Р.Г. Игнатьев в 1861 г. отмечал, что «Мензелинск населен был стрельцами; козаками и высланными на службу *смоленскими дворянами*, и теперь здесь более десятка тысяч мещан и крестьян называют себя "потомками смоленской шляхты". Так расплодился эта великолепная шляхта!..» [4, с. 64].

При изучении системы управления в помещичьих хозяйствах края на

1861 г. мною особо выделялся «столичный» Уфимский уезд, где близость имения к городскому жилью позволяла дворянам контролировать и вести хозяйство не проживая постоянно в поместье, а выезжая туда в основном в летние месяцы [см.: 9; 10]. Поэтому сведения о нахождении помещиков в имении и участии в управлении могли быть искажены. О реальном присутствии дворянской семье в сельском поместье, с моей точки зрения, более свидетельствует минимальный критерий числа дворовых людей (прислуги) в 20 и более душ, что позволяет предположить наличие достаточно значительного усадебного комплекса из жилых и хозяйственных построек, за которыми требовался присмотр немалого числа дворовых людей.

Далее приведены данные о способах управлением имениями в Белебеевском, Стерлитамакском и Бирском уездах, в маленьких городках отсутствовал социо-культурный комфорт губернского центра, проживание здесь не имело предпочтений перед сельским поместьем. Если в Уфимском уезде на 1861 г. лишь в 12 % имениях (33 из 269) постоянно жили владельцы [10, с. 118], то в остальных уездах ситуация была иная [1, с. 59–60].

Система управления в помещичьих хозяйства в 1861 г.

Управляют имением	Белебеевский уезд	Стерлитамакский уезд	Бирский уезд	Итого
сами помещики	25 (33%)	34 (45%)	15 (36%)	74
опекуны	1	5	9	15
нанятые управляющие	25 (33%)	23 (30%)	11 (26%)	59
свои крепостные (дворовые)	10	5	6	21
сельские старосты	11	8	–	19
неизвестно	5	1	1	7
всего	77	76	42	195

В отличие от Уфимского уезда в этих трех уездах свыше 1/3 помещиков (38 %) более-менее постоянно проживали в своих усадьбах (в Стерлитамакском уезде почти половина), хотя численно преобладали «нежилые» поместья. Обращает внимание большой удельный вес имений (59 из 195, или 30 %), где управление было поручено какому-то нанятому постороннему лицу. И кого только не встречается в рядах управляющих (приказчиков, бургомистров) дворянских хозяйств – купцы и мещане, военные и выходцы из западных регионов Империи, даже посторонние крестьяне. Найти опытного управляющего, который бы умело вел хозяйство и не шибко воровал, оставалось постоянной проблемой российских дворян-землевладельцев.

Обращает внимание малое количество имений, где помещики передоверяли хозяйствование над жизнью крепостной деревни самим ее представителям. Даже управляющих из собственных крепостных (дворовых) насчитывалось немного, а сельские старосты в роли начальствующих вообще выступали в единичных примерах. В последнем случае помещик передавал все бразды хозяйствования самой крестьянской общине в лице ее выборного старосты. Это показывает, с моей точки зрения, не только недоверие господ к

сельским мирам, но и слабость общинной жизни у помещичьих крестьян, нередко сам институт общинного (общественного) самоуправления у них был очень слаб и вводился (и узаконивался) уже в ходе самой реформы 1861 г.

Рассмотрим ситуацию в самом западном Мензелинском уезде, весьма удаленном от губернского центра гражданского управления – Уфы, Казань лежала ближе. Всего в Мензелинском уезде насчитывалось на 1861 г. 100 помещичьих селений, во многих из которых располагалось по несколько дворянских владений, которых было в 1 стане – 10, во 2 стане – 51, в третьем – 53 и в 4 стане – 19, итого 133 хозяйства дворян. Естественно состав мензелинских дворян был неоднородным, в 34 поместьях отсутствовали дворовые, а имений с числом дворовых менее 20 душ имелось еще 49. То есть достаточно крупных усадебных комплексов со значительным штатом обслуги в Мензелинском уезде было лишь 50¹. Кроме того, в 4 стане Мензелинского уезда значился Шильвинский (на посессионном праве) завод купца Подьячева, 140 дворов, крепостных ревизских душ 388 мужчин и 411 женщин, дворовых не имелось. Земли к этому заводу не были отведены. Заводом управлял опекун есаул Белоновский, а жители были причислены к приходу церкви села Боровецкого, что располагалось в одной версте от Шильвинского завода. Это владение не учитывается в данной статье.

В литературе приводились разные способы группировки дворянских имений по числу крепостных. Так, И.Д. Ковальченко выделял поместья, где было до 100 душ крепостных, со 101–250, 251–500 и свыше 500 душ [5, с. 36], Б.Г. Литвак распределял владения, где имелось до 21 души крепостных (имелись в виду крестьяне), от 21 до 100 душ и свыше 100 душ [6, с. 51 и др.]. В Мензелинском уезде на 1861 г. имелось 10 имений, где было более 500 душ крестьян обоего пола. Большинство же составляли сравнительно не крупные хозяйства и для группировки используем данные Б.Г. Литвака.

Конечно, краткие записи в газете носят достаточно условный характер. Ряд имений, принадлежавших одному дворянину / семейству, управлялись из единого центра. Кроме того, часто встречается запись: «владелец живет в имении», которую можно трактовать по-разному, или он лично управляет помещьем или при барине кто-то ведет хозяйство, а тут возможны самые разные варианты – от сельского старосты до нанятого управляющего.

В следующей таблице показана система управления в дворянских поместьях Мензелинского уезда по информации «Оренбургских губернских ведомостей» с некоторыми округлением данных (каждое имение учитывалось отдельно, даже если оно управлялось из единого центра, иногда общая система управления указывалась на все расположенные в одной деревне поместья).

¹ Здесь и далее подсчитано по: Оренбургские губернские ведомости. 1861. 18 февраля. Часть официальная. Приложение.

Система управления в помещичьих хозяйства Мензелинского уезда в 1861 г.

Управляют имением	до 20 душ крестьян включительно (в том числе без крепост- ных)	от 21 до 100 душ крестьян	свыше 100 душ крестья- ян	Итого
сами помещики	6	10	14	30
помещик живет в имении	9	9	14	32
нанятые управляющие	0	0	14	14
свои крепостные (дворовые)	7	6	20	33
сельские старосты (крепостные)	0	3	14	17
неизвестно	4	3	0	7
всего	26	31	76	133

Сравнение с первой таблицей показывает существенную разницу в системе управления помещичьими хозяйствами в районе «сплошного» расположения дворянских экономий (Мензелинский уезд) и в районах «очагового» нахождения имений (Бирский, Белебеевский и Стерлитамакский уезды). Первые две графы второй таблицы фактически идентичны. Так, дворяне Пасмуровы, владельцы обширных поместий, «живут в имении и сами им управляют», а хозяин нескольких деревень Левашев «постоянно живет в сельце Шунаках, и управляет имением сам чрез крестьян и старост». То есть, в 62 дворянских владениях из 133, и в основном в крупных и средних имениях, что составляет 47 % от общего количества, помещики Мензелинского уезда либо постоянно проживали в своих усадьбах, либо лично осуществляли управление хозяйством, приезжая по крайней мере в период сельскохозяйственных работ. Это даже превышает показатели трех других уездов (33–45 %). В удаленном от больших городов Мензелинском уезде вести хозяйствование было рационально при личном участии владельца.

Зато Мензелинский уезд отличался минимальным удельным весом нанятых (посторонних) управляющих. Если в трех других уездах Оренбургской губернии они руководили в 25–33 % имений, то здесь лишь в 14 (и только крупных) поместьях из 133 (10,5 %) вели хозяйство мещанин Засекин, отставной фельдфебель Бонашкевич, иностранец Низе, мещанин Патосин и др. И наоборот, если в трех восточных уездах крепостные управляющие и такие же крепостные сельские старосты управляли дворянскими имениями в 20,5 % случаев, то в Мензелинском уезде – в 38 %. При этом здесь во многих поместьях дело доверялось сельским старостам, то есть самим крестьянским общинам, дворянин лишь собирал ренту, что наблюдалось преимущественно в крупных имениях.

Таким образом, сопоставление сведений, собранных перед проведением Великой реформы к 1861 г., показывает принципиальные отличия в положении дворянских экономий в зоне «сплошного» распространения поме-

щичьего хозяйства и устойчивой крестьянской общины от «очагового» расположения имений среди огромных просторов крестьянских и башкирских земель. Хотя в удаленных от губернских городов уездах многие дворяне были вынуждены постоянно проживать в своих сельских усадьбах, на «традиционалистском» западе управление помещьем либо полностью передоверялось крестьянскому миру, либо велось своим доморожденным управляющим из тех же крепостных, который, навверняка, учитывал не только запросы барина, но и опыт и интересы поземельной общины, что подтверждают материалы по Мензелинскому уезду.

В более восточных уездах Оренбургской губернии, на линии «фронтира», в окружении численно преобладающих групп свободного, в том числе военно-служилого (казаки, башкиры, мещеряки, тептяри) населения, почти треть всех дворянских экономий управлялась нанятыми посторонними (вольными) приказчиками, да и сами помещики, постоянно проживавшие в имениях, нередко ориентировались на предпринимательские методы хозяйствования, не перекладывая дело на крестьянские общины, которые, видимо, здесь были слабы и не так давно вообще возникли из переведенных крепостных (на Южном Урале практически не было случаев перечисления местного податного населения в крепостное состояние). Это косвенно подтверждают сохранившиеся единичные описания хозяйствования дворян.

Так, В.С. Юматов (около 1795 – 1848), повествуя о своем личном опыте управления небольшим имением под Уфой, ни единым намеком не упоминает о какой-либо крестьянской общине, он все решения принимает сам на основании накопленного опыта. Хотя С.Т. Аксаков, обосновавшийся с семьей в 1822 г. в имении Надеждино Белебеевского уезда, быстро убедился в своей хозяйственной бестолковости, в отличие от предков, и, передав все дела старосте, занялся охотой, рыбалкой и литературой [1, с. 140–147, прил. 2]. А неизвестный автор под псевдонимом «Малосельский», представивший статью «О земледелии Уфимского уезда», рассказывая о личном 34-летнем опыте земледелия в поместье (1816–1850 гг.), опять ни единым намеком не упоминает о какой-либо общине, советах с крестьянами, народном опыте и т. д. Все решения принимает он сам, экспериментируя, извлекая информацию из агрономической литературы и беседах со соседними помещиками¹.

Сами условия Южного Урала – удаленность от основных транспортных путей, дороговизна крепостных (в начале XIX в. десятина земли в Уфимском уезде продавалась по 10 руб. ассигнациями, а крестьянская душа «без переводу, или в недалеком разстоянии» стоила 250 руб.) [1, с. 186], иное социально-сословное окружение, обилие сравнительно небольших владений и пр. вынуждали дворян-землевладельцев более активно переходить к предпринимательским формам хозяйствования, самим или через приглашенных управляющих. А Мензелинский, самый северо-западный уезд Оренбургской губернии, наоборот, отличался, так сказать, «классическими» способами в управлении дворянскими экономиями при самом активном участии крестьян-

¹ Оренбургские губернские ведомости. 1851. 15 сентября. Часть неофициальная.

янских обществ. Не случайно, именно Мензелинский уезд по сведениям на 1861 г., выделялся в крае проживанием помещиков не только в ближнем Мензелинске, но и в Санкт-Петербурге (Хвоцинский, Мейендорф), Уфе (Тевкелев, Листовская), Ижевском заводе (Романовский), Казани (Аристов, Рыбушкин, Карпов), Москве (Языков, Останков) и пр.

Библиографический список:

1. Абсалямов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф. Уфимские помещики: типы источников, виды документации. Уфа, 2013.
2. Давлетбаев Б.С. Крестьянская реформа 1861 года в Башкирии. М., 1983.
3. Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: проект, строительство, судьба. Самара, 2004.
4. Игнатъев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / Ответственный редактор В.А. Лабузов; составитель М.И. Роднов. Т. I: 1859–1866 года. Оренбург, 2011.
5. Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967.
6. Литвак Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 года. Черноземный центр 1861–1895 гг. М., 1972.
7. Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. М., 1979.
8. Роднов М.И. Новые материалы о помещичьем хозяйстве Мензелинского уезда накануне отмены крепостного права // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 2 (93).
9. Роднов М.И. Судьба помещичьего хозяйства после отмены крепостного права (первый стан Уфимского уезда) // Река времени. 2011. Уфа, 2011.
10. Роднов М.И. Усадебный мир помещиков Уфимского уезда в 1861 году // Река времени. 2012: Мир южноуральской усадьбы. Уфа, 2012.

8.

Опубликовано: Роднов М.И. Мулла-ростовщик // Мусульманские духовные лица в социальном и духовном развитии татарского народа (XVIII – начало XX вв.). Сб. статей. Казань, 2014. С. 122 – 138.

М.И. Роднов

Мулла – ростовщик

В последние годы в средствах массовой информации появляются материалы о так называемом мусульманском кредите. К примеру, в Казани появились «необычные пластиковые карты – продукт, который учитывает требования шариата. Основное отличие таких карт от обычных в том, что средства, размещенные на банковских счетах держателей карт, не могут использоваться в операциях, не соответствующих нормам ислама, в частности, не выдаваться в качестве займов»¹. РБК daily в октябре 2006 г. сообщило, что готовится «розничное кредитование по исламским правилам... Дело в том, что ислам запрещает ростовщичество, поэтому в странах, где ислам играет значительную роль, банки кредитуют своих клиентов беспроцентным кредитом»². В декабре 2011 г. в Башкортостане заработал первый мусульманский банк, объявило агентство Башинформ. «Основное отличие мусульманского банкинга от привычной нам модели кредитования – отказ от ссудного процента. Дело в том, что Коран запрещает брать плату за использование денег – чем, собственно, и зарабатывают традиционные кредитные организации»³.

Оставим востоковедам отвечать на вопрос, как обстояло дело с кредитом в Багдадском халифате, деньги-то всегда нужны, а религиоведам разбираться с соответствием норм Корана (Библии, Торы и иных священных книг) с практикой финансирования. Зададимся лишь риторическим вопросом, неужели кто-то когда-нибудь сопоставит «моральный кодекс строителя коммунизма» с уголовным делом директора Елисеевского гастронома?

Многочисленная современная научная литература по истории русского мусульманства в слабой степени затрагивает проблему экономики ислама, материального положения в первую очередь сельского духовенства⁴, что косвенно поддерживает миф про якобы «чистый», не разращенный капитализмом ислам⁵. Впрочем, после десятилетий забвения и атеистической

¹ <http://www.searchcredit.ru/creditcard/news/760-v-kazani-poyavilis-musulmanskie-bankovskie-karty>.

² <http://www.rbcdaily.ru/2006/10/03/finance/241038>.

³ <http://www.bashinform.ru/news/422925/>.

⁴ См., напр.: Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. Казань, 2007; Волго-Уральский регион в имперском пространстве: XVIII–XX вв. М., 2011; Россия и исламский мир: история и перспектива цивилизационного взаимодействия. Уфа, 2011; Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Вып. 2. Казань, 2011; др.

⁵ Корноухова Г.Г. Модернизация, алчность или верность религиозному долгу? К вопросу о «питейной этике» мусульманских предпринимателей Российской империи в конце XIX

пропаганды это объяснимо.

Поэтому особенно важно привлечение новых источников, даже по такой «скрытой» проблеме как ростовщичество. Под ростовщичеством понимается «извлечение чрезмерной выгоды из денежной ссуды путем эксплуатации затруднительного положения должника»¹. Образованная в 1895 г. уфимская земская статистика, финансируемая из местного бюджета, обладала немалой самостоятельностью при выборе тем исследований, и в 1899 г. было решено собрать информацию о таком остросоциальном явлении как ростовщичество.

Земцы сначала имели весьма смутное представление об этом. «Частный кредит, – отмечал обработавший полученные сведения и написавший текст М.П. Красильников, – опутавший нашу деревню, мало исследован ещё статистическим путём. Наша художественная литература дала в этом отношении богатый материал, из которого русское общество знает, что значит "деревенский благодетель", что такое представляет из себя "кулацкая ссуда"». Особый интерес вызывал частный кредит при неурожае, который заставлял «обедневшую часть населения толкаться в двери зажиточного соседа и продавать ему свой будущий труд, свой будущий урожай и все это по неимоверно низким ценам, причем уплачивать еще высокий процент за предоставленную возможность этой безвыгодной продажи. Кроме того в обеспечение правильности возврата в большинстве случаев отдается в заклад самое необходимое в хозяйстве имущество». Уфимские статистики подчеркивали, что по казенным и земским ссудам бывают рассрочки и льготы, «при частных-же займах драконовские условия, установленные самим заимодавцем неумолимо действуют во всей своей силе. Уж слишком хорошо вооружен в данном случае "благодетель" деревни, чтобы могли быть нарушены заключенные с ним условия»².

Ростовщичество было широко распространено в Уфимской губернии. До половины бедноты шли к ним на поклон (см. таблицу 1)³. В этот неурожайный год от 20 до 40% бедных крестьян брали хлеб в долг и 20–30% шли в кабалу за отработки. Займ хлеба в долг подразумевал выплату впоследствии процентов и, вероятно, заклад имущества. Но ростовщические операции могли практиковаться и при отработках (в основном крестьянских, помещиков в крае было немного). В целом же около половины нуждающихся сельчан Уфимской губернии в той или иной степени прибегали к услугам ростовщиков или просто богатых соседей, взимавших «лихву».

– начале XX в. // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2009. М., 2009; Она же. «Горе обвешивающим...» К проблеме существования обмана в деловой культуре мусульманских предпринимателей Российской империи конца XIX – начала XX в. // Научное, педагогическое и просветительское наследие М.К. Любавского и актуальные проблемы социально-экономической и политической истории России и ее регионов XVI–XX вв. Уфа, 2010.

¹ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XXVII (полутом 53). СПб., 1899. С. 133.

² Обзор Уфимской губернии в сельско-хозяйственном отношении за 1899–1900 год. (Зима – весна). Материалы по текущей статистике за 1899–1900 хозяйственный год. Вып. I. Уфа, 1900. С. 44.

³ Там же за 1897–98 год. Вып. I. Уфа, 1899. С. 103, 107, 112, 115–116, 118–119, 123, 128.

Таблица 1

Приобретение хлеба нуждавшимся населением Уфимской губернии зимой – весной
1897–1898 гг. (показания корреспондентов в процентах)

Уезды	За деньги	В долг	За отработки	Ссуды и прочее ¹
Уфимский	52,9	24,1	17,3	5,7
Стерлитамакский	49,6	19	19	11,6 + 0,8 ²
Белебеевский	36,3	27,9	22,9	12,9
Мензелинский	44,8	25,4	17,9	11,9
Бирский	35,7	39,5	22,2	2,6
Златоустовский	39,7	25,8	34,5	-
По губернии	41,5	30	22,3	6,2

Ростовщичество приносило немалую прибыль. Случалось, кредитор оплачивал «за пожданье» до 200% годовых, например весной 1900 г., за взятый пуд уплачивали 10–20 коп. Ссуду предоставляли обычно на полгода (с весны до осени) и, при средней цене пуда ржаной муки в 45 коп., получался «навар» ростовщиков в 30–45% годовых³. Намного выше обычных банковских процентов. Гораздо тяжелее другая форма кредита, – отмечали земские статистики, – «продажа будущего труда. Тогда заимодавец получает двойную выгоду: дешево покупает рабочую силу и дорого продаёт свой хлеб». В 1899 г. за пуд хлеба не дороже 50 коп. производилась работа стоимостью от 70 коп. до 3 руб. 63 коп. или на 40–626% дороже⁴. Земские корреспонденты сообщали о десятках видов отработок. В Уфимском уезде за взятые 10 пудов хлеба нужно было отработать 2–3 дня, за рубль долга в страду полагались 4–5 дней работы на хозяйских харчах⁵.

Чтобы получить точные данные о масштабах этого явления было решено провести конкретное обследование ростовщичества. Естественно, охватить не только губернию, но даже один уезд было практически невозможно. Поэтому решили изучить ситуацию в одной волости, а исследование поручили самому «передовому» Мензелинскому уездному земству, которое ещё в 1880-х гг. проводило переписи крестьянских хозяйств⁶. Мензелинские же статистики остановили свой выбор на Ирехтинской волости (совр. восточный Татарстан, Муслюмовский район). Результаты исследования сразу опубликовали в «обзоре» губернии за 1900 г. (глава VI «Частная задолженность», стр. 44–50), причем ценность этих сведений была такова, что в 1913 г. уфимские земцы повторно их перепечатали⁷.

Как отмечали сами земцы, «мы выбрали Ирехтинскую вол. по следую-

¹ Ссуды из хлебозапасных магазинов, казны, тептярского капитала (Белебеевский уезд).

² «Ходили по миру».

³ Там же за 1899–1900 год. С. 39.

⁴ Там же. С. 40.

⁵ Там же за 1897–98 год. С. 103.

⁶ См.: Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Приложение к тому III. Мензелинский уезд. Материалы подворного исследования 1884 года, собранные и обработанные Д.Н. Тяжелниковым. Самара, 1900.

⁷ Кооперация в Уфимской губернии. Вып. I. Кредитная кооперация. Уфа, 1913. С. 46–51.

щим соображениям: во первых, она расположена в наиболее пострадавшем от неурожая районе губернии, а во вторых, она считается в уезде, наиболее обедневшей». То есть ставилась задача проследить последствия недорода. Механизм сбора данных заключался в следующем, «при проверке на местах сведений о площадях посева и [поголовье] скота в Ирехтинской вол. Мензелинского уезда произвели регистрацию всех частных долгов, числящихся за населением этой волости»¹. Можно добавить, что выбор пал именно на эту волость еще и потому, что она лежала в долине реки Ик сравнительно недалеко от уездного центра и представляла собой компактную группу селений, что было удобно для поездок и статистических работ.

Но оказалось, что население Ирехтинской волости состояло исключительно из мусульманского населения, здесь не было ни единой русской деревни. Правда, на это обстоятельство сами земские статистики не обратили вообще никакого внимания, ни единым словом не выделив этот момент. Для них это было несущественно, в отличие от гипертрофированного интереса к национальной проблематике в современной литературе. Земцы считали, что есть общие социально-экономические процессы, а национальные, конфессиональные, сословные, территориальные и иные особенности суть частные проявления единых закономерностей.

Действительно, по всем исследованиям в Ирехтинской волости Мензелинского уезда проживали исключительно мусульмане. В 1884 г. «состояние крестьян» было указано как башкиры, тептяри, мешеряки и государственные крестьяне². Во время земской пообщинной переписи 1896 г. всех жителей включили в единую группу «башкиры, мешеряки и татары», внутри которой вотчинников насчитывалось 1859 чел., припущенников – 5198, бывших государственных крестьян – 2194 чел.³ Во время изучения местных ростовщиков в 1899 г. здесь насчитывалось 1967 крестьянских дворов, в том числе 1222 припущенников, 389 бывших государственных, плативших выкупные платежи, и 356 хозяйств вотчинников, с общим числом жителей 10 501 чел. (башкиры, татары, тептяри, русских вовсе не было). В таблице 2 показан этнословный состав населения Ирехтинской волости по данным земской переписи 1912–1913 гг.⁴

¹ Обзор Уфимской губернии в сельско-хозяйственном отношении за 1899–1900 год. С. 44.

² Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Приложение к тому III. С. 90.

³ Там же. Т. III. Мензелинский уезд. Оценочно-статистические материалы по данным местных исследований 1896 года / под ред. С.Н. Велецкого. Уфа, 1899. С. 132.

⁴ Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. Ч. II. Таблицы. Уфа, 1914. С. 74–75.

Таблица 2

Население Ирехтинской волости по переписи 1912–1913 гг.

№	Селение	Сословие	«Народность»	Число жителей
1	Варяш-Баш	вотчинники	башкиры	485
		припущенники	тептяри	578
		государственные	башкиры	86
2	Варяш Катмыш	государственные	башкиры	221
		припущенники	башкиры	12
3	Варяш Старый	государственные	башкиры	51
		припущенники	тептяри	413
4	Именли	вотчинники	башкиры	199
		припущенники	тептяри	56
5	Красный Яр (отруба)	припущенники	тептяри	88
6	Меллитамак	вотчинники	башкиры	332
		припущенники	тептяри	584
		государственные	башкиры	212
7	Меллитамак-Шарыпово	вотчинники	башкиры	635
8	Митряево	вотчинники	башкиры	1088
		припущенники	тептяри	229
9	Муслюмово	государственные	башкиры	357
		припущенники	башкиры	1639
10	Нарат-Асты	вотчинники	башкиры	119
		припущенники	тептяри	164
		государственные	башкиры	87
11	Салауз-Муханово	вотчинники	башкиры	22
		припущенники	тептяри	1002
12	Табын Нижний	государственные	башкиры	557
		припущенники	башкиры	322
13	Тамьян	государственные	башкиры	22
		припущенники	башкиры	392
14	Тигирменник	государственные	тептяри	73
		припущенники	тептяри	562
15	Тогашево	припущенники	башкиры	1175
16	Тойгильдино	государственные	башкиры	831
		припущенники	башкиры	649

Как видим, Ирехтинская волость – густонаселённый район, 16 селений и 32 поземельные общины, исключительно мусульман. Сейчас все жители считаются татарами, а в начале XX в. этноним «башкир» воспринимался как самоназвание не только вотчинников, но и припущенников и бывших государственных крестьян, напоминая об эпохе существовавшего до 1860-х гг. Башкирского (Башкиро-мещерякского) войска, в качестве своеобразной этносословной идентификации. С чем, правда, далеко не все историки согласны¹. Впрочем, в данном случае это не имеет никакого значения.

Естественно, что в чисто мусульманской Ирехтинской волости ростовщичи тоже принадлежали к последователям ислама. И действительно, в Ирехтинской волости ростовщичество имело свою специфику. В 1340 хозяй-

¹ Асфандияров А.З. Аулы мензелинских башкир. Уфа, 2009.

ствах из 1505 (89%) в ссуду взяли деньги (хлеб), отработки были очень редки. Заимодавцами здесь являлись «не частные владельцы, или большие посевицы крестьяне, а главным образом – муллы, которым нет необходимости давать в ссуду под обработку, так как посевы у них незначительны»¹ (выделено мною – М.Р.).

Отметим, что земские статистики упомянули этот момент мимоходом, не вдаваясь в морально-этические категории, дело, видимо, было обыденным. В заключении исследования они подняли вопрос «об обеспеченности займов закладами. Значительная часть займов обеспечена росписками, составляемыми на татарском языке и не оформленных Волостным Правлением. Своеобразные бытовые условия, где большинство мелких тяжб разбираются муллой, ограждают заимодавца от риска потерять данную в займы ссуду. В остальных-же случаях, когда росписка не берётся, заём обеспечивается залогом. Чаще всего среди заложенных вещей фигурируют перины, подушки, "танга" (серебряные женские украшения) и разного рода платье, преимущественно, меховое»². Мулла и ссужал крестьян деньгами и по законам шариата вершил правосудие.

А условия у здешних ростовщиков были суровые. Всего в Ирехтинской волости имели задолженность по частным займам 1505 дворов (76,5% всего количества) на сумму 20 344 руб., или в среднем на одно задолженное хозяйство по 13,52 руб. (в источнике 13,63 руб., ошибка при подсчете).

Среди всех крестьянских платежей частная задолженность занимала сравнительно скромное место. Крестьянство Ирехтинской волости было обременено в первую очередь долгами по продовольственным ссудам, полученным во время неурожая 1891–1892 и 1898 гг. Из общей величины платежей на продовольственные долги приходилось 74%, окладные сборы (налоги) – 4%, недоимки по ним – 14%, а доля частной задолженности составляла всего 8%. Сведения по категориям населения показывает таблица 3.

Разница между разрядами не очень велика. Обращает внимание высокий процент хозяйств, имевших частную задолженность. Вотчинники чуть ли не поголовно были в кабале у ростовщиков. Частные долги, при всем их относительно скромном размере, оказывались чрезвычайно тягостными для крестьян. По государственным и прочим налогам не было роста (%%), продовольственные долги носили долгосрочный характер, периодически предоставлялись льготы и, самое главное, сельчанин фактически мог не платить свои налоги и недоимки в полном объёме.

Другое дело частные краткосрочные долги. М.П. Красильников считал, что в ежегодно уплачиваемой сумме именно они занимали первое место. Тут не платить крестьянин никак не мог, «частные долги будут взысканы почти полностью, так как по данным переписи, заключены они – в подавляющем большинстве случаев – на срок не более года»³.

¹ Обзор Уфимской губернии в сельско-хозяйственном отношении за 1899–1900 год. С. 49.

² Там же. С. 50.

³ Там же. С. 46.

Таблица 3

Задолженность крестьянства Ирехтинской волости
(приходится на жителя в рублях)

Группы	Средний состав семьи	Средний надел на двор (дес.)	Платежей (руб.)	Недоимки по ним	Продолжительных долгов	астных долгов	Всего долгов ¹	% хозяйств, имевших частную задолженность
Вотчинники	5,7	8	1,69	4,23	17,03	2,38	23,64 ²	87
Государственные	5,3	1,9	1,98	4,01	18,31	2,48	24,8	73
Припущенники	5,2	1,8	0,44	2,84	17,88	2,59	23,31	74

Всего в 205 случаях земские статистики сумели выяснить точные условия займа. М.П. Красильников по весенне-осенней разнице в ценах на хлеб получил такие результаты (таблицы 4–5)³. Максимальные по закону 12% годовых не соблюдались. С мужика драли «три шкуры», причём чем беднее был крестьянин, тем больше ростовщик имел возможностей «гнуть кредитора и диктовать ему какие угодно условия».

Таблица 4

Условия займов	Число показаний в %%	Условия займов	Число показаний в %%
Без процентов	8	Из 51 – 75% годовых	32
Из 25% годовых	11	-«- 76 – 100 % -«-	17
-«- 26 – 50 % -«-	20	-«- 100 – 175% -«-	12

Почти в три раза тяжелее обходилась ссуда бедному крестьянину, чем зажиточному.

Таблица 5

Группы дворов	Средний процент по займам
С посевом до 2 дес.	106
- « - 2,01 – 4 дес.	61
- « - 4,01 – 10 дес.	43
- « - свыше 10 дес.	35

Исследование в Ирехтинской волости показало полное бессилие закона 1893 г. о ростовщичестве. Ведь по нему «выдача денег займы за более высокий, чем 12% годовых, считается ростовщической сделкой» и «карается

¹ Без платежей (налогов).

² В источнике 23,54, ошибка.

³ Обзор Уфимской губернии в сельско-хозяйственном отношении за 1899–1900 год. С. 49.

тюрьмой от 2 месяцев до 1 года и 4 месяцев». Занятие ростовщицеством в виде промысла «наказывается лишением всех особых прав и преимуществ и ссылкой на житьё в отдалённые губернии или тюрьмой». Закон 7 августа 1892 г. преследовал ростовщицество при хлебной торговле¹. Но в глухой деревне действовали свои правила. Да и никаких реальных возможностей у власти, чтобы противодействовать ростовщицеству не было. В 1894 г. в уфимских «ведомостях» в разделе «судебная хроника» встречаем статью «Дело о ростовщике»², но подобные процессы оставались исключением.

Жалобы на ростовщицество постоянно звучали с мест. Из пос. Павловского Бирского уезда в 1909 г. сообщали, что крестьянин «должен платить подати и все долги деревенским кормильцам – кулакам и благодетелям». «За взятый пуд ржи весной, – писали в газету, – им приходится осенью продать два пуда, чтобы уплатить долг. За взятый пуд овса приходится отдавать три пуда»³. В Белебеевском уезде весной, – рассказывали кооператоры, – крестьянин «прибегает к займу у местного богача за баснословный процент»⁴.

Настоящий скандал разгорелся в 1902 г.⁵ 23 декабря в полном составе собралось Уфимское губернское по административным делам присутствие во главе с уфимским губернатором Н.М. Богдановичем, были вице-губернатор И.Л. Блок, управляющий казённой палатой Н.П. Зарубин и другие ответственные лица. Из Земского отдела Министерства внутренних дел было переправлено «прошение муллы д. Каразериковой Белебеевского уезда, Нурдавлетана Султанова, жалующегося на нанесении ему оскорбления Земским Начальником 13-го участка Бирского уезда Товгиным⁶». В своём прошении Султанов заявлял, «что в конце Августа месяца сего года, он явился в канцелярию Земского Начальника 13 уч. Бирского уезда Товгина для получения копии с его постановления по делу об отказе просителю от земли, но Земский Начальник, вместо выдачи копии, выгнал просителя, назвав его мошенником, подлецом и т. п. неприличными словами». За что мулла и просил привлечь Товгина к ответственности.

Высшему руководству Уфимской губернии земский начальник Товгин 28 ноября 1902 г. отправил объяснение, «что он действительно отказал просителю Султанову в выдаче ему копии, так как в то время постановлений касающихся дела Султанова составлено не было. Но воспользовавшись явкой муллы Султанова, Земский Начальник счёл необходимым дать ему совет прекратить ростовщические сделки с населением, прикрываемые личиной благо-

¹ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Указ. соч. С. 135.

² Уфимские губернские ведомости. 1894. 25 июня.

³ Сельско-хозяйственный листок. 1909. № 12 (15 декабря). Стб. 33–34.

⁴ ЦИА РБ (Центральный исторический архив Республики Башкортостан). Ф. И-135. Оп. 1. Д. 1. Л. 133 об.

⁵ Там же. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 111. Л. 350–351.

⁶ Товгин Петр Августинович, поручик запаса, потом штабс-капитан, земский начальник 13 участка Бирского уезда (Адрес-календарь Уфимской губернии на 1901 год. Уфа, 1901. С. 33; Адрес-календарь и справочная книжка Уфимской губернии на 1904 год. Уфа, 1904. С. 75).

честия, а также говорил Султанову и о дошедших слухах мошенничества и просил, если это правда, прекратить эти поступки в отношении населения 13 участка; называя поступки Султанова их собственными именами. Земский Начальник его не ругал, хотя и говорил с ним возвыся голос, но не это вызвало жалобу Султанова, а то, что Земский Начальник дал распоряжение не свидетельствовать заключаемые Султановым сделки о ссуде населения хлебом за двойную плату».

Нурдаulet Султанов, башкир из деревни Каразериково Имянликулевской волости Белебеевского уезда был личностью неординарной. По данным переписи 1917 г. мулла являлся не просто богатым человеком, а самым крупным посеvщиком из крестьян (по сословию) во всей Уфимской губернии. В 1917 г. под посеvом у него находилось 589,36 дес. Даже среди немцев-колонистов никто не имел столь большого хозяйства¹.

И с этим чрезвычайно богатым сельским предпринимателем и одновременно служителем Аллаха и схлестнулся земский начальник Товгин, в участок которого входили смежные волости Бирского и Белебеевского уезда. Товгин, кстати, для оправдания своих действий не забыл упомянуть про «личину благочестия» муллы-ростовщика. Судя по всему он пытался пресечь успешный «бизнес» служителя культа, незаконно запретив подведомственным ему волостным старшинам регистрировать ссудные сделки Н. Султанова с заемщиками. А при личной встрече, видимо, просто «обматерил» ростовщика.

Любопытна реакция высшего руководства Уфимской губернии на эту необычную ситуацию. И губернатор, и присутствие фактически поддержали Товгина, вся тяжесть вины которого заключалась в том, «что он, убеждая муллу Султанова прекратить злостную эксплуатацию населения, позволил себе говорить с ним возвышенным голосом, при чем его не ругал, а объяснял, как именуются поступки Султанова по закону, и кроме того сделал распоряжение не свидетельствовать тех сделок Султанова, кои он заключает с населением в ущерб интересам последнего.

Хотя последнее распоряжение Земского Начальника и не может быть признано правильным, а равно и беседа возвышенным голосом – не совместимой с должностью Земского Начальника, но принимая во внимание, что Земский Начальник Товгин действовал в данном случае, будучи возбужден дошедшими до него слухами о ростовщических сделках просителя, в интересах вверенного ему населения, а также имея в виду прекрасную служебную деятельность г. Товгина, его отзывчивость к нуждам населения, из интересов которого собственно и возникло настоящее дело», губернское правление не привлекло Товгина ни к какой дисциплинарной ответственности, указав ему лишь на будущее избегать подобных проступков, о чем и сообщило просите-

¹ Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа, 2002. С. 305. По сведениям краеведов Нурдаulet Султанов происходил из местных жителей, примерно 1860-х гг. рождения. Во время Гражданской войны во главе вооруженного отряда воевал с красными. В 1910 г. в мечети Каразериково главным муллой служил Гарифетдин Султанов (Адрес-календарь Уфимской губернии на 1912 год. Уфа, 1912. С. 90).

лю, то есть мулле-ростовщику. Высшие руководители Уфимской губернии не высказали никакого удивления подобной историей.

И в этом нет ничего необычного. Мусульманское духовенство в Башкирии нередко отличалось не просто высоким уровнем благосостояния, муллы часто вели крупное предпринимательское хозяйство (в первую очередь на многоземельном юге). Так, в 1917 г. в тройке самых богатых крестьян башкирской деревни Чебенни Белебеевского уезда присутствовал 50-летний мулла Чагаряр Туганов (30 дес. посева, 8 рабочих лошадей, 5 коров, два железных плуга (один многолемешный), веялка). А в дер. Ново-Абишево Ильчигуловской волости по переписи 1917 г. мулла С.А. Мусин, 53-х лет, владел 36 лошадьми, 8 коровами, 60 овцами, под посевом было 28,37 дес.¹ Своеобразный статус мусульманского духовенства, непризнанного «полусословия», вынужденного самим зарабатывать себе на жизнь, принуждал к занятию «бизнесом», доходы от часто небогатой паствы были скромными. На степном юге муллы заводили обширные хозяйства, в малоземельных традиционных общинах севера давали деньги «в рост».

Необходимо также отметить острейшую потребность деревни в мелком кредите, не столько дешевом, сколько мелком. Сельчане готовы были соглашаться на высокие проценты, лишь бы получить ссуду деньгами или хлебом для удовлетворения насущных потребностей. Этим, кстати, в начале XX в. успешно воспользовалась кооперация, к которой проявляли интерес «наиболее развитые представители деревенской буржуазии». Сама кооперативная печать отмечала, что кредитные кооперативы взимают с заемщиков «наивысший процент, который допускается нашим законодательством». В 1904–1907 гг. из выданных кооперативами ссуд 57% заемщики получили из 12% годовых, еще 21% – из 10–11% годовых. «Далее, – констатировал кооперативный журнал, – начинается уже ростовщический процент... товарищества стоят в данном случае на границе ростовщичества»². Пришедший в деревню при поддержке государства мелкий кредит моментально поднялся до почти ростовщического уровня. Крестьянство из-за нужды или нехватки оборотных средств было согласно платить самые высокие проценты лишь бы получить деньги. Ростовщичество являлось неотъемлемым компонентом многих зажиточных дворов и в традиционном, и в рыночном обществе. Ссуды давали муллы, богатые крестьяне, предприниматели всякого рода.

В реальной жизни, конечно, все зависело от конкретного человека. Известны случаи безвозмездной благотворительности мусульманского духовенства. Так, в 1865 г., отмечала пресса, во время неурожая в Стерлитамакском уезде заслуживают «полного сочувствия человеколюбивые действия издавна пользующегося особенным уважением в магометанском мире муллы деревни Стерлибаш Мухаметхариса Тукаева. Этот человек открыл доступ к своим хлебным анбарам всем, кто нуждался в продовольствии и когда его сусеки

¹ Роднов М.И. Указ. соч. С. 237, 294.

² Корелин А.П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М., 2009. С. 209, 214.

опустели, он покупал хлеб для той же цели и наконец раздавал деньги. По собранным сведениям 130 семей продовольствовалось муллой Тукаевым и довольствие это было производимо не в ссуду, а безвозмездно и без всяких заявлений, без всякого желанья сделать эти благотворения известными, только ближайшие соседи муллы и становой пристав, проживающий в д. Стерлибашевой, видя ежедневно идущих за пайком во двор муллы, знали о добром деле Тукаева. В течении зимы Тукаевым роздано около 6 тысяч пуд хлеба и порядочно деньгами, но сколько именно, от Тукаева узнать этого нельзя»¹.

И сейчас возле храмов и мечетей России можно встретить как простой народ, ждущий встречи со своим духовным пастырем, так и дорогой «Lexus» на автостоянке, граница между благотворительностью и корыстью остается призрачной и трудно уловимой. В приложении приведен список мусульманского духовенства Ирехтинской волости на 1912 г. (названия деревень, имена и фамилии даны как в источнике, хтп. – хатип, хатиб, им. – имам). По российским законам при каждой мечети разрешалось иметь по одному хатибу (араб.: *хатиб* – проповедник) и имаму (араб.: *имам* – предстоятель, глава). Хатиб являлся старшим по чину и обладал исключительным правом предводительствовать во время пятничных и праздничных молитв и произносить по их окончании хутбу – проповедь. На практике нередко должность и служба хатиба сливалась с деятельностью имама.

Список мусульманского духовенства Ирехтинской волости
Мензелинского уезда Уфимской губернии на 1912 г.

Селение	Священнослужитель
Варняш-Башево	хтп. Разеттдин Ахметев
Митряево	хтп. 1 мечети Шайхильислам Шагидуллин хтп. 2 мечети Габдулла Шарифуллин
Мелли-Шарипово	хтп. Мутигулла Валиуллин
Муслюмово	хтп. 1 мечети Мухаметгариф Хасаншин хтп. 2 мечети Мухаметхарис Хасаншин
Ниж.-Табиново	хтп. Ахмедгариф Зиязетдинов
Салауз-Муханово	им. Калимулла Сафиуллин
Ст.-Варяшево	им. Хасанша Шарафетдинов
Ст.-Чекмиково	хтп. Салахетдин Зиязетдинов
Тагерменник	им. Фахриразый Сейманов
Тамьяново	хтп. Нуретдин Сиразетдинов Исмагилов
Тайгильдино	хтп. Ахмедхабиб Ахмедзелимов
Тугашево	хтп. Тахаутдин Мухамедсадыков

Источник: Адрес-календарь Уфимской губернии на 1912 год. Уфа. 1912. С. 151.

¹ Роднов М.И. Судьба редактора. Историко-документальная повесть. Уфа, 2009. С. 6.

9.

Опубликовано: Роднов М.И. Структура рынка сельскохозяйственной техники Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века // Северо-запад в аграрной истории России. Вып. 21 / Под ред. В.Н. Никулина. Калининград, 2015. С. 91 – 99.

М.И. Роднов

Структура рынка сельскохозяйственной техники Уфимской губернии в конце XIX – начале XX вв.

Одним из наиболее важных, качественных показателей развития аграрного строя России до 1914 г. является применение сложных машин на конной тяге (жаток, косилок и др.), а также использование в сельском хозяйстве двигателей внутреннего сгорания (локомотивов и пр.), что свидетельствует о принципиальных изменениях в аграрном производстве. Исторически оно развивалось в России в русле «трудосберегающей» модели сельскохозяйственного роста. Происходил переход от традиционного хозяйства, основанного на примитивном инвентаре при абсолютном доминировании ручного труда, к мануфактурной стадии (использование сложных механизмов на конной тяге) и постепенному началу индустриальной (машинной) стадии труда внутри общей многоукладной аграрной экономики Российской империи к началу XX в.¹

А применение сложных машин и механизмов служит одним из наиболее очевидных и ярких показателей процесса трансформации традиционного уклада в мануфактурный и зарождения первых ростков индустриального (машинного) производства в сельском хозяйстве. Это стимулирует внимание историков-аграрников к детальному изучению рынка сельскохозяйственных машин как в целом по стране², так и на Южном Урале³.

При анализе ситуации в Уфимской губернии обязательно нужно учитывать её «пограничное» положение между разными укладами. На северо-западе (почти целиком Мензелинский и Бирский уезды) продолжало доминировать традиционное общинное хозяйство, а на юге и северо-востоке (Белебеевский, Стерлитамакский, Златоустовский уезды и, частично, Уфимский) самым активным образом развивалась рыночная экономика, решающую роль уже играло предпринимательское (фермерско-кулацкое) хозяйство при со-

¹ См.: Растяжников В.Г., Дерюгина И.В. Модели сельскохозяйственного роста в XX веке. Индия, Япония, США, Россия, Узбекистан, Казахстан. М., 2004. С. 125, 331 и др.

² См.: Давыдов М.А. Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX вв. (По материалам транспортной статистики и статистики землеустройства). М., 2003; Он же. Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX вв. и железнодорожная статистика. СПб., 2010; мн. др.

³ Усманов Х.Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. М., 1981; Самородов Д.П. Утверждение капитализма в торговле дореволюционной Башкирии: Вторая половина XIX – начало XX вв. Стерлитамак, 1999; Он же. Становление и развитие системы стационарной торговли в дореволюционной Башкирии (эпоха капитализма). М., 2001; др.

хранении отдельных, иногда значительных «островов» традиционализма¹.

Поэтому уже современники отмечали, если использовать общегубернские данные, то показатели насыщения села передовой агротехникой будут в общем скромными². А, с другой стороны, было зафиксировано бурное потребление деревней всевозможных машин и инвентаря³. В среднем за 1909–1911 гг. в Уфимскую губернию ввозилось земледельческих машин 298 тыс. пуд., в том числе из портов и пограничных пунктов – 95 тыс. пуд.⁴ Изучение подворных карточек переписи 1917 г. по крестьянским и помещичьим хозяйствам показывает просто огромное количество всевозможных машин и механизмов⁵.

Материалы переписи 1917 г. свидетельствуют, что в трёх уездах с наибольшим уровнем развития рыночной экономики (Белебеевский, Стерлитамакский, Златоустовский) было сконцентрировано 86% сеялок, 73% косилок и 82% жаток. В самом маленьком по численности населения Златоустовском уезде в руках крестьян находилось примерно в два раза больше машин, чем в густонаселённых Бирском и Мензелинском уездах⁶. В Уфимской губернии складывается система снабжения деревни сельскохозяйственным инвентарём, чему способствовало проведение в 1888 г. до Уфы Самаро-Златоустовской железной дороги. И уже в 1890-е гг. формируется сеть земских сельскохозяйственных складов из центрального губернского в Уфе, 6 уездных и их отделений. В научной литературе именно продажа инвентаря и машин через земские склады показывается в первую очередь⁷, чему способствовали многочисленные сохранившиеся источники.

Но активную торговлю сельскохозяйственными машинами производил и частный капитал, документов о деятельности которого сохранилось немного, тем более, что преобладал средний и мелкий бизнес. Кроме рекламных объявлений⁸, ценную информацию можно получить из обследований начала XX в., которые проводил Департамент земледелия Министерства земледелия

¹ См.: Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа, 2002; др.

² Красильников М.П. Экономическое положение Уфимского края и тенденции в его развитии. Уфа, 1918. С. 9, 11.

³ Орлов И. Краткий обзор мероприятий Уфимского губернского земства по улучшению сельского хозяйства. Уфа, 1917. С. 12.

⁴ Статистический сборник за 1913–1917 гг. Вып. I // Труды ЦСУ РСФСР. Т. VII, вып. I. М., 1921. С. 36.

⁵ См.: Роднов М.И. Крупно-крестьянское хозяйство Стерлитамакского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 1997; др.

⁶ Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям // Труды ЦСУ РСФСР. Т. 5, вып. 2. М., 1923. С. 129; Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.). С. 258.

⁷ Усманов Х.Ф. Указ. соч. С. 321–322; Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.). С. 256–259; др.

⁸ Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1911 год. Уфа, 1911. Объявления уфимского адрес-календаря (рекламные приложения); Адрес-календарь Уфимской губернии на 1912 год. Уфа, 1912. Объявления уфимского адрес-календаря; др.

и государственных имуществ (МЗиГИ). Так, в 1903–1904 гг. были собраны данные о производстве и торговле сельскохозяйственными машинами на Урале и в Среднем Поволжье (таблица 1).

Губерния	Число заводов	Кустарные мастерские	Число складов
Вятская	9	305	61
Казанская	3	25	15
Оренбургская	3	нет	25
Пермская	4	229	20
Самарская	18	17	49
Уфимская	1	5	25

Если крупных предприятий было немного, исключая Самарскую губернию, то в уральских губерниях (Вятская и Пермская) действовали сотни небольших кустарных мастерских по выпуску различных товаров для сельского хозяйства, и везде сложилась система складов (оптово-розничных магазинов) по торговле инвентарём и машинами для аграрного производства. Уфимская губерния уступала здесь лишь «крестьянской» Вятской и лидеру по производству хлеба в округе – Самарской губернии.

Из 25 учтённых складов Уфимской губернии земству принадлежало 19, включая отделения. Так, открытый в 1896 г. в Стерлитамаке уездный склад орудий и семян имел 4 отделения в Архангельском заводе, Бузовьязах, Мелеузе и Покровском. Можно признать, что пионером в освоении обширного рынка сельскохозяйственной техники выступило именно земство, имевшее средства для открытия дела и торговавшее не столько на коммерческих началах, сколько из соображений культуртрегерских. Хотя, сравнение со следующим обследованием показывает, что некоторые частные склады не были учтены в 1903–1904 гг.

Из 6 частных фирм, торговавших техникой и инвентарём для деревни, пять были сконцентрированы в селе Давлеканово, новом центре пшеничного края в долине реки Дёмы. Кроме того, Давлеканово было своеобразной немецкой «столицей» округа, здесь поселилось большое количество немецко-колонистов с Поволжья и Украины, которые отличались именно широким применением передовой агротехники. И все владельцы частных складов в Давлеканово были немцами (по фамилиям, или меннонитами-голландцами): П.Я. Дерксен, И.В. Клейнер, Я.Е. Копп (машины южно-русских и американских заводов), Р.П. Эпп (машины заводов Классен и Нейфельд). Не случайно, именно в Давлеканово открывает своё представительство знаменитая фирма англичан Роберта и Томаса Эльворти из Елисаветграда, где ещё в 1874 г. они учредили завод по производству сельскохозяйственной техники, впоследствии акционерное общество «Р. и Т. Эльворти», имевшее отделения (склады) вплоть до Сибири¹. А в Уфе крестьянин Ф.Г. Гаврилов производил продажу машин торгового дома Франц Шредер и знаменитой американской компании

¹ См.: <http://uc.kr.ua/fresh3843/>; другие ресурсы Интернета.

Мак-Кормик.

Кроме того, в сельской местности кустари постепенно начинают осваивать выпуск достаточно сложной техники (молотилок, веялок и пр.) и к началу XX в. на базе мелкого кустарного производства в Уфимской губернии начинает складываться бизнес по выпуску и ремонту различной агротехники. В Кусинском заводе этим занималась крупная мастерская И.С. Сабурова (50 рабочих). В Набережных Челнах в 1898 г. В.Ф. Катков основал ремонтную мастерскую (10 раб.). Упомянутый Ф.Г. Гаврилов, помимо торговли, сам выпускал веялки колониетские, Якобсона, Ревякина и др., сортировки, просорушки, соломорезки, бороны Валькура, посуду для молочного хозяйства, исполнял различные кузнечно-слесарные работы. В мастерской трудилось 4 чел. Причём продукцию свою Гаврилов отправлял в Витебскую, Воронежскую, Оренбургскую, Орловскую, Пермскую, Тамбовскую, Тобольскую, Тульскую губернии и в Восточную Сибирь. А в Благовещенского заводе недалеко от Уфы крестьянин М.В. Рыбников в 1902 г. организует производство веялок и сортировок (15 рабочих), которые сбывались не только на месте, но и отправлялись по ярмаркам в различные регионы Европейской и Азиатской России¹. Начинающее уфимское сельскохозяйственное машиностроение сразу вышло на всероссийский рынок.

В 1909 г. состоялся повторный сбор сведений, а в 1911–1912 гг. Бюро по сельско-хозяйственной механике вторично разослало опросные листки. В результате вышла новая книга в качестве трудов Статистического отделения Бюро по сельско-хозяйственной механике при Учёном Комитете Главного управления землеустройства и земледелия (так стало именоваться МЗиГИ). На этот раз были получены значительно более полные сведения о количестве складов, откуда производилась торговля сельскохозяйственными машинами и прочим товаром (таблица 2).

За прошедшее почти десятилетие (после обследования 1903 г.) общее число складов возросло с 25 до 68, количество земских складов тоже увеличилось с 19 до 28, но их удельный вес упал. Если в 1903 г. земские склады абсолютно доминировали, то накануне Первой мировой войны уже 60% складов принадлежало частным лицам.

Таблица 2

Уезд	Общее количество складов	В том числе земские
Мензелинский	8	5
Бирский	6	4
Златоустовский	7	4
Уфимский	9	2
Белебеевский	24	7
Стерлитамакский	14	6
Итого по губернии	68	28

¹ Краткие справочные сведения о заводах, мастерских и складах сельскохозяйственных машин и орудий. Составлено по сведениям за 1903 и 1904 гг. СПб., 1905. С. 19–20, 113–114.

При этом чётко видно отличие традиционалистских, общинных, самых многолюдных северных уездов (Бирский и Мензелинский), где и количество складов было невелико, и большинство по-прежнему принадлежало земству. Частный капитал неохотно шёл сюда, бедный общинник по-старинке пахал деревянной сошкой и денег на покупку дорогой машины у него просто не было. Все три частные фирмы по продаже сельскохозяйственной техники в Мензелинском уезде находились в крупнейшей пристани на Каме – Набережных Челнах, а в Бирском уезде в более зажиточных прибельских волостях два отделения в крупных торговых сёлах Дюртюли (в 1911 г.) и Яркоево открыла Международная Компания Жатвенных Машин в Америке.

В небольшом Златоустовском уезде на северо-востоке губернии, половину территории которого занимали Уральские горы, кроме земских складов работали частные фирмы в Кусинском заводе (И.С. Сабурова), Сикиязе (С.Е. Мурашева) и в Тастубе действовало местное сельско-хозяйственное общество на правах кооператива. В центральном Уфимском уезде имелись два земских склада в самой столице, где также действовали частные склады А.М. Санникова (с 1910 г.), Шубина и «Земледелец». Две фирмы торговали на крупнейшей бельской пристани – в селе Топорнино, немцев П.А. Варкентина и Я.Я. Копа. И ещё один немец – А.К. Книсс – открыл продажу в селе Биш-Аул (Биш-Аул-Унгарово), также возле р. Белой.

Зато в самых фермерских южных чернозёмных уездах в канун Первой мировой войны безоговорочно доминировал частный бизнес, хотя и земство не забывало расширять свою торговую сеть. В этих двух уездах находилось 38 из 68 складов всей Уфимской губернии и здесь же сложились мощные центры по сбыту разнообразной агротехники. В Белебеевском уезде таковым являлось выросшее почти до размеров города село Давлеканово, крупнейшая железнодорожная станция (11 складов, рекорд по губернии), да в фактически слившимся с ним селе Иткулово находилось ещё 3 склада. В одном Давлеканово было больше пунктов по торговле земледельческой техникой, чем в обоих общинных Мензелинском и Бирском уездах. Почти все склады принадлежали немецким предпринимателям. В Стерлитамакском уезде торговля сельскохозяйственными машинами и прочим товаром была сосредоточена в Мелеузе (3 склада) и Стерлитамаке (5). Влияние немецкого бизнеса тоже было, но не являлось определяющим.

Во время опроса 1909–1912 гг. были получены отдельные сведения о времени открытия частного бизнеса (только начало XX в.) и количестве работников, которое было невелико. Склады обслуживали от одного – двух до шести человек у частников, в земских складах персонала насчитывалось гораздо больше – до 17 чел. в Мензелинске и 19 в Белебее.

Количество заведений, изготавливавших сельскохозяйственную технику за прошедшее с 1903 г. время выросло с 4 до 15. При этом видим резкий рост предприятий в горнозаводской зоне – 10 из 15 (Айлино, Катав-Ивановск, Куса – 5, Сатка, Усть-Катав и Юрюзанский завод), три фирмы действовали в Уфе, две – в Благовещенском заводе, где началось массовое производство знаменитых веялок «уфимского типа» (об этом имеется отдельная литература). На че-

тырѣх предприятиях стояли двигатели внутреннего сгорания, в уфимском заводе И.И. Гутмана – два в 20 сил. Имелись небольшие полукустарные мастерские с пятью работниками, но были и действительно крупные заведения, подпадавшие под надзор фабричной инспекции: Благовещенская Кустарная Артель (45 работников), Трудовая Артель «Урал» в Катав-Ивановске (25), Кузинская Трудовая Артель Кустарей (50), мастерская И.С. Сабурова в Кусе (80), Чугунно-меднолитейный и машиностроительный завод И.И. Гутмана (150 чел.)¹.

Таким образом, материалы обследований 1903 и 1911–1912 гг. (первым в местной историографии их привлекал Д.П. Самородов) ясно показывают бурный рост торговли разнообразным сельскохозяйственным товаром, включая сложные и дорогие машины, совпадающее со свидетельствами современников. Зажиточные фермеры южных уездов закупали большое количество техники, что подтверждает выводы о неуклонном развитии предпринимательского высокотоварного хозяйства (на мануфактурной стадии) на Южном Урале. Можно также утверждать, что земские склады сыграли особую роль. Они первыми познакомили крестьянство (кроме немцев-колонистов) с различной агротехникой, создали спрос на неё, чем способствовали быстрому развитию бизнеса в торговле и затем производстве сельскохозяйственных машин (последнее концентрировалось вдоль железной дороги, которая создавала удобный сбыт как по Уфимской губернии, так и поставки за её пределы, в первую очередь в быстро колонизируемую Сибирь).

Существовало несколько причин такой ускоренной механизации у фермеров-кулаков Уфимской губернии, помимо высокой производительности новых машин. Доходность экстенсивного зернового хозяйства достигалась в первую очередь расширением посевных площадей, размер которых во много раз превышал трудовой потенциал семьи фермера, приходилось нанимать большие массы батраков или приобретать для замены ручного труда машины. Последний вариант оказывался выгоднее.

Стремительное насыщение всевозможными машинами и механизмами сельского хозяйства приводило к первым шагам по замене конной тяги двигателями внутреннего сгорания. Первопроходцами здесь выступали помещики или очень крупные фермеры. Так, 29 мая 1912 г. в пригородные имения князя Кугушева и дворянина Ляуданского на большом автомобиле выехала группа агрономов и земских деятелей для знакомства с работой тракторов. Журналист восторженно сообщал:

«"Тракторы" – колоссальные-нефтяные машины двигатели, предназначенные для обрабатывания большого пространства почвы.

"Тракторы" – новинка в Уфимской губернии. Два лучших "трактора" имеются в вышеупомянутых имениях»².

¹ Адресная книга заводов, мастерских и складов сельскохозяйственных машин и орудий. Составлено по сведениям 1911–1912 гг. Приложение к «Известиям Бюро по с.-х. механике», № 3, 1912 г. СПб., 1912. С. IX; Ч. I. С. 99–101; Ч. II. С. 352–358.

² Уфимский край. 1912. 28 мая.

По данным переписи 1917 г. в имениях Б.Н. Ляуданского и Харитоновых в Уфимском уезде на пахоте работали трактора. У последних два работника на тракторе за день (10 часов) вспахивали 7 дес.¹ Мне приходилось слышать воспоминания местных жителей о работе трактора у помещика.

Стремительно нараставшее применение сложных дорогих и высокопроизводительных сельскохозяйственных машин на конной тяге, а затем и двигателей внутреннего сгорания (локомотивы, трактора) в крестьянских и помещичьих хозяйствах Уфимской губернии показывает быстрые перемены в многоукладной структуре аграрного строя. Рыночное, предпринимательское хозяйство развивалось на уровне мировых стандартов, вытесняя традиционный общинный полунатуральный уклад, захватывая его земли, но создавая в общем небольшой спрос на рабочую силу, которую успешно заменяла техника, управляемая силами семьи фермера-кулака или небольшого числа специально подготовленных работников, что усиливало демоэкологическую катастрофу в зоне традиционного хозяйства, так как города не могли принять всю массу избыточного населения из общин.

¹ Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ). Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 580.

10.

Опубликовано: Роднов М.И. Уральский город-завод в столичной прессе // Проблемы сохранения историко-культурного наследия малых городов России: историко-правовой аспект / отв. ред. Е.С. Косых. Стерлитамак, 2015. С. 62 – 65.

М.И. Роднов

Уральский город-завод в столичной прессе

Особенностью Уральских губерний было наличие поселков при горно-заводских предприятиях, численностью нередко превышающих уездные города, как, например, Белорецкий завод. По данным оренбургских статистиков в 1900 г. население Орска составляло 12 286 чел., Верхнеуральска – 12 509 чел., безуездного города Илецкая Защита – 12 985 чел. А в Белорецкой волости Верхнеуральского уезда лежали рядом два села Верхне-Белорецкое (7485 чел.) и Нижне-Белорецкое (6472 чел.), с общим числом жителей в 13 957 чел. [5, с. III, V, 94, 95], уступая во всей Оренбургской губернии только Оренбургу, Челябинску и Троицку. По переписи 1917 г. в селе Белорецкое проживало 18 001 чел. [1, с. 25].

История Белорецка активно изучается историками и краеведами [3, 4], но в локальной истории малых городов (поселков) серьезную проблему создает отсутствие «собственных» источников. За очень немногими исключениями здесь не выходили газеты, отсутствовали свои типографии и издание книг, даже архивные материалы сохранились плохо, посторонние же авторы редко интересовались жизнью маленьких провинциальных городков. И, что необходимо подчеркнуть, их статьи разбросаны по самым разным изданиям.

В ходе моих изысканий случайно и была обнаружена небольшая корреспонденция «Свет и тени», опубликованная в одной из самых популярных газет того времени петербургских «Биржевых ведомостях», которая приводится полностью ниже. Несмотря на специализированное, коммерческое название, это была обычная общественно-политическая широкоформатная газета. «Биржевые ведомости» пользовались таким спросом, что выходило второе издание, специально ориентированное больше на провинцию, столичные новости здесь помещались в сокращенном виде.

И в 1901 г. некто «О. З.», скорее всего местный житель, хорошо знавший Белорецк, отправляет в «Биржевые ведомости» маленькую заметку. Столичная газета придерживалась либеральной ориентации и автор не просто приводит бытовые зарисовки, он поднимает «общественные вопросы». Весьма высокий уровень жизни заводских рабочих в сравнении с крестьянством ставит проблемы уже индустриальной эпохи: нет разумных развлечений, пытались читать книжки – да полиция запретила (автор тут же уравнивает критику благожелательной оценкой белорецкой полиции в борьбе с хулиганами).

Заметка рисует контрастный образ Белорецкого завода, где мастеровые живут хорошо, есть школы, библиотека, потесненная бильярдом, собирают-

ся открыть чайную-читальню. Обычно провинциальные корреспонденты не отправляли статьи наобум, они ясно представляли чего желает видеть редакция, поэтому заметка О. З. продумана, сбалансирована – живут хорошо, но пьянствуют, полиция запрещает, но следит за порядком, народ в бильярд гоняет (и, видимо, на деньги), но тут же в заключении странный абзац про бедную деревню, хотя речь идет только о Белорецком заводе.

Бытописание разбавлено пронародническими намеками. Это очень важный момент. В последние десятилетия в отечественной историографии стало нормой широкое использование нарративных источников (мемуаров, путевых очерков, газетных репортажей и пр.). Но редко встречается обязательная для историка критика документа, текст воспринимается буквально, хотя этот вид источника до крайности субъективен. Перед нами строго индивидуальное восприятие объекта, один смотрит в грязь под ноги, другой – на звезды, из-под пера разных авторов об одном провинциальном городке и в одно и то же время могут выходить лирический очерк о тихой милой русской глубинке или едкая корреспонденция про тупую грязную пьяную окраину.

Свет и тени

Корреспонденция «Биржев. Ведом.»
из БЕЛОРЕЦКОГО ЗАВ. (Оренб. губ.)

Белорецкий завод – центр южноуральских горных заводов. Жителей в нём числится до 16 тысяч. Местное население, бывшие крепостные заводские крестьяне, так же, как и в других окружающих завода[x], имеют собственную землю только под усадьбой. Но крестьяне живут гораздо лучше в материальном отношении, чем в местностях чисто земледельческих, так как имеют возможность работать постоянно на заводе, и большинство из них засеивает хлеб на арендуемой земле у заводоуправления и башкир. Грамотность распространена, есть двуклассное мужское училище министерства народного просвещения, женское одноклассное и несколько церковно-приходских. Нужно отдать справедливость заводоуправлению, что оно поддерживает население в его благих начинаниях. Можно пожалеть лишь о том, что нет здесь разумно поставленных развлечений для народа. И этот пробел, вероятно, скоро заполнится, так как среди крестьян возникла мысль в память 40-летия освобождения крестьян от крепостной зависимости устроить народную чайную-читальню.

В настоящее время развлечением народа являются пьянство, хождение по улице с гармоникой и драки. Есть обычай заводоуправления по большим праздникам выставлять рабочим водку, и бесплатно. В прошлом году один из рабочих опился, другого убили пьяные ребята. Вздумали было несколько мужичков, бывая в гостях друг у друга, не пьянствовать, а читать книжки, но проведала об этом белорецкая полиция, – и вероятно, из подозрения, – запретила сходбища.

В последние годы увеличился здесь состав полицейских, благотворное влияние чего теперь уже явно сказывается. В прежнее время опасно было

вечером пройти мирному обывателю по улицам. Шайка пьяных парней могла легко побить прохожего.

К сожалению, новое время несёт подчас и новые огорчения. Не так давно совершено преобразование заводской библиотеки в биллиардную. Шкафам с книгами великодушно уделено место в прихожей, и то, вероятно, из нежелания переменить вывеску «заводская библиотека» на другую. Закрывание кабаков породило открытие тайных шинков. Многих на рискованный шаг вынудила нужда.

В земледельческих местностях восточного края замечается вообще ужасное обеднение крестьян от недородов и малоземелья. Если хлеб родится, – идёт усиленный сбор податей, и он совершенно падает в цене. О. З. [2]

Список литературы

1. Алфавитный список населенных мест Оренбургской губернии по данным сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года. [Оренбург, 1917].
2. Биржевые ведомости. Второе издание (СПб.). 1901. 9 февраля.
3. Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Из истории южноуральских горных заводов XVIII – XIX веков. Уфа, 1985. Ч. I.
4. Егоров Александр. Зеркало Белорецкого пруда. Белорецк, 2006.
5. Списки населенных мест Оренбургской губернии. Оренбург, 1901.

11.

Опубликовано: Роднов М.И. Между историей и политикой: размышления над монографией В.В. Морозана «Деловая жизнь на юге России в XIX – начале XX века» // Новейшая история России (СПб.). 2015. № 1 (15). С. 272 – 276.

Между историей и политикой (размышления над монографией В.В. Морозана «Деловая жизнь на юге России в XIX – начале XX века». СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014)

Распад СССР, образование новых независимых государств резко изменили историографическую ситуацию на всём постсоветском пространстве. До 1991 г. существовало своеобразное разделение труда – учёные союзных республик изучали свою местную историю, а в общесоюзных трудах просто использовали их разработки. И наоборот, исследователям из Прибалтики, Украины, Кавказа и Средней Азии не надо было специально заниматься российскими сюжетами, к их услугам были монографии и статьи историков Москвы, Ленинграда, Урала и Сибири, откуда они черпали нужную информацию.

После 1991 г. эта система распалась. В новых государствах практически не осталось специалистов, работающих в масштабах Российской империи или СССР. Да и новые политические реалии, потребность в создании национально-государственных мифологий стимулировали в первую очередь формирование замкнутых национальных (националистических) историографий. В меньших масштабах аналогичные процессы складывания достаточно изолированных, самодовлеющих национальных (националистических) историографий происходили в некоторых бывших автономиях России – Татарстане, Башкортостане, большинстве республик Северного Кавказа.

Но объективная потребность в общей картине исторического прошлого, изучении воздействия макропроцессов на развитие своих территорий и народов никуда не исчезла. Например, невозможно честно показывать историю Латвии и Эстонии без учёта мощнейших экономических связей с внутренней Россией, когда Ревель, Рига, Либава и Виндава являлись крупнейшими общеимперскими портами, через которые шли гигантские массы импорта и экспорта.

В условиях разрыва научных связей, прекращения обмена информацией и литературой, минимального участия историков в конференциях соседних государств, этот спрос на макроисторию приводит, в лучшем случае, к заимствованию идей и фактов из западноевропейской и американской историографий (русистики), в худшем – к трансляции элементарно-популистских мифологем из политической пропаганды.

Современные государственные границы «переносятся» в научное и массовое сознание, создавая грубо искажённый образ прошлого. Столетиями никакого рубежа между Курском и Черниговом, Харьковом и Воронежем не существовало. Люди и товары свободно перемещались, действовали единые

социально-экономические процессы. А современному читателю внушается, что за Харьковщиной, Бухарой, Имеретией лежали какие-то чужие, неизвестные, неведомые края.

Данная историографическая реальность последних двух десятилетий сказалась и на российском гуманитарном сообществе. Утратив научные связи с коллегами новых государств, естественно не полностью, в российской исторической науке подача материала по «национальным окраинам» существенно «усохла», в сносках часто доминируют старые, советские работы, новейшие монографии, которые в новых государствах и не переводятся на русский язык, просто не известны. Наконец, в современной российской (русской) историографии проявляется такое же замыкание в границах РФ. При всём глубочайшем уважении к великим предшественникам, не могу согласиться с избранным объектом исследования, типа великорусский пахарь / крестьянство, как у Л.В. Милова и В.Г. Тюкавкина¹.

Можно, конечно, прикрываться этнографической «ширмой», но действительная реальность была иная. Украинский хлеб везли в Москву, дворянство выезжало на лето в малороссийские, белорусские и прибалтийские поместья, далёкие Киев и Уфа были соединены тысячами нитей, и, самое главное, жившие тогда люди не воспринимали разделённые тысячами вёрст губернии как что-то иноземное.

Опять-таки аналогичные процессы происходят в названных республиках внутри РФ. Столичные авторитеты и историки из соседних русских областей безразлично морщатся, когда им предлагают отреагировать на чудесно воссиявший из небытия «град Башкорт» или что-то подобное, а руководство местных национальных (националистических) историографий «в штыхы» встречает попытки проникновения на свой научный рынок, за исключением комплиментарных докладов на официальных форумах. Историей национальных регионов занимаются только «отпетые» энтузиасты, типа В.А. Шнирельмана². Даже специально созданные в столицах институты, так сказать, «этнического» профиля ныне переключаются, опять так сказать, лишь на «обработку» материалов и информации, поступающих из научных центров национальных республик.

Серьёзное воздействие на подобную ситуацию оказывают финансово-политические факторы. Обращает внимание количество исследований российских историков на скандинавскую (включая финскую) тематику, с которой может соперничать только еврейская. Многочисленные правительственные и частные фонды наших северо-западных соседей, имея в конечном счёте политическую подкладку, активно финансируют российских историков сопредельных областей РФ и финно-угорских республик. Цель понятна – хорошо знать ситуацию у соседей и оказывать воздействие на гуманитарные (и

¹ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998; Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001.

² Шнирельман В.А. Войны памяти: Мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003; Он же. Порог толерантности: идеология и практика нового расизма. М., 2011; др.

политические) элиты, создавая в том числе своих «агентов влияния» (как это не консервативно-патриотически звучит в духе сегодняшнего дня).

А вот бедные страны Средней Азии, Закавказья, Прибалтики, Молдова и Украина не имеют ни средств, ни желания (особенно!) финансировать исследования российских учёных. Наши фонды тоже не особенно «напрягаются», молодёжь не хочет заниматься неприбыльным делом, скитаясь по далёким чужим архивам.

Эти рыночные реалии во многом естественны. Книги создаются для своего потребителя / читателя. И только обострение политических отношений стимулирует власть на поддержку различных институтов стран СНГ и пр. Но там доминируют прикладные политические исследования, изучать дворянство Могилёвской губернии или пароходство на южном Каспии никто не собирается.

Поэтому такой интерес вызвали новые работы петербургских историков, вышедшие в издательстве «Дмитрий Буланин». На базе своей прежней монографии 1978 г. выдающийся российский историк Т.М. Китанина выпустила кардинально переработанную монографию, по сути новую книгу о хлебной торговле¹, где приводится просто огромный массив информации по всем балтийским и черноморским портам. А затем известный специалист в области финансов Российской империи В.В. Морозан представил на суд читателей объёмный труд по истории бизнеса причерноморских регионов империи, от Кишинёва до Таганрога и Новороссийска.

Новая монография В.В. Морозана обрушивает на читателя целый водопад разнообразных сведений по истории предпринимательства Новороссии, включая уникальные приложения по персоналиям. Автор сумел обследовать местные архивы Молдовы, Украины и России, опираясь на богатейшие коллекции фондов РГИА, коммерческую периодическую печать и литературу. Сверхзадача книги понятна – показать развитие экономики края вокруг деятельности финансовых учреждений, начиная от многочисленных отделений Государственного банка до частных банков и иных кредитных учреждений.

Работу отличает комплексный подход, автор стремится охватить все отрасли хозяйства, не ограничивается только хлебной торговлей, признавая её решающую роль, с чем нельзя не согласиться. Большинство крупных торговых домов одновременно занимались экспортом зерна, оказанием финансовых услуг, другими видами бизнеса вплоть до открытия промышленных предприятий. В этом автор следует знаменитому труду В.П. Семёнова-Тян-Шанского, вызвавшего такие восторженные отклики современников².

Перед В.В. Морозаном, как и всеми другими историками, обратившимися к business-history, стояла нередко непреодолимая преграда в отсутствии сохранившихся документов, связанная не только с уничтожением архивов

¹ Китанина Т.М. Хлебная торговля России в конце XIX – начале XX века: стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб., 2011.

² Семёнов-Тян-Шанский В.П., Штрупп Н.М. Торговля и промышленность Европейской России по районам. СПб., б. г.

компаний и фирм в советское время, но и с коммерческой тайной любого предприятия. Приходилось нередко выискивать и использовать косвенные свидетельства, раскрывающие характер бизнеса конкретного купца. Не случайно в монографии такой большой акцент в показе кризисных периодов, когда обострение положения на финансовых рынках вызывало усиленную переписку, реакцию прессы, ревизии и пр.

Любопытно активное использование автором краеведческой литературы причерноморских городов трёх современных государств. Вообще в работе чувствуется стремление к персонализации повествования. И здесь В.В. Морозан следует духу времени. Предприниматель – центральная фигура любого бизнеса. Без талантов, энергии, предприимчивости руководителя все объективные предпосылки (капиталы и пр.) останутся нереализованной потенцией. История любого бизнеса – это история его предпринимателя, его личностных характеристик.

Здесь правда всплывает вопрос о степени детализации в показе материала. Автор как бы работает сразу на двух потребителей, местным историкам и краеведам предлагается поистине гигантский массив информации по конкретному городу или региону, исследователям, чьи интересы лежат в плоскости общетеоретических вопросов, есть своя пища для анализа. Вообще книга В.В. Морозана будет крайне полезна специалистам из самых различных регионов России как сравнительный материал по одной из наиболее развитых частей империи.

С этой точки зрения хотелось бы увидеть больший акцент на принципиальном вопросе, неминуемо встающем перед любым провинциальным историком экономики, о конкуренции, соперничестве столичных и местных финансовых учреждений за локальные рынки. Вряд ли достаточно говорить только об «определённой конкуренции» (стр. 404). Любой предприниматель перед обращением за кредитом тщательно обдумывает в какой банк обратиться, каковы там условия, чем ему выгодна именно эта структура.

Ведь не только недостаток филиалов Госбанка в пореформенные десятилетия вызвал бум создания по всей стране городских банков, обществ взаимного кредита и иных финансовых учреждений. Как бы ни учитывало местную специфику провинциальное отделение Госбанка, оно в основном проводило политику центра. То же можно сказать и об отделениях московских и петербургских банков. Местный бизнес желал самостоятельности, тем более, что открытие кредитов базировалось на личном доверии, которое в основном и анализировалось учётно-ссудными комитетами. Шла жёсткая борьба за рынки и отдельный показ автором деятельности отделений Госбанка и частных структур затушёвываает эту непрекращавшуюся конкуренцию. Интересен также вопрос – выкачивали ли столичные банки финансовые ресурсы из провинции?

Наконец, в структуре книги нужно было изначально заложить важнейший вопрос о качестве кадрового аппарата отделений банков. Здесь В.В. Морозан отступает от плодотворного персонифицированного подхода, который обязателен для него при изучении частного бизнеса. Нужны списки руково-

дителей всех отделений и финансовых структур, с обязательной оценкой их профессиональных качеств. Эти сведения встречаются фрагментарно, как например о Э.А. Берге, руководителе Севастопольского отделения Госбанка (стр. 388), или Ф.С. Миляшкевиче, возглавлявшем Таганрогское отделение (стр. 425).

Монография В.В. Морозана для каждого историка экономики Российской империи станет справочным настольным пособием в изучении многообразных сфер народного хозяйства. При этом складывается впечатление после прочтения книги, что автор торопился, в данной работе он объединил несколько проектов, как будто предчувствуя смену эпох. Когда монография ещё только печаталась, уже начался майдан в Киеве, затем присоединение / аннексия Крыма, война в Донбассе. Анализ книги В.В. Морозана невозможно оторвать от политической обстановки и с грустью понимаешь, что фундаментальные работы Т.М. Китаниной и В.В. Морозана на ближайшие десятилетия останутся единственным серьёзным достижением российской историографии по изучению экономики причерноморских регионов, названных автором ещё по домайдановской терминологии югом России и Новороссией. Наверняка возникнут трудности у российских историков с изучением фондов украинских архивов, да и не много найдётся желающих (исключая Крым). При чтении монографии В.В. Морозана замечаешь хронологические пропуски, разную степень внимания к деловой жизни регионов, но потом смотришь в телевизор и понимаешь: как МНОГО автор успел сделать! (Авторская редакция, М.И. Роднов).

12.

Опубликовано: Роднов М.И. Николай Никанорович Степанов – глава Уфимского биржевого комитета // Власть в российской провинции в XIX в. (на материалах Южного Урала): историко-антропологический подход: Сб. науч. трудов, науч. ред. Н.Л. Семёнова. Стерлитамак, 2015. С. 110 – 117.

М.И. Роднов

Николай Никанорович Степанов – глава Уфимского биржевого комитета

История Уфимской товарной биржи (1905–1917 гг.) лишь в общих чертах показана в местной историографии [4] и совершенно неизвестна личность единственного председателя биржевого комитета. Хотя возникновение такого специфического органа как биржевой комитет изначально предполагает наличие инициатора. Требовалось «пробивать» проект, решать многочисленные организационные, финансовые и др. вопросы, сплотить вокруг себя уфимское купечество, среди которого необходимо было иметь немалый авторитет. И такой лидер в Уфе нашёлся. Все годы существования уфимской биржи неизменным председателем биржевого комитета являлся Николай Никанорович Степанов. Его роль в истории уфимской биржи была значительной и никем из современников не оспаривалась. Журналист прямо называл председателя биржевого комитета Н.Н. Степановым «инициатором этого учреждения в г. Уфе» [10].

В феврале 1899 г. уфимский купец Николай Никанорович Степанов указывал, что начал торговать с 1892 г., а в личной расписке от 17 мая 1894 г. подписался как елабужский мещанин Н.Н. Степанов. С 1896 г. его избирают гласным городской думы Уфы, а в 1899 г. он был старостой Никольской церкви [17, л. 1, 2, 4 об.]. Возможно, он сначала проживал в приходе этого храма, находившегося на углу улиц Каретной и Почтовой (затем Аксаковской и Пушкинской).

Начало предпринимательской деятельности Н.Н. Степанова было связано с одной из фирм крупнейшего по масштабам бизнеса в Волжско-Камском регионе семейства купцов Стахеевых. Многопрофильные фирмы, основным занятием которых сначала являлись торговля и в первую очередь хлебом, представляли одну из самых знаменитых купеческих династий Елабуги. И осенью 1892 г. встречаем рекламное объявление, что Торговый дом Григория Стахеева Сыновья открыл в Уфе на Александровской улице в доме женского монастыря «постоянный склад мануфактурных и прочих товаров», большой выбор, с 28 сентября начата оптовая продажа – добавлял доверенный Николай Никанорович Степанов [14, 1892. 5 октября].

Так Николай Никанорович «до 1898 г. состоял доверенным крупной фирмы Торгового Дома Григория Стахеева и сыновья». Степанов в качестве управляющего занимался операциями с хлебом, керосином, нефтью, мануфактурой. Его пригласили в важнейший банковский орган – учётно-ссудный

комитет – так как он мог быть полезен для Уфимского отделения Госбанка советами «по отношению к мелким векселедержателям, живущим в уездах». По своим качествам Н.Н. Степанов был очень деятельным человеком, имел большие связи и клиентуру со времён Стахеевых, отмечалось в его личном деле [17, л. 7 об., 9 об., 10].

То есть, во время работы на фирму Стахеевых он обзавёлся обширными связями в Уфе и уездах, почему в 1896 г. мещанин (затем он вступил в купечество) Николай Никанорович Степанов уже состоял членом учётно-ссудного комитета по торговым векселям Уфимского отделения Государственного банка [8, с. 183], наряду с такими известнейшими предпринимателями Уфы как Николай Кондратьевич Блохин, Алексей Петрович Зайков, Меркурий Лазаревич Сазонов, Клементий Иванович Юдаев, Василий Епифанович Поносов. Именно члены учётно-ссудного комитета рассматривали прошения о кредитах, на основании своей собственной информации о личности и бизнесе заёмщика они решали – рекомендовать банку выдать кредит (величину, на какие сроки и условиях) или нет. В эту важнейшую и конфиденциальную структуру уфимского отделения Госбанка приглашались исключительно благонадёжные лица. И в мае 1905 г. про Н.Н. Степанова говорилось: «В торговом мире пользуется безупречной репутацией. Прекрасно знаком не только с положением дел почти каждого клиента Отделения [Госбанка] в Уфе, но также вообще прекрасно знает весь Уфимский район» [17, л. 41–42].

Благодаря служащим Уфимского отделения Госбанка, собиравших подробную информацию, можно восстановить семейную жизнь Николая Никаноровича Степанова. На 1 февраля 1901 г. ему исполнилось 50 лет, то есть он был примерно 1850 или 1851 года рождения. Наверняка, происхождением из Елабуги, откуда переехал в Уфу как представитель фирмы Стахеевых. Но связи с родными вятскими краями не терял. Согласно формулярному списку на 1 декабря 1895 г. был женат на вдове Марье Фёдоровне Батуевой, малмыжской мещанке (город Малмыж Вятской губернии, тамошние Батуевы принадлежали к крупным предпринимателям [9, с. 62]). У супруги от первого брака имелась дочь Александра (11 мая 1873 г. р.), которая вышла замуж за купеческого сына Алексея Афонасьевича Гирбасова (тоже знаменитая фамилия предпринимателей), живут в Елабуге. С родителями же проживал сын Алексей (2 февраля 1881 г. р., 20 лет в 1901 г.) [17, л. 20 об., 34]. По всей видимости, это был единственный ребёнок в семье Н.Н. Степанова.

Таким образом, начинавший свою бизнес-карьеру как доверенный (управляющий) в фирме Стахеевых, Николай Никанорович Степанов набрался опыта, приобрёл репутацию и, надо думать, скопил немалый капитал, что позволило ему открыть собственное дело. Хотя до 1898 г. он оставался доверенным Стахеевых, в феврале 1899 г. Степанов указал, что торгует с 1892 г. Видимо, одновременно занимая должность управляющего, он открывает в Уфе свой бизнес. А продавал он краски, москательный и химический товар, русское и бельгийское стекло, чай и сахар. В год покупал товара на 80–90 тыс. руб. «преимущественно за ден[ь]ги, в кредит бывают высылают товаров в течение года до 10 000 руб. (которые входят в сумму 90 000)». И за год

продавал до 68 тыс. руб. за деньги (наличные), «в долг по векселям до 15 000 руб., по текущим счетам до 13 000 руб.»

Товары Н.Н. Степанов закупал в Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве, Сосновицах, Одессе, Риге, Праге, Лейпциге, Лондоне, а также на Нижегородской ярмарке. Кроме торговли, добавлял Николай Никанорович 12 февраля 1899 г., «имею буксиропароходное дело и хлебное». Недвижимость числилась в Елабуге – каменный двухэтажный дом со службами и двумя фруктовыми садами, стоимостью 15 тыс. руб., не заложенный. «Кредитом в банках не пользуюсь» [17, л. 2 и об.].

Показателем успешности бизнеса Н.Н. Степанова стало появление в конце 1897 г. его рекламы [14, 1897. 17 ноября]. На рубеже веков бизнес Н.Н. Степанова процветал. На 1 февраля 1901 г. за ним числились уже два дома (второй, может быть, в Уфе), оптово-розничная торговля на 246 тыс. руб., продолжал заниматься и хлебной торговлей (на 50–60 тыс. руб.), товары покупал преимущественно за наличные [17, л. 20 и об.].

Н.Н. Степанов переходит более к узкоспециализированной оптовой (мелко-оптовой) торговле материалами, предназначенными для бурно застраивавшейся Уфы (от стекла, олифы и красок до обоев). В его магазине закупали принадлежности первые уфимские живописцы. Продукты питания и прочий попутный товар теперь вообще не упоминаются.

Обратим внимание, что Н.Н. Степанов торгует сложными «техническими» товарами, выпускавшимися современной химической промышленностью, требующими больших профессиональных познаний в свойствах и качестве этой специфической продукции. Это современный, передовой предприниматель, идущий в ногу с техническим прогрессом, который ищет новые возможности не просто в зарабатывании денег, а в реализации своих способностей. Он даже пробует себя в совершенно новом, страховом бизнесе.

В январе 1902 г. выходит объявление инспектора Русского страхового общества Н.Н. Кустовского: «имею честь известить Г.г. страхователей, что вместо агента В.Г. Тромпетт, агентом Русского Страхового общества назначен Уфимский купец Николай Никанорович Степанов, (Бекетовская улица, дом Зудилина), а потому покорнейше прошу лиц страховавших свои имущества чрез г. Тромпетт обращаться к г. Степанову» [14, 1902. 28 января].

Неизвестно, насколько долго и успешно занимался Н.Н. Степанов страховым делом, для человека хорошо осведомлённого самое подходящее занятие, но, вероятно, именно в это время предприниматель, которому уже было за 50, решил окончательно обосноваться в Уфе и купить земельный участок в центре города под комфортабельное жильё. В феврале того же 1902 г. встречаем объявление о продаже дома по Бекетовской улице (второй квартал от Базарной площади), тут же предлагались для покупки лошади, рессорный фаетон, плетёнка, беговые санки, новый комнатный земляной клозет и пр. «О цене узнать у владельца С.А. Зудилина (Квартира наверху)» [14, 1902. 18 февраля]. То есть дом был двухэтажный, на первом этаже размещалась контора страхового агента, на втором – жилые помещения.

Именно на улице Бекетовской (затем Социалистической, ныне М. Ка-

рима) находился изящный особняк в античном стиле, один из шедевров уфимского модерна. Скорее всего, именно Николай Никанорович, предприимчивый и передовой бизнесмен выстроил его на месте зудилинского дома, и как всегда оригинально (стиль модерн появился в Уфе только в конце первого десятилетия 1900-х гг., на рельсах в подвале стояла дата – 1908 г.) [15, с. 244–245].

К 1904 г. купцу Николаю Никаноровичу Степанову принадлежало домовладение по адресу улица Бекетовская, 19, которым он владел и в последующем. Но проживал Н.Н. Степанов с семейством не здесь, а чуть далее по той же улице Бекетовской. На углу с улицей Достоевской находилась большая усадьба (№ 48), владелицей которой, однако, выступала супруга купца Мария Фёдоровна Степанова. Там же указано пребывание Николая Никаноровича и Алексея Николаевича Степановых [5, с. 34, 37; 6, с. 12, 200; 7, с. 12, 217]. По всей видимости, первая усадьба использовалась в коммерческих целях, а само семейство постоянно проживало в своём изящном особняке с хозяйственными строениями. Или сначала Степанов приобрёл первую усадьбу (№ 19), во вторую переехали после строительства палаццо.

Известно, что свои финансовые расчёты (видимо, часть) Н.Н. Степанов проводил через Уфимское отделение Волжско-Камского коммерческого банка, крупнейшего частного банка Уфы. Так, на 1 января 1905 г. на его счету имелся остаток в 5526,5 руб. В течение года на личный счёт Степанова поступило 73 425 руб., а было снято («убыло») 69 776 руб. 98 коп. К 1 января 1906 г. на счету оставалось 9174 руб. 52 коп. (за 1905 г. были начислены банком проценты в 134 руб. 99 коп., а государственный 5% сбор с этих начисленных процентов / прибыли составил 7 руб. 10 коп.) [16]. Нет никаких свидетельств финансовых затруднений Н.Н. Степанова. В предвоенные годы (с 1909) коммерческая пресса регулярно и в большом количестве публиковала сведения о неплатежах, протестованных векселях, банкротствах, имя Н.Н. Степанова не упоминается.

Таким образом, к 1905 г. когда Николай Никанорович Степанов стал одним из инициаторов открытия в Уфе товарной биржи, он зарекомендовал себя не просто опытным и деятельным предпринимателем, но и человеком общественно-активным. По сведениям справочных изданий, как авторитетного и ответственного предпринимателя его избирают членом от Городской думы в Уфимское городское раскладочное по промысловому налогу присутствие (на 1900, 1904, 1906 гг.), он участвует в определении величины обложения промысловым, а затем и квартирным налогом.

Участвовал Н.Н. Степанов и в общественной деятельности. Долгие годы он являлся членом Окружного управления Императорского Российского общества спасения на водах, а с 1908 по 1917 гг. даже возглавлял его в качестве председателя. В отдельные годы входил от уфимского купечества в состав попечительства о тюрьмах, а в 1905 г. даже состоял членом правления Городского пожарного общества (в общественной деятельности участвовал и его сын Алексей Николаевич). Не обошли стороной Н.Н. Степанова и награды. В начале 1905 г. член учётно-ссудного комитета отделения Госбанка,

уфимский 2-й гильдии купец Николай Степанов удостоился медали на Аннинской ленте с надписью «за усердие» [1, с. 5].

Не случайно именно такой человек возглавил организацию первой уфимской биржи и являлся бессменным её председателем вплоть до 1917 г.

Руководство деятельностью Уфимского биржевого комитета Н.Н. Степанов совмещал с продолжением торговли. На первой странице весной 1910 г. проправительственное издание поместило рекламу магазина Н.Н. Степанова в Уфе. Он находился на Верхней Торговой площади, против Гостинного двора и часовни, в собственном корпусе (телефон № 115) [13, 1910. 16 марта]. Председатель уфимской биржи сотрудничал с крупнейшим поставщиком – фирмой Петра Капитоновича Ушкова, чьим наследником является ОАО «Химический завод им. Л.Я. Карпова» в городе Менделеевске [см.: 3].

Вообще Н.Н. Степанов оставался на передовых рубежах прогресса. В 1910 г. его магазин на Верхне-Торговой площади извещал, что «в непродолжительном времени здесь-же откроется обширный электро-технический склад: арматура, лампы накаливания, всевозможный материал для установки электрического освещения и оборудования электрических станций. Динамомашинны обыкновенного и трёхфазного токов. Двигатели нефтяные, газогенераторные, керосиновые и бензиновые» [13, 1910. 9 апреля]. В конце 1913 г. сообщалось, что он продаёт электрические лампочки фирмы Филипс [11]. А когда в Уфе стали обсуждать проект проведения трамвайного сообщения, председателем трамвайной комиссии стал опять-таки Н.Н. Степанов [13, 1913. 20 марта].

Оставался он и гласным (депутатом) городской думы, на выборах в 1909 г. был избран 112 голосами против 88 [2], а в 1913 г. за него проголосовали 150 выборщиков против 132 [13, 1913. 23 марта]. Когда началась Первая мировая война Н.Н. Степанов уступил «безвозмездно городу под лазарет один из своих домов» [12] и представлял биржу в общественных организациях. Уже 3 сентября 1914 г. биржевой комитет избрал Н.Н. Степанова представителем в заседаниях Уфимского губернского комитета всероссийского земского союза помощи раненым и Уфимского уездного распорядительного комитета по эвакуации больных и раненых [13, 1914. 7 сентября].

Первым и единственным председателем Уфимского биржевого комитета являлся успешный предприниматель, специализировавшийся в торговле на технологичных, современных товарах, имевший обширные связи в деловом мире, человек инициативный в общественных делах, оставивший яркий след в уфимском бизнесе начала XX в. – Николай Никанорович Степанов.

Список источников и литературы.

1. Вестник финансов, промышленности и торговли, указатель правительственных распоряжений по министерству финансов. 1905. СПб., 1905. № 1. 2 (15) января.
2. Вестник Уфы. 1909. 21 января.
3. Есиева И.В. Купеческая династия Ушковых (первая половина XIX в. – 1918 год). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2004.
4. Самородов Д.П. Развитие потребительской кооперации в Уфимской губернии в эпоху первой мировой войны // Страницы истории Башкортостана XX века. Уфа, 1998.

5. Список улиц и домовладений города Уфы, а также адреса должностных лиц и общественных деятелей / сост. А.Ф. Сильвестров и В.А. Ошурко. Уфа, 1904.
6. Справочная книга г. Уфы с приложением плана. Уфа, 1908.
7. Справочная книга г. Уфы. Уфа, 1911.
8. Справочная книжка и адрес-календарь Уфимской губернии на 1896 год. Уфа, 1895.
9. Судовиков М.С. Купеческое сословие Вятско-Камского региона в конце XVIII – начале XX века. Киров, 2009.
10. Уфимские губернские ведомости. 1906. 14 мая.
11. Уфимский вестник. 1913. 25 декабря.
12. Уфимский вестник. 1914. 11 сентября.
13. Уфимский край.
14. Уфимский листок объявлений и извещений.
15. Шестаев Аркадий. Жил-был дом // Уфа: страницы истории. Кн. 2 / Сост. М.В. Агеева, под ред. П.В. Егорова и А.Л. Чечухи. Уфа, 2014.
16. РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1216. Л. 119.
17. ЦИА РБ. Ф. И-143. Оп. 1. Д. 4.

13.

Опубликовано: Роднов М.И. XXXIV сессия международного Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2015. Вып. 10; под ред. А.М. Никулина, М.Г. Пугачевой, Т. Шанина. М., 2015. С. 333 – 336.

М. И. Роднов

XXXIV сессия международного Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы

В сентябре 2014 г. в Самаре состоялась очередная сессия Симпозиума – объединения историков-аграрников России, непрерывно действующего сообщества с 1958 г., единственного сохранившегося из ряда профессиональных советских научных ассоциаций. Нашему Симпозиуму повезло – в непростые 1990-е гг. его возглавлял выдающийся учёный и организатор Леонид Васильевич Милов. Сейчас знамя несёт известный московский историк Елена Николаевна Швейковская, спокойно, но уверенно решающая сложные финансово-административные вопросы; большую работу проводит ученый секретарь Наталья Викторовна Соколова.

Наше сообщество собирается через каждые два года в разных городах. На этот раз свои объятия гостеприимно распахнула Самара, где все оргвопросы принимающей стороны взял на себя один из старейших историков-аграрников Поволжья Пётр Серафимович Кабытов. Хозяева постарались, конференция удалась. Выступили около сотни участников из десятков регионов России, гости из Белоруссии и Китая; украинские докладчики ограничились публикацией статей. Работали в трёх секциях, материалы самарской сессии и даже фотоотчёт уже выложены на сайте Симпозиума.

Каждые два года, забрасывая все дела и расходуя свои деньги (в этот раз хозяева компенсировали затраты), я отправляюсь на этот единственный среди гуманитарного пространства России Симпозиум. Зачем? В чём его ценность? Прежде всего, это проверка своей квалификации, здесь слушаешь коллег, листаешь подаренные книги, участвуешь в дискуссиях и проверяешь себя, ты на уровне или нет. Бесценное общение открывает новые технологии, анализируя доклады и сообщения понимаешь, куда движется наука, какие тренды в моде, какая тематика доминирует, кто над чем работает.

В этом отношении самарская сессия дала обильную пищу. Предложенная организаторами магистральная тема – «Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X–XXI вв.» – довольно строго выдерживалась в докладах и сообщениях. Примечательно само восприятие темы научным сообществом России – спокойное, академическое: налоги платить всё же надо при любых царях. Старые советские эмоции про угнетение народа через жуткое бремя налогообложения редко звучали в выступлениях. Вообще политическая компонента, которая ещё 10 лет назад бурлила в страстных речах В.П. Данилова, почти ушла. Почти. По крайней

мере, она теперь скрывается под флёром академичности и цифрами якобы беспристрастной статистики.

По старинной, из прошлого тысячелетия, традиции открытие сессии состоялось в Министерстве сельского хозяйства Самарской области, и первый доклад сделал лично министр В.В. Альтергот. Секции прошли в дружеской и тёплой обстановке, атмосфера была очень демократичная, но молнии всё же сверкали.

На пленарном заседании одним из центральных докладов стало выступление пензенского историка, одного из лидеров современной российской науки в своей области, чьи книги стоят на полках магазинов, наверное, всей страны, Виктора Викторовича Кондрашина. Его вклад в разоблачение украинской пропаганды о Голодоморе хорошо известен всему научному сообществу. И на самарской трибуне он подробно рассказал о хлебозаготовках, ещё раз помянул манипуляции наших соседей, а вывод сделал свой традиционный: крестьянство СССР в начале 1930-х гг. принесло себя в жертву (было принесено) на алтарь индустриализации. Да, были кровь и мучения, но требовалось крепить оборону, вот хлебушек и вырывали из голодных детских ртов и везли проклятым буржуинам. Это, повторюсь, классическая версия В.В. Кондрашина, изложенная в его работах. Идея классоцида им отвергается.

Но сообщество специалистов даже на убедительные конструкции смотрит критически. Из зала прзвучал «наивный» вопрос: а какова была доля хлеба во всём экспорте СССР в начале 1930-х гг.? Ведь везли за рубеж лес и металлы, золото и пушнину, нефть и массу всякого иного. Может, удельный вес доходов от продажи зерна, которое сбывалось за бесценок в условиях мирового кризиса, был небольшой? И ради таких, возможно, скромных результатов не стоило умерщвлять миллионы крестьян? Придерживающийся своей концепции Виктор Викторович остаётся настоящим учёным с большой буквы. Он честно рассказал, что понимает вопрос, что пытался в центральных архивах найти подобные цифры, но всё засекречено и даже он, Кондрашин, с его допусками к тайнам нашей истории, ничего не узнал. Экспорт СССР в 1930-е гг. – государственная тайна.

И резюме: раз мы не знаем истинной цены выкаченного, вырванного из голодных ртов русского, украинского, белорусского, казахского крестьянина и вывезенного за рубеж хлеба, то чего стоят филиппики о неизбежности, необходимости жертвоприношения? Честный ответ: мы не знаем! Пока.

Традицией последних сессий Симпозиума давно уже стали круглые столы в последний день работы. В 2014 г., естественно, он был посвящён Первой мировой войне. После добротных докладов Н.Ф. Тагировой (Самара), поразившей аудиторию своим анализом ценовой динамики, и М.В. Оськина (Тула) началось обсуждение. В «рукопашной» сошлись М.Д. Карпачёв (Воронеж) и Г.Е. Корнилов (Екатеринбург) с двух разных секций, «досоветской» и «советской».

Михаил Дмитриевич, как всегда образно, ярко, со вкусом, поведал, как разбогатела деревня в годы Первой мировой войны. Поток обесценивавших-

ся, правда, денег, бурный рост цен на продукты, вздорожание рабочих рук для зернопроизводящих регионов стало источником стремительного обогащения. Хлеб стал главной деньгой, и горожане пошли на поклон в деревню к мужикам. Это вообще-то очевидно и нормально. Во время любой войны возникает нехватка продовольствия, и сельхозпроизводители (страны, губернии, социальные группы) наживаются на дефиците, невзирая на призывы к патриотизму.

Уже подуставшие участники Симпозиума благодушно и с удовольствием слушали красочный спич М.Д. Карпачёва. Видимо, именно этот успокоительный настрой и вызвал внезапную реакцию Геннадия Егоровича Корнилова. Оказалось, у них на секции живописали страдания и мучения деревни под разваливающимся игом самодержавия в годы Первой мировой. Война и прибыль, кровь и процветание, возможно ли такое? А если учесть, что в своих работах Корнилов постоянно ставит знак равенства между царским и советским самодержавием: и там голодали и тут. Кто виноват? Отсутствие модернизации и Санта Клаус, кстати, родом из Евросоюза. Причём тут Сталин и иже с ним?

Самарская сессия подтвердила сложившуюся «расстановку сил» в аграрно-исторической науке. Если «советская» секция была разделена на две подсекции из-за большого количества участников, то в «досоветскую» вошли все историки от Киевской Руси до Николая I: бурный интерес к советской эпохе (все жаркие споры касались только её) и, напротив, – царство академизма по предшествующим столетиям, потерявшим актуальность в глазах власти.

Отметим падающую роль обеих столиц. Санкт-Петербург был представлен лишь на первой секции славными именами Зои Васильевны Дмитриевой и Михаила Борисовича Свердлова. Если на первой секции руководство пополам делили Москва и Самара, то вторую вели Воронеж, Калининград и Самара, третью – Новосибирск, Пенза, Калуга и Самара. В Москве интерес к непрестижной (и неприбыльной) аграрной истории весьма скромен. Среди организаторов сессии присутствует один Институт славяноведения, среди участников – ещё МГУ, Институт всеобщей истории и др. Представителей головного Института российской истории последние годы вообще не видно. Крестьянство, составлявшее ещё полвека назад большинство населения страны, почти никто не изучает, считая тему второстепенной. Наука ушла в провинцию.

А вообще было очень интересно и полезно. Самарская сессия останется в памяти. Идём дальше.

14.

Опубликовано: Роднов М.И. Рынок ценных бумаг в российской провинции начала XX в. (на примере Уфы) // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект). Сб. материалов междунар. науч. конф. / под общ. ред. В.А. Веременко; отв. ред. С.В. Степанов. СПб., 2016. С. 154 – 158

М.И. Роднов

Рынок ценных бумаг в российской провинции начала XX в. (на примере Уфы)

В современной историографии активно изучается рынок ценных бумаг Российской империи к началу XX в. на примере Санкт-Петербургской фондовой биржи, в первую очередь в трудах П.В. Лизунова [1]. Но ситуация в провинции остаётся почти не известной. Конечно, степень использования различных ценных бумаг (акций, облигаций, закладных листов и пр.) зависела от уровня экономического развития региона. Но даже в отдалённых окраинах Европейской России, таких как Уфа – центр одноимённой губернии, город с населением около 100 тыс. чел., крупный центр торговли на важнейшей транспортной коммуникации, здесь начинался железнодорожный путь в Сибирь, существовало речное пароходство, сложился локальный рынок ценных бумаг.

Противоречивость, неоднородность социально-экономического развития России ярко просматривается при исследовании уфимского рынка ценных бумаг. С одной стороны, очень слабо местными предпринимателями применялось акционирование, абсолютно доминирующей формой привлечения капиталов оставалась юридическая форма торговых домов – товарищества на вере или полные товарищества. На Петербургской фондовой биржи обращались акции лишь единичных компаний, действовавших на Южном Урале, через Петербургскую биржу нередко оформлялось учреждение администрации над обанкротившимися предпринимателями, а в уфимской прессе помещалась реклама различных столичных банкирских домов и регулярно публиковался курс государственных процентных бумаг на Санкт-Петербургской бирже, но анализ сохранившихся в фонде Уфимского отделения Госбанка личных дел ряда крупных местных купцов показывает весьма слабое использование ценных бумаг.

Для уфимского бизнес-сообщества был характерен консервативный, традиционный подход в организации дела, слабое привлечение кредитных ресурсов даже из местных отделений банков, бизнес с оборота, расчёты за наличность. Максимально допустимый риск для большинства уфимских торговцев оставался в осуществлении расчётов под векселя. Среди членов учётно-ссудного комитета Уфимского отделения Госбанка никто, судя по сохранившимся формулярам, не занимался дисконтом ценных бумаг (покупкой / продажей, игрой на колебаниях курса стоимости).

Это было характерно даже для очень крупных предпринимателей. Например, лесопромышленник С.С. Манаев, обладатель состояния (только по счетам в Госбанке) на 1911 г. в размере 485 тыс. руб. и недвижимости на 124 тыс. руб., держал лишь бумаги 4%-ной государственной ренты на 7100 руб. Из общего объёма капитала это составляло чуть более одного процента.

Ситуация резко меняется с 1912 г., на 1913 г. у С.С. Манаева имелось ценных бумаг уже на 127 / 132 тыс. руб. из общего капитала в 568 тыс. руб. и недвижимости в 64 тыс. руб. Однако, перемены были вызваны, почти наверняка, возрастом. Через несколько лет он составит завещание, его участие в делах основного бизнеса – челябинского Лесопромышленного товарищества Лаптевы и Манаев ограничивается получением дивидендов.

Пожилой купец переходит к стратегии рантье, почему начинает вкладывать свободные капиталы в ценные бумаги. На 1917 г. из всего капитала в 1,01 млн руб. у С.С. Манаева на хранении в Уфимском отделении Госбанка находились бумаги 5%-ного займа 1906 г. на 105,2 тыс. руб. и 4%-ной государственной ренты на 55,2 тыс. руб. Причём, они лежали с 1914 г. и никак не использовались, то есть являли собой «чистые» накопления.

Кроме того, Манаев имел специальный текущий счёт, под который мог брать ссуды, где на 1917 г. находилось разных ценных бумаг на 433 тыс. руб., почти исключительно гарантированных государственных свидетельств, ренты и займов. Обращают внимание близкие размеры пакетов бумаг. Так, 5%-ного займа 1914 г. у купца имелось на 50 тыс. руб., 5%-ного займа 1915 г. – тоже на 50 тыс. руб., 5,5%-ного военного займа 1915 г. – на 50,1 тыс. руб., 5,5%-ного военного займа первого выпуска на 51 тыс. руб., а второго на 55 тыс. руб. Даже 5% займа Свободы 1917 г. Манаев приобрёл тоже на 50 тыс. руб. Очевидно целенаправленное вложение средств в целях накопления, но никак не бизнеса [2, д. 9, л. 23–24].

Хотя есть свидетельства использования ценных бумаг в торговых операциях, например, на новогодней ярмарке в городе Мензелинске, где заключались крупные контракты на поставку хлеба и фрахт судов, массового оборота ценных бумаг в уфимском бизнес-сообществе не выявлено.

Однако, во-вторых, фонды Уфимского отделения Госбанка показывают просто огромный интерес жителей края (чиновничества, среднего класса, интеллигенции, рядового населения вплоть до крестьянства) к ценным бумагам. Ценные бумаги покупали на детей, ими делали вклады в храмы и благотворительные учреждения, их хранили дома, но в основном держали на частных вкладах Уфимского отделения Госбанка. Причём объёмы хранившихся именно в ценных бумагах, а не на депозитах сумм примерно сопоставимы со всей налогооблагаемой базой целой Уфимской губернии. И они непрерывно росли, достигнув к 1 января 1911 г. величины в 5,3 млн руб. [2, д. 39. Л. 104–106]

Основной интерес населения Южного Урала был сосредоточен на государственных или гарантированных правительством процентных и дивидендных бумагах (рубль = 1/15 империи). Всего на 1728 вкладах находилось 10670 листов ценных бумаг на общую сумму в 5 млн 199 тыс. руб. Ли-

дерами выступала 4%-ная государственная рента (3 млн 635 тыс. руб., или 67,7% от общей стоимости ценных бумаг на частных вкладах). Далее шли 5%-ные свидетельства Крестьянского поземельного банка (561 тыс. руб.), 5%-ные облигации внутреннего займа 1905 г. двух выпусков (266 тыс. руб.), 3,5%-ные закладные листы Дворянского земельного банка (176 тыс. руб.).

Государственные и гарантированные правительством ценные бумаги были бесспорными лидерами. Именно их скупало население, в них хранило сбережения, включая бумаги двух государственных ипотечных банков (Крестьянского и Дворянского). Обращает внимание популярность облигаций займа 1905 г., несмотря на революционную пропаганду, население верило в Империю и активно покупало облигации.

Эти вложения бесспорно принадлежали рядовому населению, от высшей провинциальной бюрократии, помещиков и инженерно-технических кадров до крестьянства, мещан, мелких торговцев и просто обывателей. Это подтверждает объём ценных бумаг, принадлежавших вкладчикам государственных сберегательных касс, где хранили сбережения «низшие» слои общества. Ценных бумаг в сберкассах Уфимской губернии к 1 января 1911 г. имелось у вкладчиков на 1 млн 265 тыс. руб.

Бесспорное доминирование покупки и хранения ценных бумаг, как основного вида простого сбережения денег, подтверждает небольшое значение явно рыночных бумаг, использовавшихся в биржевой игре, спекуляции. Так, «прославленные» выигрышные займы 1864 и 1866 гг. в Уфе приобрели всего на 29,7 и 35,6 тыс. руб., несопоставимые величины с надёжной 4%-ной государственной рентой!

Скромные пакеты были в Уфимском отделении Госбанка бумаг железнодорожных займов, ипотечных бумаг, акций коммерческих и иных банков, различных предприятий. Например, уфимцы приобрели 15 штук (на пяти вкладах) 4,5%-ных облигаций Санкт-Петербургского городского кредитного общества на общую сумму в 12,5 тыс. руб., девять 4,5%-ных закладных листов Санкт-Петербург-Тульского земельного банка (два вклада на 8 тыс. руб.), один уфимец держал семь 5%-ных облигаций Санкт-Петербургского общества долгосрочного кредита на 2 тыс. руб., другой – три акции Санкт-Петербургского учётного ссудного банка (750 руб.), третий – одну акцию в 125 рублей Санкт-Петербургского частного ломбарда.

Таким образом, собранные свидетельства показывают, что, при давнишнем знакомстве уфимского бизнес-сообщества с ценными бумагами и биржевой игрой, к началу XX в. роль ценных бумаг в торговом обороте и финансовых сделках была сравнительно небольшой. Зато рядовое население Уфимской губернии в огромных масштабах скупало государственные и гарантированные правительством ценные бумаги и именно в них хранило свои сбережения, включая государственные сберегательные кассы.

Провинциальный рынок ценных бумаг, на примере Южного Урала, достигал многомиллионных величин к началу XX в., но это был рынок накоплений, а не биржевой игры, хотя степень локальных особенностей ещё только предстоит выяснить.

Библиографический список:

1. Лизунов П.В. Санкт-Петербургская биржа и российский рынок ценных бумаг (1703–1917 гг.). СПб., 2004.
2. НА РБ (Национальный архив Республики Башкортостан). Ф. И-143. Оп. 2.

Опубликовано: Роднов М.И. Агрономический опыт уфимских помещиков середины XIX века // Северо-Запад в аграрной истории России / под ред. В.Н. Никулина. Калининград, 2016. Вып. 22. С. 133 – 138.

М.И. Роднов

Агрономический опыт уфимских помещиков середины XIX в.

С конца XVIII в., после пугачёвщины в Оренбургской губернии, охватывавшей всю территорию Южного Урала, наступила эпоха «расцвета» дворянского, помещичьего землевладения. Вокруг гражданской столицы края – Уфы и других городов концентрируются помещичьи усадьбы, возникает достаточно стабильный слой местного «сельского» дворянства, постоянно проживавшего в своих имениях и существовавшего на доходы от земледелия.

В середине XIX в. на страницах единственной в крае газеты, издававшихся в Уфе «Оренбургских губернских ведомостей», появляется несколько публикаций местных дворян, анализировавших хозяйственный опыт. В 1849 г. выходят заметки скончавшегося незадолго до этого во время эпидемии холеры помещика и краеведа В.С. Юматова [1. С. 185–193], а в 1851 г. некто «Малосельский» помещает статью «О земледелии Уфимского уезда» [2].

Появление сходных работ в середине XIX в. было не случайным. Кроме общего, нараставшего по всей стране кризиса крепостнического хозяйства, на Южном Урале действовали собственные факторы. К этому времени закончилось экстенсивное освоение девственных высокоплодородных чернозёмов, установилась кантонная система, по которой основные владельцы земли – башкиры и татары-мишари (мещеряки) оказались в статусе близком к казакам. им было запрещено торговать землёй. Расширению дворянского землевладения наступил предел и наиболее дальновидные хозяева-помещики осознали неизбежность агротехнических новаций.

Из приложенной ниже заметки «Малосельского» очевидно, что автор, скорее всего, владел помещьем в западной части Уфимского уезда. Это был опытный и немолодой дворянин, который 34 года (с 1816 г.) занимался земледелием. Его отличает начитанность, он выписывал Труды Вольного Экономического общества, хорошо знаком с «благодетельными сочинениями мужей образованных и опытных», закупал сортовые семена ржи (шведский сорт ваза). В молодости он участвовал в Финляндской компании, видимо в войне 1808–1809 гг., где с интересом наблюдал за финскими приемами хозяйствования. Без сомнения, земледелием автор занимался с интересом, имел к нему призвание.

Анализ текста свидетельствует об ориентированном на рынок, предпринимательском (видимо, барщинном) хозяйстве, которое велось самим барином, выступавшим организатором всего дела. Обратим внимание на отсутствие в заметке «Малосельского» всяких упоминаний о крестьянской (крепостной) общине, которая в Предуралье была слаба и которой управление часто

не передоверялось (в 60–70% имений хозяйство вели управляющие или сами помещики [1. С. 59]). Вообще ничего не говорится о крепостном труде, на который часто жаловались дворяне центральных губерний, нет восклицаний и по поводу пресловутой трехполки, обвиненной во всех грехах русского земледелия.

Автор рассуждает исключительно о технологии земледелия: качестве посевного материала, сроках посева, протравливании густых посевов скотом, высеве семян, соотношении глубокого и мелкого посева, вредителях хлебов. Этот опытный помещик не превратился в сторонника плодопеременной системы и удобрений, судя по тексту, ограничивался обычными сохами, не гонялся за модным и дорогим фабричным инвентарем.

Основной посыл статьи – дело не столько в каких-то современных технологиях, нормальный местный опыт с учетом новинок литературы (хотя ни об одном успешном случае применения на практике вычитанного автор не сообщает) позволяет добиваться хороших результатов и вести рентабельное (с учетом оставленного за рамками дарового труда крепостных) хозяйство. Главное, что звучит рефреном в подтексте заметки – надо действительно постоянно и упорно заниматься своим поместьем, относиться к земледелию как к бизнесу, а не как к барскому развлечению.

Видимо, поэтому редактор неофициальной части «Оренбургских губернских ведомостей» И.П. Сосфенов публиковал подобные материалы. «Думать и делать – две вещи между собою разные», говорил ранее В.С. Юматов [1. С. 193]. Но подобных деловых, предприимчивых помещиков среди русского дворянства насчитывалась весьма небольшая часть, что во многом предопределило крах дворянского землевладения в пореформенный период.

«О земледелии Уфимского уезда.

Невозможно быть столь равнодушным, чтобы неизъявить глубочайшей благодарности за получаемые Труды Императорского Вольного Экономического Общества и Земледельческой Газеты, которые дарят нас, как образованных, так и просто-практических земледельцев, драгоценными сведениями, излагаемыми простым нашим русским разговорным языком, сведениями, которые едва ли можно приобрести когда либо практикою. Повторяю, дарят, судя по необыкновенной дешевизне обоих изданий, заключающих в себе великие сокровища для хозяйственной и земледельческой деятельности. Благодарность эту питают в себе тысячи земледельцев, это истинно; но не все могут решиться писать для печати. Видя же из помянутых изданий, что и нас, простых практикантов, приглашают объявлять свои мнения и опыты; а потому, занимаясь земледелием 34 года, решил написать не в духе поучения, или советов, которыми сам всячески стараюсь воспользоваться из благодетельных сочинений мужей образованных и опытных, а представляю на вид только то, что мною в 34 года по земледелию испытано и замечено в собственном моём имении.

Прежде всего я должен сказать о грунте и положении моей земли, в предположении, что мои замечания и опыты могут служить к соображению

владельцев дач подобных только моей даче, потому что не только в нашей губернии, но даже в одном и том же уезде грунты земли многообразного качества, так что в открытых степных местах десятью днями начинают пахать ранее дач между-лесных.

Пахотная моя земля расположена между чернолесья, и ни одного сплошного поля более нет как 60 дес. Равнины все с небольшими наклонностями. Почва земли обильна чернозёмом, которого местами есть до аршина. Подпочевник чисто красной, жирной глины. Песчаной примеси ни сколько ни где нет. Есть места частью сырые и холодные.

Опыты и замечания.

Ржаные семена я всегда старался приобретать не по названию *ваза* или *кустовка*; (я заметил, что всякое полновесное и здоровое зерно на хорошей почве при благоприятном времени кустится до невероятности), а по полноте зерна, белизне и тонкой коже, и наконец по пробе, отщипав без выбору с ряду сто зёрен посажу в ящик, наполненный обыкновенною землёю, и ежели взойдёт не менее девяноста зёрен, то считаю семена хорошими. Лучшие семена удаются из чищёбной земли, т. е. из под вырубленного леса, а как это не каждый год можно иметь, то я сею рожь для семян особо на выбранных мною лучших десятинах, а далее я чрез пять посевов старался приобретать добротные семена из отдалённых мест. Количеством я засеивал по новой земле по 4 четверика для пробы только 2 дес. и рядом с этими десятинами сеял по 10 четвер. по старой земле. Год был очень благоприятный и урожай был на редкость, и на часто сеянных десятинах одинаковый; но этим я руководствоваться не смел, и опасение моё в последствии оправдалось тем, что на другой год один помещик соседственной к нам Казанской губернии, засеял всё поле выписанной рожью кустовкой по пяти четвериков на десятину. Год был для урожаев посредственный, рожь кустовка не успела разрастись, так сказать раскуститься, дала место сорным травам и вышел урожай бедственный, тогда как сеявшие по 10 четвериков получили в том же году урожай посредственный. Время посева ржи я определённого не имел, а сообразовался с жнитвом, сенокосом и пашнею, т. е. тремя работами. Ежели дожди помешают производству сенокосения, то я начинаю сеять с 14 Июля; правда, что это было только 2 раза, а с 16 очень часто; но уже с 21 числа непременно, и по этому расчёту мне часто удавалось потрафлять, что и двух работ в одно время не сходилось.

При вступлении моём в хозяйство 1816 года, я слышал неоднократно предостережения от старых хозяев, что рано сеять опасно, по причине, что озими пойдут с осени в дутку и повредятся; но в последствии я нашёл в Московском Экономическом журнале опыты некоторых хозяев, делавших ранние посевы, и по случаю, что дожди помешали сенокосу, решился начать посев 18 Июля, и точно по дождливому времени озими мои разрослись до чрезвычайности и вытянулись до того, что свалились в разные стороны; в корню побелели и как бы начали преть. Я, помня предостережение старых хозяев, в таковом моём поступке раскаивался. В отвращении этой опасности решился озимь скосить и сгрести на межи десятин, и увидел ужасные валы образо-

вавшиеся из скошенной озими, которую для скотины сваживали возами; но видя в этом кошени продолжительную работу, решился вытравливать всю некошеную озимь скотиною всех родов, и вытравил до того, что и подало повод к порицанию моего поступка; но, благодаря Бога, следующее лето наградило меня таким урожаем, которого я лучше уже и не желаю; с этого времени я принял себе за правило при помешательстве от дождей в сенокосении сеять рано и доходил до той дерзости, что сеял, как я уже выше сказал, с 14 Июля и оканчивал весь озимовый посев 1 Августа. Когда же благоприятствовало время кошени, то я озимовый посев откладывал до 21 Июля.

Во все те года, когда у меня озими разрастались более обыкновенного, я пользовался и тою выгодою, что скотина моя и крестьянская прекрасно отъедалась. Многие говорили, что тут коровы могут делать большой вред острыми своими копытами, но и это оказалось не справедливо. Я именно весною заметил те места, где коровы продавливали на озимях ямки и играющие лошади вырывали копытами, нашёл, что из этих ямок выростали озими целыми кустами; а был вред там, где тяжёлая скотина лежала, а овцы проходили одна за другою, делая тропы. В отвращение чего я и наблюдал, что бы всю скотину выгонять в поле и пасти в разсыпную.

Пропорцию семян на десятину, по многим моим опытам, я принял за правило, в благоприятное время сеять на десятину, первый сев по 7, второй по 8, а третий по 9 четвериков; но в сухое время высевал и по 10 четвериков. Когда бывает у меня новая земля, то я сею на семянные десятины первым севом по 6 четвериков. Много я читал суждений о глубоком и мелком посеве, и делал опыты, и наконец решительно положил за правило сеять глубоко под соху и всевозможно более боронить для того, что бы семена были вверху, внизу и середине, на таковые случаи: ежели лето дождливо, то всхожих семян будет более в верхнем слое и среднем; а нижние могут быть так забиты дождём, что лишатся сообщения с воздухом и сгниют; на против же того в засушливое лето семена верхнего слоя мало дадут росту, потому, что они от недостатка влажности портятся, а средние и в особенности нижние от сохранения в глубине влаги дают надлежащий рост. Конечно в сильную засуху что ни делай всё бесполезно. Удачно сеял я и под борону; но это делал уже по удостоверению в продолжительном ненастье.

Плодопеременную систему, соображаясь с местными обстоятельствами и збытом продуктов, я никак немог ввести в круг своего хозяйства, кроме того, что старался сколь возможно в яровых полях сеять хлеба других сортов против пред-идущего ярового посева; на пример где в предшествующее лето яровое было овёс, или полба, там сеял гречу и на оборот.

Во всё 34-х летнее моё хозяйство озимовых неурожаев у меня было только четыре и ещё два года был вред от червей, противу которых все средства мною читанные оказались неудобноисполнимы. Один год я избежал от повреждения червями только тем, что начал сеять с 20 Сентября, когда начали наступать холода. Урожай был удовлетворителен; но это моё счастье, потому что после кратковременных холодов, истребивших червей, осень продолжалась для растительности благоприятная и озими успели хорошо укор-

ниться. Удобрения искусственного мы здесь не делаем, кроме того, что стараемся паровое поле утолчить скотиною, да и удобрять нам поля разными туками нетолько полезно, но даже вредно, потому что и без этого удобрения у нас рожь, при малейшем благоприятном времени вырастает более 2 ½ ар. и случалось мне срывать так называемые здесь *князьки*, т. е. колосья самые высокие, которые находил до 3 ар. Из чего и видно, что от удобрения у нас рожь неустойит и будет сваливаться, и как говорится: перерод хуже не дороду, что и бывало неоднократно: – соломы много, а хлеба нет. Может быть мы и сами не замечаем, что нам помогает удобрение от пастьбы скотины и что земля наша имеет такую растительную силу, от которой между паровою пашнею, бороньбою и посевом столько успеваает вырастить сочной травы, которая нашими сохами переворачивается корнями вверх, и сгнивая делает удобрение.

Известно, что всякая страна и всякой грунт земли имеют свои потребности, на пример я ещё ни где не читал о таком удобрении, которое я заметил, и у меня осталось в памяти во время Финляндской кампании – там на кардах, куда на день выпускают скот, рубят мелкий ельник; на это настилают солому для дневного корму, от чего и накапливаются в зиму несколько слоёв такого удобрения. По наступлении оттепели вырубают этот компост квадратными слоями четвертей в пять, вывозят на пашню, подпирают эти квадраты палочками и ставят противу полудня и после разбивают их деревянными молотками, и раздробившие совершенно запахивают; полезно ли и удобно-ли это удобрение, я сказать не могу.

Ежели помянутые мною замечания удостоятся внимания Гг. агрономов, то я, может быть, решусь таковые изложить о яровом земледелии и по прочим хозяйственным предметам и изложить о нашей климатической деятельности, с представлением за 10 лет ведомости о времени посева и уборке разных продуктов, как собственных, так и выписных. –

Уфимского уезда помещик. Малосельский».

Библиографический список:

1. Абсалямов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф. Уфимские помещики: типы источников, виды документации. Уфа: ДизайнПресс, 2013. 204 с.
2. Оренбургские губернские ведомости. 1851. 15 сентября. Часть неофициальная.

Опубликовано: Роднов М.И. Проблема избыточности трудовых ресурсов в районах фермерского хозяйства России начала XX в. // Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв.: XXXV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений: Уфа, 20–23 сентября 2016 г.. М., 2016. С. 114 – 116.

М.И. Роднов

Проблема избыточности трудовых ресурсов в районах фермерского хозяйства России начала XX в.

При непрерывной колонизации южных и восточных регионов Российской империи происходило не просто поглощение избыточного аграрного населения центральных губерний. На новые территории переносилась общинно-экстенсивная модель хозяйствования и в достаточно сжатые исторические сроки на вчерашних окраинах ситуация повторялась. Окончательно завоёванные в последней трети XVIII в. пустынные земли Северного Причерноморья (Новороссия) с редким кочевым населением были быстро заселены и уже во второй половине XIX в. отсюда хлынул мощный миграционный отток крестьянства на восток, в Заволжье, на Южный Урал и в Сибирь. Понадобилось менее одного столетия, чтобы на совр. южной и восточной Украине заработал механизм аграрного перенаселения.

Оба варианта колонизации – крестьянская и помещичья приводили к одинаковым результатам. Экстенсивное, первоначально высокоурожайное / высокодоходное земледелие сопровождалось стремительным приростом населения, которое быстро поглощало природные ресурсы. Волна демоэкологического кризиса двигалась с запада на восток.

Однако, к началу XX в. в этих процессах появляется новый фактор. В условиях пореформенной России на юго-востоке (Самарская, Уфимская, Оренбургская, Ставропольская губернии, др.) складывается не просто многоземельное традиционное хозяйство общинного типа, а возникает быстро увеличивавшаяся прослойка предпринимательских (фермерских, кулацких) дворов, где общинные традиции были очень слабы или вообще отсутствовали, со стремительно нараставшей механизацией аграрного труда.

Между фермерскими хозяйствами и помещичьими (тоже рыночными) экономиями существовала принципиальная разница. При всех передовых достижениях в агросфере дворянские поместья не могли существовать без значительного окрестного традиционного крестьянства. Фермеры же (кулаки) создавали иной демографический ландшафт.

Высокий уровень механизации на Северном Кавказе, в Заволжье и на Южном Урале привёл к началу XX в. к созданию широкого рынка торговли и производства современной сельскохозяйственной техники. Можно утверждать, что в предпринимательских хозяйствах кулаков (от 20–30 дес. посева и выше) был достигнут почти 100% уровень механизации при посеве, жатве

(сенокосе), предпродажной подготовке зерна (очистка, молотба). Эти работы выполнялись трудом членов семьи фермера и небольшим количеством квалифицированных работников. Массовое использование наёмного труда в зерновом производстве сохранялось только на двух операциях – пахоте и при транспортировке (гужевых и погрузочных работах). Нехватка работников на последних операциях компенсировалась временными подёнщиками, нанимавшимися на краткие сроки и преимущественно не проживавшими здесь.

В отличие от рыночного помещичьего хозяйства фермерский уклад становился барьером на пути расползания аграрного перенаселения. Более того, скупая землю (у помещиков, казны, многоземельных общин) фермеры сами выдавливали традиционное общинное крестьянство. Особенно это ярко было видно в Уфимской и Самарской губерниях, где рядом с задыхавшимся малоземельным общинным крестьянством (северные уезды) лежали огромные просторы «свободной» земли, находившейся в частной собственности, где посреди пшеничных полей раскинулись преуспевавшие хутора и посёлки фермеров-кулаков.

Хотя после революции 1917 г. и «чёрного передела» сюда устремились массы малоземельной бедноты (на месте помещичьих усадеб и кулацких хуторов возникали посёлки новых жильцов, на подобие коммуналок в городских квартирах), последовавшее бегство сельчан из колхозного «рая» уравновесило процессы. И до сих пор, в начале XXI в. регионы, где ранее процветавшее фермерское хозяйство не допустило аграрного перенаселения, являются наиболее процветающими в сельскохозяйственном отношении (сходная ситуация в Московской и Ленинградской областях, где отток сельского населения в мегаполисы решил проблему аграрного перенаселения).

Опубликовано: Роднов М.И. Источники по истории уфимских библиотек // Библиотека в контексте российской социокультурной истории: краеведческий аспект: материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием) (Уфа, 24 – 25 марта 2016 г.) / сост. А.Р. Бикбулатова, отв. ред. А.М. Фатхутдинова. Уфа, 2016. С. 28 – 33.

М.И. Роднов

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ УФИМСКИХ БИБЛИОТЕК

Важнейшие процессы в модернизации традиционного общества и складывании современного индустриального социума – всеобщая грамотность, развитие книжной культуры, формирование сети библиотек – требуют особых исследовательских методов, особенно при изучении истории провинциальных библиотек. Сложившаяся в XIX в. ведомственная сеть библиотек (при школах, общественных и научных учреждениях, административных структурах, пр.) оставила очень небольшие и разбросанные архивные фонды.

Лишь с конца XIX в. в Уфе начинают регулярно издаваться справочники по городу, памятные книжки, адрес-календари, где в разной степени и не постоянно публиковались краткие сведения о наличии библиотек, их адресах, редко о составе коллекций. В историях учебных заведений сообщались сведения о библиотеках. Так, в Уфимской мужской гимназии к началу XX в. имелись три библиотеки: фундаментальная (4758 названий, 11 860 томов), ученическая (1251 и 2110) и пансионская (564 и 886) [8, с. 88–89; см. также: 1]. Информация о частных и общественных библиотеках встречается в мемуарной, художественно-публицистической литературе.

Несравненно большую ценность представляют сохранившиеся каталоги уфимских библиотек [2–5], сами коллекции которых раскрывают историю их формирования, показывают эволюцию интереса читающей публики, степень поступления книг и иных изданий из центра страны и заграницы. Анализ этих каталогов требует специального изыскания [11].

При изучении истории библиотечного дела необходимо учитывать последствия революционных потрясений XX в. Гибель или обнищание значительной части «высших» слоёв общества, наиболее грамотных и державших дома немалые собрания книг, привело к уничтожению этих частных библиотек в печках, либо они распродавались. Так, в 1930-е гг. в Уфе на улице Октябрьской революции жил человек (землемер), который скупал за бесценок (буквально несколько картофелин) у «бывших» или ссыльных ценности, в том числе редкие книги. Мне довелось видеть остатки этой коллекции у его сына.

С другой стороны, происходило намеренное уничтожение в советское время дореволюционной литературы, от непрерывных «чисток» библиотек от «неправильных» книг до выполнения планов по сдаче макулатуры. После 1917 г. основная часть целлюлозно-бумажной промышленности осталась в

Финляндии и дефицит сырья в СССР покрывался за счёт макулатуры. В Башкирии она отправлялась на переработку на фабрику в Красный Ключ.

Сотрудник нашего института В.П. Чемерис рассказывал, как в 1950-е гг., уже после смерти Сталина, их пригласили выбрать для себя книги из готовившейся к отправке на переработку партии «макулатуры». Разрешали взять что угодно, но с условием – унести только в руках. Несколько историков привели в огромный деревянный амбар / склад, где до потолка возвышалась гора книг. «Мы ходили по ним ногами», вспоминал Виктор Петрович. По его рассказу, там были старинные фолианты в дорогих переплётках, украшенных всевозможными шрифтами и тиснением, целые собрания сочинений...

Нельзя забывать и политические установки советской власти, когда историки – «бойцы идеологического фронта» – обязаны были разоблачать, очернять дореволюционную действительность, якобы, мрачную, тёмную и безграмотную. Изучение истории библиотек не приветствовалось, особенно в провинции.

Можно утверждать, что до 1917 г. в Уфе и Уфимской губернии в общественных библиотеках и частных собраниях находились миллионы томов книг и журналов. Ныне наиболее крупные коллекции дореволюционной литературы в Уфе (Национальная библиотека, Уфимский научный центр РАН, Национальный архив и, частично, Башгосуниверситет) представляют собой буквально считанные доли процента от бывшего книжного массива.

Поэтому изучение истории провинциальных библиотек и книжного дела вообще требует особого подхода. Необходим СПЛОШНОЙ просмотр больших массивов источников – архивных фондов, опубликованных материалов (земских и городских изданий), всех каталогов и в обязательном порядке всей местной прессы. Исследователь должен быть изначально сориентирован на поиск отрывочных, небольших, косвенных сведений о книжном деле и библиотеках, как археологу, ему по крупицам придётся восстанавливать реальную ситуацию. Пока в местной историографии ничего подобного не проводилось [для сравнения см.: 6].

При сборе материалов по истории библиотек нужно чётко классифицировать сами книжные собрания: в светских учебных заведениях (включая частные пансионы), в религиозных учебных заведениях, частные коллекции книг, ко второй половине XIX в. возникают библиотеки при общественных и административных структурах (земство, у которого в начале XX в. сложилась целая библиотечная сеть, клубы, пр.), с 1860-х гг. складывается библиотека при Уфимском губернском статистическом комитете – первая научная библиотека края. По каждому виду библиотек необходимо проводить поиск по своим группам источников. Например, в фондах и изданиях по учебным заведениям выявлять состояние образовательных библиотек, в мемуаристике и художественных произведениях искать следы частных книжных коллекций.

Жители Уфы могли выписать любую печатную продукцию, были в курсе всех новинок русской и мировой литературы. Так, в 1841 г. жители

края читали «О продолжении издания Отечественных записок» с подробным перечнем всех авторов за предыдущий год (Пушкин, Кольцов, Аксаков и др.) [7, 1841, 4 января]. Имелось немало служебной литературы. Уфимская почтовая контора в 1841 г. распродала оставшиеся дорожники (справочники о гужевых путях) 1801 и 1824 гг. с картами [7, 1841, 8 декабря].

Особое внимание надо уделять периодике. В современных библиотеках Уфы сохранились жалкие остатки местных журнально-газетных изданий, поэтому усилия по копированию и размещению в электронном виде подшивок XIX – начала XX вв. нельзя не приветствовать. Слабая сохранность уфимской прессы, что в общем типично для провинции, как раз показывает состояние библиотечной сети. Газета, в отличие от книги и даже журнала, требует особых условий хранения. Кто-то, библиотекарь или ответственное лицо, должен в течение всего года аккуратно собирать выписываемые газеты, следить за их сохранностью, при том, что прессу активно читали, наконец, в конце года подшивать внушительную стопку номеров (сначала это выполняла уфимская губернская типография за отдельную плату). С 1860-х гг. меняется вид местных «ведомостей». Если сначала они печатались в журнальном формате и были еженедельником (подшить 52 номера в общем не сложно), то, по мере увеличения формата и перехода к ежедневному выпуску (кроме праздничных дней), подшивка и хранение газет создавали дополнительные проблемы. Первые библиотеки в Уфе являли собой просто один или несколько шкафов с книгами, газетам же требовались более обширные помещения.

Наконец, именно уфимская пресса (с 1838 г.) содержит массу информации о библиотеках и книжной торговле. В условиях, когда газета изначально предназначалась для узкого круга образованной элиты, она естественно ориентировалась на культурные запросы этого слоя читателей. Мною проведён сплошной просмотр всей уфимской прессы с 1838 по 1917 гг., выпущен цикл работ [9, 10, др.]. Хотя судьбы библиотек не являлись целью при сборе информации, обнаруженные фрагменты содержат массу интересных фактов.

Так, редактор издававшихся в Уфе «Оренбургских губернских ведомостей» И.П. Сосфенов повествовал о ежегодной зимней ярмарке в Уфе, чьей особенностью в 1848 г. стало наличие «двух книжных лавочек – одной московской, а другой казанской, в которых, должно сознаться, было более литературного хлама, нежели дельных изданий. Всё что издавалось в столицах на вес пудами, и что московская книжная фабрикация выпустила из типографии Кирилова, то находилось в этих книжных лавочках. Хотя изредка и мелькали замечательные фолианты; но с известностью уже устарелою, покрытые без малого полстолетием». При этом «книгопродавцы нераскаивались, что были ныне на нашей ярмарке» [7, 1848, 20 марта], видимо, торговля шла успешно.

Обратим внимание, что дважды подчёркивалась новизна книжной торговли на уфимской ярмарке. Можно предположить, что до 1848 г. подобное было редкостью. И второе, в Уфе продавались старые издания, книги вышедшие за 50 лет, то есть рубежа XVIII–XIX вв. В каталогах уфимских библиотек встречается немало книг XVIII – начала XIX вв., но они могли посту-

пить в наш край и значительно позже [12].

В некрологе на смерть краеведа В.С. Юматова редактор И.П. Сосфенов отметил, что «чтение исторических книг, и в особенности касающихся до местного края, были любимым его занятием». Юматов изучил Полное собрание законов Российской империи [7, 1848, 24 июля]. Это свидетельство о существовании частной библиотеки, причём собираемой с конкретной целью – Юматов приобретал книги по местной истории. Добавим, что краевед проживал не в Уфе, а «в своей деревне» на берегу Дёмы. Пример книжной коллекции сельского помещика.

Можно утверждать, что уже к середине XIX в. в Уфе существовал спрос на книжно-журнальную продукцию, сложился достаточно обширный круг читателей. Предприимчивый первый редактор «ведомостей» И.П. Сосфенов открывает частную библиотеку в Уфе. И в начале 1849 г. он зазывает новинками: «В Библиотеку для чтения Сосфенова в Уфе поступили полные сочинения Русских авторов: Карамзина, Греча, Крылова, Фон-Визина, Лермонтова, Озерова, Ломоносова, Кантемира, Хемницера, Муравьёва, Державина, Марлинского, Княжнина, Богдановича, Давыдова, Одоевского, Пушкина».

Сверх того на 1849 год выписываются Отечественные записки, Москвитянин, Эконом, местные Губернские Ведомости и другие повременные издания.

Желающие пользоваться чтением вносят вперёд за год 15 руб. сер., за полгода 10 руб., за месяц 2 руб. Сверх того в обеспечение сохранности книг доставляют условленный залог» [7, 1849, 19 февраля]. В частной библиотеке Сосфенова книги выдавали на дом, но, возможно, существовал и читальный зал. Хозяин руководил мужским училищем (угол Пушкина и Цюрупы), где мог выделить какое-то помещение под читальню. А в декабре в ожидании весёлых святок отмечалось, что наскучило чтение книг, все ждут «зимних удовольствий» [7, 1849, 3 декабря]. В 1852 г. при описании Уфы редактор Сосфенов отметил как единственную только свою библиотеку: «Для любителей чтения есть небольшая и Библиотека для чтения у Кол. Ас. Сосфенова, в которую выписываются все лучшие русские журналы» [7, 1852, 22 ноября].

В Уфу поступали не только книги и журналы, но и нотные издания. Так, в 1853 г. «в доме Холкина, в близ торговой площади, открыт Магазин новейших нот для фортепьяно и разных инструментов, известных и знаменитейших композиторов, как русских, так и иностранных. Между прочим можно получать лучшие школьные ноты для упражнения и танцев, оперы для 2-х и 4-х рук, романсы на Русском, Французском, Италианском, Немецком, Богемском, Польском и Сербском языках, а равно и Французских книг» [7, 1853, 24 января].

С декабря 1852 и в 1853 гг. В.В. Завьялов начал публикацию в «ведомостях» обширных библиографических материалов, которые можно анализировать с точки зрения наличия в местных библиотеках (общественных и частных) указанной литературы. В «Оренбургских губернских ведомостях» в 1853–1854 г. В.В. Завьялов размещает огромный библиографический указав

тель «Об источниках и пособиях для изучения Оренбургского края и Средней Азии».

В некрологе академика П.П. Пекарского о своём отце П.Н. Пекарском отмечалась любовь покойного к чтению: «оставшаяся после него библиотека свидетельствует о его любознательности. Он ещё помнил восторг тогдашней молодёжи при чтении славного романа Гёте: Страдания молодого Вертера; восхищался одою к Фелице и знал наизусть многие строфы из Россияды Хераскова. Уже в преклонной старости его часто заставляли наклонённым над книгою: он читал описание отечественной войны Михайловского-Данилевского» [7, 1853, 7 ноября].

В конце 1850-х гг. печатавшийся под аббревиатурой «А.И.» автор повествует о дворянской библиотеке в Уфе [7, 1858, 6 декабря], уфимская библиотека для чтения ещё печатала объявления о подписке [7, 1859, 4 апреля], но в июле 1859 г. указывалось о закрытии частной библиотеки Сосфенова и распродаже книг и журналов [7, 1859, 4 июля], в Бирске была открыта публичная библиотека при уездном училище [7, 1859, 31 октября]. В письме к редактору П.Н. Чоглокову один из подписчиков, говоря о культурной жизни, наоборот, подчёркивал: «но да не думает читатель, что мы, жители губернского города, отказавшись совершенно от удовольствий, сидим запершись дома, и читаем, читаем до обморока многочисленные газеты и журналы» [7, 1861, 4 марта].

Затем узнаём, что частная библиотека Н.А. Заварицкого, открытая в 1860 г., перешла в начале 1861 г. к Иванову [7, 1862, 19 мая]. Библиотека для чтения Иванова действовала, в 1863 г. в Уфе у неё было свыше 120 подписчиков, выписывалось много газет и журналов [7, 1863, 8 июня].

К 1870-м гг. информация о библиотеках, книжной торговле в «Уфимских губернских ведомостях», на мой взгляд, сокращается. Чтение и книжная культура вообще теряют свою исключительность, переходят в разряд обыденности, сведения о библиотеках мелькают среди статистических или иных материалов. К этому времени в Уфе сложилась достаточно плотная и всё расширяющаяся сеть библиотек, торговля предлагала купить / выписать любые новинки литературного мира, а уфимские типографии выпускали массу изданий.

Подробные заметки о библиотеках становятся редкостью, типа «Бирская бесплатная библиотека-читальня» [14, 1897, 29 октября] или заметка в № 232 «Уфимских ведомостей» за 1903 г. о городской библиотеке. В 1898 г. вышла необычная статья Феодора Чуфрина о грамотности в Бирском уезде, где приводятся данные о наличии книг у сельского населения [14, 1898, 15 апреля]. В прессе начала XX в. книжно-библиотечная тема звучит мимоходом.

Внимание исследователей советую обратить на рекламную газету «Уфимский листок объявлений и извещений». Его выпускал купец Н.К. Блохин, владелец крупнейшей в городе частной типографии. Он же содержал частную библиотеку, которую постоянно рекламировал [15, 1877, 3 января, 2 мая, 6 июня], как и свою продукцию: «Карта Уфимской губернии, издание

Статистического Комитета продаётся в торговле Николая Блохина» [15, 1877, 21 февраля]. В его магазине даже скупались старинные книги, марки, афиши [15, 1886, 24 февраля].

На рубеже XIX–XX вв. издавалось такое интересное и редкое в наши дни межрегиональное издание «Самарская газета». Редактор-издатель С.И. Костерин, брат известного уфимского предпринимателя, позиционировал себя как выразителя интересов «Поволжья, Уфимского и Оренбургского края» [13, 1897, 23 августа]. Здесь чуть ли не ежедневно печатались заметки из Уфы и уездных городов. Например, рассказывалось о губернском музее в Уфе, при котором открыли библиотеку статистического комитета. Через 30 лет, сообщал уфимский корреспонденте Занозов, «вряд-ли кто из уфимской молодёжи знает о её существовании, хотя она существует, и покрытые пылью книги свидетельствуют о том, что когда-то кто-то трудился» [13, 1897, 25 сентября].

Таким образом, приведённые отрывочные сведения о публикациях в прессе по библиотечной тематике подтверждают необходимость сплошного просмотра подшивок газет, как и подобной обработки иных источников (опубликованных и архивных).

Литература:

1. Буравцов В.Н. Уфимские гимназии и средние специальные училища (очерки по истории учебных заведений Уфы первой половины XIX – первой четверти XX вв.). Уфа, 2013.
2. Каталог Уфимской Городской Общественной библиотеки. Уфа, 1904.
3. Каталог библиотеки Уфимского Общественного Собрания. Уфа, 1909.
4. Каталог книг центральной библиотеки при Уфимской Уездной Земской Управе для служащих уездного земства. Уфа, 1914.
5. Каталог наглядных учебных пособий уфимского подвижного музея. Уфа, 1910
6. Курмаев М.В., Машенцева Л.П. Самарская книга второй половины XIX – начала XX вв.: сводный каталог-репертуар. Самара, 2013.
7. Оренбургские губернские ведомости, часть официальная и неофициальная.
8. Поликарпов А. Краткий исторический очерк семидесятипятилетия Уфимской Мужской Гимназии (1828–1893). Уфа, 1904.
9. Роднов М.И. Судьба редактора. Историко-документальная повесть. Уфа, 2009.
10. Роднов М.И. У истоков уфимской прессы, вкуче с прогулками по старинной Уфе и просторам Башкирии. Уфа, 2009.
11. Роднов М.И. Греческая диаспора и греческая культура в Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Наследники «Греческого проекта» / составители и ответственные редакторы Е.А. Круглов-Мавридис, М.И. Роднов. Уфа, 2014.
12. Роднов Михаил. Уфимская литературная жизнь на рубеже XIX–XX столетий // Бельские просторы. 2015. № 8.
13. Самарская газета.
14. Уфимские губернские ведомости, часть неофициальная.
15. Уфимский листок объявлений и извещений.

18.

Опубликовано: Роднов М.И. Первичные материалы переписи 1916 года (Бирский уезд) // Археография Южного Урала: Актуальные проблемы архивного дела в современном мире: Материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. А.Б. Юнусовой. Уфа, 2016. С. 168 – 175.

М.И. Роднов

Первичные материалы переписи 1916 года (Бирский уезд)

Если материалы Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. введены в массовый оборот, тысячи исследователей изучают их в нашем архиве, то материалы переписи 1916 г. практически не известны широкому кругу историков и краеведов. А ведь она явилась своеобразной предтечей знаменитых последующих сельскохозяйственных переписей 1917, 1920 и 1926 гг.

Во время Первой мировой войны, когда с конца 1915 г. в стране стала ощущаться нехватка продовольствия, было решено произвести учёт имевшихся запасов хлеба, 25 марта 1916 г. Совет Министров распорядился провести по всей стране всероссийскую сельскохозяйственную перепись.

Разбитая на 509 участков, Уфимская губерния была полностью переписана с 15 мая по июль 1916 г. В ходе работы (2 июня) последовал указ организовать выборочную повторную перепись для выяснения степени достоверности данных, которой охватили 14 899 крестьянских хозяйств.

В Уфе статистики сразу провели подсчёт основной информации из подворных карточек по волостям, селениям и группам посева (сохранились в архиве). Наши ходатайствовали «о передаче разработки переписи ... всецело на места», однако получили отказ и карточки отправили в центр¹. Результаты своих подсчётов уфимские статистики издали небольшой брошюрой², затем в Петрограде вышли официальные итоги переписи 1916 г.³

«Передовики»-уфимцы просчитались. Если бы они задержали отправку карточек в Петроград, как случилось в Томске, у нас сохранился бы большой массив документации. В Питере же их постигла печальная судьба. «Негативные» последствия переписи 1916 г. сказались ещё в том, что, воспользовавшись общероссийским исследованием, в Уфе провели городскую перепись населения⁴. И когда в следующем году в стране объявили наряду с сельскохозяйственной и городскую перепись, в Уфе не стали её организовывать, так как имелись «свежие» данные о числе жителей. В результате сохранились ма-

¹ Отчёт о деятельности статистического отдела с 1-го ноября 1915 по 1-ое ноября 1916 г. Уфа, 1916. С. 1–2, 5–6, 8–13.

² Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 года. Предварительные итоги по уездам. Уфа, 1916.

³ Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г.: (По подсчётам, произведённым местными переписными учреждениями): Европейская Россия, поуездные, погубернские и порайонные итоги. Вып. I. Пг., 1916.

⁴ Материалы по учёту населения города Уфы 1916 года. Уфа, 1916.

териалы городской переписи 1917 г. по Златоусту, Бирску, Стерлитамаку и Белебею, а по Уфе – нет.

И всё же в Национальном архиве РБ имеется немало документации переписи 1916 г. – поволостные и поуездные подсчёты, различные сводки¹, однако сплошной коллекции подворных карточек не существует.

В результате материалы переписи 1916 г. до сих пор крайне слабо используются в научных и краеведческих изысканиях. Я тоже привлекал лишь итоговые данные переписи 1916 г. по зерновому производству², а также лучше сохранившуюся информацию (в том числе первичную) о помещичьих хозяйствах³.

Это касается и общероссийской ситуации. Хотя уже современники анализировали проведение и результаты переписи 1916 г.⁴, издано несколько погубернских сборников материалов⁵, в дальнейшем о ней лишь вкратце упоминалось историками и экономистами в обобщающих работах по истории российской статистики⁶. Использовались итоговые данные переписи 1916 г. для исчисления численности населения страны⁷.

Только по коллекции, сохранившейся в архиве Томска, проводились конкретные исследования⁸, защищены две диссертации⁹. В Европейской

¹ См., напр.: НА РБ. Ф. И-148. Оп. 1. Д. 173–176; Ф. И-132. Оп. 1. Д. 1196 и др.

² См.: Роднов М.И., Дегтярёв А.Н. Хлебный рынок Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века. Уфа, 2008.

³ См.: Абсалямов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф. Уфимские помещики: типы источников, виды документации. Уфа, 2013.

⁴ Волков Е.З. Аграрно-экономическая статистика России. М., 1922; др.

⁵ Материалы Всероссийских переписей 1916, 1917 и 1920 гг. по Калмыцкой степи (поволостные итоги). I. Астрахань, 1922; Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1916, 1917 и 1920 гг. по территории Адыгейской автономной области. Краснодар, 1927; Всероссийские сельскохозяйственные переписи 1916, 1917 и 1922 гг., выборочное обследование 1921 г., выборочно-гнездовая перепись 1922 г. [Кубано-Черноморская область]. Краснодар, 1923; Итоги (поволостные и уездные) сельскохозяйственных переписей Ставропольской губернии, 1916–1922 гг. Ставрополь, 1923; Поотдельские итоги сельскохозяйственных переписей за 1916, 1917, 1920, 1921, 1922 и 1923 гг. [Кубано-Черноморская область]. Краснодар, 1924; Поуездные итоги сельскохозяйственных переписей 1916, 1917 и 1919 гг. в абсолютных и относительных числах [Олонецкая губерния]. Петрозаводск, 1920; см. также: Критическая оценка материалов Всероссийской с.-х. переписи и системы её разработки. Самарская губерния. Самара, 1916.

⁶ Бовыкин В.И., Воронков С.В., Дробижев З.В. Массовые источники по социально-экономической истории России периода империализма. М., 1979; см. также работы И.Д. Ковальченко и др.

⁷ Гапоненко Л.С., Кабузан В.М. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916–1917 гг. как источник определения численности населения России накануне Октябрьской революции // История СССР. 1961. № 6.

⁸ Бауфал А.М., Горюшкин Л.М., Золототрубов В.С., Островский И.В., Рябоконеv А.М. Материалы переписи 1916 года по Томской губернии. (Из опыта обработки на ЭВМ). Новосибирск, 1969.

⁹ Островский И.В. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. по Западной Сибири. Диссертация ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1973; Никулин П.Ф. Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 года как источник для изучения крестьян-

России единичные авторы затрагивают перепись 1916 г.¹

При этом, перепись 1916 г. – единственная из дореволюционных переписей, подробно освещавшаяся в уфимской прессе. Например, либеральный «Уфимский вестник» с июня 1916 г. регулярно помещал сведения о ходе обследования, что статистики возвращаются из уездов², что перепись почти закончена³. А в декабре отдел всероссийской сельскохозяйственной переписи обратился в уфимский биржевой комитета с просьбой «о доставлении подробных ежемесячных данных о количестве торговых запасов хлеба в районе комитета»⁴.

Консервативный «Уфимский край» не отставал, весь год публикуя разнообразные материалы о проведении переписи (№ 32, 108, 122, 134, 137, 141, 147, 158, 169, 170, 180). И третье местное издание – «Уфимская жизнь» самым подробным образом освещало перепись 1916 г.⁵ В обстановке военной цензуры государственная перепись была одним из немногих легальных «информационных поводов», которые можно было показывать журналистам. А нараставшие проблемы с продовольствием, запасы которого должна была установить перепись 1916 г., также усиливали интерес прессы.

Ни одна другая перепись в Уфимской губернии не имеет подобной и подробной информационной базы, что позволяет историкам максимально точно показать ход её проведения.

Но наибольший интерес вызывают подворные карточки переписи 1916 г., составлявшиеся на каждую крестьянскую семью / домохозяйство. Из доставленного со всей страны в Петроград огромного массива карточек сохранилась малая часть, например, по Самарской и Оренбургской губерниям⁶. Такая же случайная коллекция подворных карточек уцелела после всех исторических потрясений в РГИА и по Уфимской губернии (только Бирский уезд).

В архиве сохранились карточки по четырём волостям Бирского уезда: Байгузинской, Касёвской, Киебаковской и Кутеремской⁷. Они микрофильмированы, что создаёт проблемы при чтении из-за неразборчивых карандашных записей самих переписчиков и плохого качества фотосъёмки, особенно по Касёвской волости (самое лучшее качество по Киебаковской волости).

Эти материалы в 1974 г. смотрел известный историк из Башкирии Б.С. Давлетбаев и ещё двое пользователей в 1973–1975 гг. Мною просмотрена це-

ского хозяйства Западной Сибири. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 1989.

¹ Лёвин С.В. Проведение земских статистических работ в Среднем и Нижнем Поволжье в годы Первой мировой войны // Татарский народ и народы Поволжья в годы Первой мировой войны / под общ. ред. Л.Р. Габдрафиковой. Казань, 2014; Он же. Земская статистика в 1914-1918 гг. // Первая мировая война в истории России / отв. ред. Е. И. Демидова. Саратов, 2015.

² Уфимский вестник. 1916. 25 июня.

³ Там же. 6 июля. См. также № 121, 153 и 159 (Уфа), 202 и др.

⁴ Там же. 9 декабря.

⁵ Уфимская жизнь. 1916. 15, 23, 26, 30 апреля, 1, 6, 14, 27 мая, 2, 4, 9, 14, 18, 22, 23, 25, 26 июня, 6, 10, 13, 15, 20, 26, 27 июля, 2, 5, 23 августа, 1 сентября, др.

⁶ РГИА. Ф. 433. Оп. 3. Д. 74, 102.

⁷ Там же. Д. 140–143.

ликом Байгузинская волость и частично Касёвская, но из-за крайне плохого качества микрофильмов я был вынужден прекратить изучение последней.

Низкое качество фотосъёмки полувековой давности дополняется хаотическим расположением самих подворных карточек. Этот беспорядок свидетельствует, что в архиве после войн и революций уцелела небольшая часть подворных карточек переписи 1916 г. по Уфимской губернии. При распределении карточек по волостям, сотрудники ленинградского архива, не знакомые с административным делением нашей губернии, допустили ряд ошибок. Поэтому заголовок дела не точно соответствует содержанию.

Так, среди подворных карточек по Байгузинской волости находится одна карточка на жителя дер. Н.-Троицк Черлауловской волости Василия Григорьевича Марасова¹. В 13-й катушке лежит подборка карточек по Кутеремской волости (Кояново – 1 карточка, Кушня – 2, Шушмондур – 1, Кутерем – 2, Норкино – 2, Н. Тыхтем – 3, Козиелань – 1, Козлялово – 3, Кокуш – 1, Чилибеево – 1, В. Качмаш – 1)², в 15-й катушке ещё несколько (по одной карточке: Шушнур, Шушмондур, Н. Тыхтем, Колегино, В.-Качмаш, Норкино)³. Возможно, и в остальных делах имеются карточки на другие волости.

В каждой катушке микрофильма содержится примерно 50 карточек, но они расположены самым хаотическим образом, вперемежку. Даже несколько карточек одной деревни подряд встречается редко. Так, во 2-й катушке лежат карточки на деревни Юссуково – 2 штуки, Кумово – 2, Нократово – 2, Можга – 1, Куюково – 5, Карманово – 6, Кызыльярово – 1, Истяково – 1, Ахтияловское – 2, Старая Арья – 2, Бадряш – 1, Байгузино – 3, Ведресова – 1, Гуйдъбурово – 2, Янаул – 2, Иванаево – 1, Новая Арья – 4, Уракаева – 4, Урдякова – 1, Ангузиаратово – 1, Янбарисово – 4, Айбуляк – 4, Старо-Орьенбашева – 1 и Новый Орьебаш – 1⁴. Все карточки пронумерованы.

Подобный хаос позволяет предположить, что это остатки какой-то россыпи карточек, собранной и примерно рассортированной по волостям, но не по деревням.

Первое что бросилось в глаза при изучении подворных карточек переписи 1916 г. (я и раньше смотрел их по другим губерниям), это плохое качество записи, грубые ошибки в названиях деревень, мусульманских фамилий и имён, плохие почерки (есть и чёткие записи, Ст. Арья).

И, самое главное, несравненно более низкая информативность подворных карточек переписи 1916 г. по сравнению с последующими обследованиями, в первую очередь в 1917 г.

На карточках переписи 1916 г. вообще нет сословия, национальности, количества земли, инвентаря, нет состава семьи (сын, дочь и пр.), указано только общее число членов, нет торгово-промышленной деятельности.

Формуляр подворной карточки переписи 1916 г., сохранившейся в

¹ Там же. Д. 140. Л. 354 (7-я катушка).

² См.: Там же. Л. 647–699.

³ См.: Там же. Л. 754–807.

⁴ Там же. Л. 55–108.

РГИА, это Форма № 1: карточка для сплошной переписи хозяйств крестьянского типа, представляющая собой вытянутый, узкий бланк, отпечатанный типографским способом.

Далее указаны губерния (Уфимская), уезд (Бирский), волость (Байгузинская), сельское общество (Старо-Орьенбашевск., например) и селение (Старо-Орьенбашево). Все домохозяева разделены на три категории: приписной, посторонний и беженец. Имя, фамилия и отчество указывались только у домохозяина (Почий Игнатъев). Население двора показано отдельно по мужчинам (всего, в том числе своих и наёмных работников, из них беженцев, военнопленных) и женщинам (всего, в том числе своих и наёмных работниц, из них беженок). Затем приводится «всего лиц обоего пола».

На лицевой стороне карточки также указано поголовье скота (с возрастом), количество посева в 1916 г. и пашни в пользовании. На оборотной стороне карточки приводятся сведения о посеве хлебов на своей, арендованной, арендованной надельной, своей купчей земле. Затем итога посева на всех землях с разбивкой по культурам, включая травы. Указаны меры измерения: десятины, мер высева, пудов высева. На подворных карточках встречаются цифры, которые оставили статистики при обработке их.

Карточка переписи 1916 г. была единой для всей страны, в отличие от карточек переписи 1917 г., где местные статистики имели право вносить изменения. Поэтому в посевах есть графы: свекловица сахарная, хлопок, рис.

Выбранный мной образец хорошей записи. Село Касёво Касёвской волости (совр. город Нефтекамск), подворная карточка № 72, Ушаков Сергей Тимофеевич, мужчин – 3 (работников – 2), женщин – 4 (работниц – 1), всего – 7 чел. Скота: 2 лошади, 3 коровы, бычок, 2 телят, 13 овец, 10 свиней. На обороте посев: 3 дес. озимой ржи, 0,33 дес. яровой пшеницы, 2 дес. овса, 0,08 дес. проса, 1,33 дес. гречихи и 0,66 дес. гороха все на своей надельной земле. На своих купчих землях Ушаков посеял 1 дес. полбы и 0,08 дес. конопли. В графе на всех землях указано ещё 0,5 дес. картофеля, затем было приписано (видимо статистиками), что высеяно 30 пудов¹.

Таким образом, изучение коллекции подворных карточек переписи 1916 г. показывает, что они мало пригодны для генеалогических изысканий (учитывая возможные ошибки в записях имён и фамилий мусульман).

Изучение отдельных селений зависит от степени сохранности подворных карточек. Для этого выберем в качестве примера два самых больших села Байгузинской волости (совр. Янаульский, Калтасинский, Краснокамский районы РБ): волостной центр Байгузино и Карманово.

По переписи 1917 г. в Байгузино проживали тептяри (363 двора и 1940 чел.) и один русский, в Карманово – башкиры (433 дворов и 2105 чел.), а также одна семья русских (4 чел.)². По переписи 1920 г. в Байгузино жили тептяри (382 двора, 1916 чел.) и три семьи русских (15 чел.), в Карманово –

¹ Там же. Д. 141. Л. 244.

² Роднов М.И. Крестьяне Бирского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 1997. С. 29–30.

одни башкиры (454 двора, 2288 чел.)¹. Но так как во время переписи 1916 г. этнический состав не фиксировался, приводим данные только по числу дворов (подворных карточек) и количеству всех жителей обоого пола.

Итого, в РГИА сохранилось по Байгузино 76 подворных карточек переписи 1916 г. с населением 344 чел., по Карманово – 87 карточек и 423 чел.²

Если сравнить с полными данными следующей переписи 1917 г., окажется, что по Байгузино сохранились 21% карточек и 18% населения, по Карманово – 20% карточек и жителей.

Таким образом, в РГИА в Санкт-Петербурге хранится случайно уцелевшая небольшая подборка подворных карточек переписи 1916 г., которую архивисты сумели спасти и микрофильмировать. Информативные возможности этой случайной выборки весьма ограничены, видимо, поэтому Б.С. Давлетбаев в своих трудах их так и не использовал.

Возможный ответ на вопрос о низком качестве карточек переписи 1916 г. находим на лицевой стороне. В центре напечатан герб России (орёл двуглавый) и указана структура, проводившая саму перепись: Особое совещание для обсуждения объединения мероприятий по продовольственному делу, Всероссийская сельскохозяйственная перепись.

Современные историки спорят по вопросу о степени участия местных земских статистических служб в проведении переписи 1916 г. В отличие от следующей переписи 1917 г., в 1916 г. обследование проводилось структурами Министерства земледелия и с фискальными целями, что вызвало массовые случаи сокрытия данных респондентами. Не случайно, уже в ходе проведения переписи, организаторы проводят выборочную повторную перепись (была и в Уфимской губернии, см. выше), чтобы убедиться в достоверности информации.

В условиях противоборства государственных и земских структур власти решили сами взяться за проведение переписи, лишь в какой-то степени используя аппарат губернской земской статистики, у которой (как в Уфимской губернии³) имелся огромный практический опыт в организации подобных исследований крестьянского хозяйства. Негативный казённый опыт при широкомасштабных статистических работах был учтён в 1917 г., когда проведение следующих переписей целиком и полностью было возложено на местное самоуправление и региональные статистические службы.

¹ Роднов М.И. Население Уфимской губернии по переписи 1920 года: этнический состав (Бирский, Златоустовский и другие уезды). М., 2014. С. 35.

² Подсчитано по: РГИА. Ф. 433. Оп. 3. Д. 140.

³ См.: Роднов М.И. Земство Уфимской губернии и аграрная статистика // Российская история. 2012. № 5.

Опубликовано: Роднов М.И. Загадки Челябинской летописи // Гороховские чтения: материалы седьмой региональной музейной конференции / науч. ред. Н.А. Антипин. Челябинск, 2016. С. 12 – 13.

М.И. Роднов

Загадки челябинской летописи

В литературе нет даже упоминаний о существовании летописей на Южном Урале. Исследователи, подробно изучавшие основной документальный фонд по истории края XVII – начала XVIII вв. (Уфимская приказная изба), Р.Г. Игнатъев и Б.А. Азнабаев не указывают на наличие летописания. А пожар в Уфе в марте 1806 г., во время которого сгорели семинария и консистория, похоронил «вместе с уничтоженным архивом древнейшую историю нашей епархии», отмечал краевед Н. Чернавский.

Но он же в сноске приводил свидетельство «Уфимского летописца» об открытии в Уфе семинарии в 1800 г., ссылаясь на публикацию в издававшихся в Уфе «Оренбургских губернских ведомостях» за 1852 г.¹ Материалы «Уфимского летописца» напечатал редактор «ведомостей» И.П. Сосфенов, они ходили в списках по рукам². Имеются свидетельства и о других исторических рукописях, явно восходивших к концу XVIII в.³

Перед нами, так называемые, постлетописные сочинения, один из основных видов провинциальной историографии (краеведения), пришедшего в XVIII в. на смену церковным летописям и во многом унаследовавший старые форму и характер изложения⁴. Постепенно происходил «окончательный переход от летописного к историческому повествованию»⁵.

Эти постлетописные сочинения возникали в кружках «образованных грамотных единомышленников», провинциальных гнёздах, которые к концу

¹ Чернавский Николай. Оренбургская епархия в прошлом её и настоящем. Вып. 1 // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. Вып. VII. Оренбург, 1900. С. 198, 331.

² См.: И.П. Сосфенов: начало уфимской литературы / сост. М.И. Роднов. Уфа, 2012; ГИМ ОПИ (Государственный исторический музей, отдел письменных источников). Ф. 450. Д. 708.

³ Роднов М.И. Первое описание осады Уфы и предания о ростовском купце И.И. Дюкове // Река. времени. 2013: уникальные свидетельства прошлого / Отв. ред. Ю.М. Абсалямов, Р.Н. Рахимов, М.И. Роднов. Уфа, 2013.

⁴ Анализ постлетописных сочинений должен производиться по отработанным методикам, принятым исследователями русского летописания. См., напр.: Дергачёва-Скоп Е.И. Генеалогия сибирского летописания. Концепция. Материалы. Новосибирск, 2000; Вовина-Лебедева В.Г. Школы исследования русских летописей XIX–XX вв. СПб., 2011; др.

⁵ Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII в. Диссертация ... докт. ист. наук. Ярославль, 1993. С. 81. См. также: Она же. Историография русской провинции второй половины XVIII века (К постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 1; Бердинских В.А. Уездные историки. Русская провинциальная историография. М., 2003. Глава 4. Исторические работы провинциальных историков: типология и эволюция.

XVIII в. «становятся устойчивыми, их представители обмениваются книгами, [...] обсуждают свои литературные опыты»¹. И неотъемлемыми участниками первых литературно-краеведческих кружков были выходцы из духовенства, преподаватели местных училищ, др.

Можно уверенно утверждать, что в конце XVIII в. в административном (гражданском) центре края – Уфе – уже сложился подобный социум. Краеведы середины и второй половины XIX в. нашли целый ряд исторических сочинений, абсолютно точно датируемых концом предыдущего столетия. И, что удивительно, есть свидетельства о бытовании какой-то «летописи» в Челябинске.

Первым упомянул о ней известный краевед Руф Гаврилович Игнатьев. В конце 1866 г. он публикует документ «Празднование в г. Уфе Высокоторжественного дня нового 1787 года и благополучного окончания вторых дворянских выборов», явно написанных современником, лично слушавшим речь Уфимского наместника генерал-поручика О.А. Игельстрема первого января 1787 г.

А в сноске редактор уфимских «ведомостей» Н.А. Гурвич добавил, что «известие о праздновании в Уфе нового 1787 года вероятно было где либо напечатано, заимствуется же здесь из рукописного сборника, хранящегося в г. Челябине, при Рождественском соборе»².

Через несколько лет этот же сборник использовал краевед И.И. Меньшов, проживавший в горных заводах (Златоусте). Зная о публикации Р.Г. Игнатьева, он кратко пересказал текст из рукописного сборника Челябинского Рождественского собора под заглавием «празднование нового 1786 года в г. Уфе», хотя в документе речь идёт о 1787 г. Меньшов также употребляет термин «Челябинский сборник»³.

Необходимо заметить, что всякая летопись является сборником. «Честь определения сохранившихся русских летописей как сборников (или сводов) принадлежит П.М. Строеву (1820)»⁴. Из статей Игнатьева и Меньшова очевидно, что в «Челябинский сборник» входили другие тексты, также рукописные, к сожалению, не вызвавшие интереса у обоих краеведов. Гипотетически можно допустить, что материалы были собраны (переписаны) в какой-то последовательности.

Наличие при Христорождественском соборе Челябинска рукописи конца XVIII в. не случайно. Именно здесь существовало в 1793 г. первое

¹ Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII в. С. 246.

² Уфимские губернские ведомости. 1866. 31 декабря. Часть неофициальная.

³ [Меньшов И.И.] Празднование нового года в Уфе в XVII и XVIII веке // Река времени. 2011 / Отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2011. С. 121–124. Автор также использовал материалы рукописи из архива Успенской церкви в Кунгуре. Меньшов обследовал ряд церковных архивохранилищ Урала.

⁴ Алешковский М.Х. «Повесть временных лет». Из истории создания и редакционной переработки / Отв. ред. Ф.Б. Успенский. Предисловие Т.В. Гимона и С.М. Михеева. М., 2015. С. 22.

учебное заведение, низшая школа, единственная на Южном Урале. Н. Чернавский добавлял, что присутствие Челябинского духовного правления помещалось сначала в деревянном доме близ Христорожественского собора, купленном в 1787 г., а в 1804 г. перешло в каменную «палатку» при колокольне, где ранее было Русское духовное училище. На 1839 г. там размещался «архив»¹.

По всей видимости, один из служивших в Уфе чиновников или приехавший в конце 1786 г. из Челябины дворянин² записал церемонию встречи нового года в центре наместничества. Текст рукописи заканчивается: «В тот же день в 2 ½ часа по полудни был обед в доме Его Высокопревосходительства Господина Наместника для высших чинов и дворянства обоего пола, а вечером того же дня большой банкет был дан от дворянства в доме Г. Секунд-Майора Пекарского; сей банкет почтили своим присутствием Его Высокопревосходительство Господин Наместник, все высшие чины и дворянство»³.

В Челябинской округе тогда «благородных особ состояло» всего восемь, поэтому уездный предводитель дворянства избирался одновременно для Уфимского, Стерлитамакского, Челябинского и Троицкого округов. На второе трёхлетие (с момента введения выборных должностей) в мае 1785 г. уездным предводителем дворянства был избран капитан Назар Сергеевич Суворов, а в январе 1788 г. на следующий трёхлетний срок – капитан Савва Семёнович Кублицкий⁴. Но уездные предводители в основном жили в Уфе.

В самой же Челябине на 1788 г. служили дворяне (скорее всего): городничий секунд-майор Иван Егорович Фоншвекгофер, в нижнем земском суде: секретарь Андрей Мисайлов, заседатель прапорщик Никита Лопатин, секретари нижней расправы Василий Черемисинов и Пётр Карпов⁵. Возможно, кто-то из этих челябинских жителей и записал уфимскую церемонию.

При духовном училище Челябины на рубеже XVIII–XIX вв., возможно, существовал какой-то кружок любителей старины, «культурное гнездо», от которого сохранился рукописный «Челябинский сборник», наверняка, была и иная литература. Может челябинские историки разыщут их следы?

Подобные постлетописные сочинения выходили по всей России⁶. Так, иркутские краеведы П.И. Пежемский и В.А. Кротков составили несколько

¹ Чернавский Николай. Оренбургская епархия в прошлом её и настоящем. Вып. 2 // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. Вып. X. Оренбург, 1901–1902. С. 70–71, 93, 98–99.

² См.: Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1787. СПб., б. г. С. 323 и др. (Челяба – стр. 327).

³ Уфимские губернские ведомости. 1866. 31 декабря. Часть неофициальная.

⁴ Новиков В.А. Сборник материалов для истории уфимского дворянства. Уфа, 1879. С. 87–89.

⁵ Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1788. СПб., б. г. С. 308.

⁶ См., напр.: Угличский летописец (90-е гг. XVIII в.) // Ярославские епархиальные ведомости. 1867. № 13, 15–21; Тамбовский летописец // Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. М., 1885. Вып. 3 (сведения А.А. Севастьяновой).

летописных сводов по истории Сибири с середины XVII в.¹ Сильные традиции летописания бытовали в соседних Казани и Вятке². Южный Урал не являлся исключением, существование «Уфимского летописца» и «Челябинского сборника» свидетельствует о складывании гуманитарного социума уже в конце XVIII в. О нём пока почти ничего не известно, у первых южноуральских краеведов не было «площадки» (газет, других печатных изданий), где они могли бы поместить собранный материал. Но расцвет краеведения с середины XIX в. происходил не на пустом месте. Рукописные труды предшественников явились фундаментом зарождавшейся южноуральской историографии.

¹ Иркутская летопись (Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кроткова). С предисловием, добавлениями и примечаниями И.И. Серебренникова. Иркутск, 1911.

² См., напр.: Мусихин А.Л. «Вятский временник» – памятник провинциального летописания конца XVII в.: история изучения // Вятская земля в пространстве исторической памяти: (к 110-летию открытия Вятской учёной архивной комиссии) / науч. ред. М.С. Судовиков. Киров, 2014; Марков А.А. К вопросу о вятском летописании (по поводу последних публикаций о вятском летописце старых лет) // Там же.

Опубликовано: Роднов М.И. Руф Игнатъев: историк на государственной службе // Государственное управление и местное самоуправление на Южном Урале (XVII – начало XX вв.): персонально-биографический аспект. Уфа, 2013. С. 158 – 163.

Роднов М.И.

Руф Игнатъев: историк на государственной службе

В судьбе любого учёного важнейшее значение имеет его профессиональный (должностной) статус, обеспечивавший материальное положение и возможность заниматься активными научными изысканиями. Много талантливых исследователей было вынуждено ограничиться эпизодическими краеведческими статьями из-за необходимости зарабатывать на хлеб насущный, выкраивая свободное время для занятия любимой историей.

Изначально в таком же положении оказался и Руф Гаврилович Игнатъев (1818 – 1886). Отбыв уголовное наказание в виде рекрутской службы в частях Оренбургского отдельного корпуса в 1858 г., он оказался перед сложным выбором – что дальше? Опытному историку-краеведу, автору десятков объёмных статей и двух книжек, фактическому редактору неофициальной части «Новгородских губернских ведомостей» [см.: 1], Игнатъеву после демобилизации некуда было возвращаться. Ни в Москве, его родине, ни в Новгороде у него не осталось ни семьи, ни имущества, единственный скромный доход приносило небольшое поместье в Вятской губернии, которым он владел на половину с племянниками. Тем более, что «клеймо» судимости закрывало ему дорогу назад в науку и журналистику.

А на Южном Урале, в Оренбургской губернии ситуация выглядела совершенно иной. Здесь была постоянная острейшая нехватка образованных людей, а на судимость в крае, куда непрерывным потоком несколько столетий направлялись ссыльные, вообще никто не обращал внимания. И без проблем можно было подыскать хорошо оплачиваемую должность. Игнатъев поступает на службу в золотодобывающую компанию генерала Жемчужникова. Зимой он, скорее всего, проживал в Верхнеуральске, а летом, во время «золотого промысла» – в дер. Тунгатарово, где находился основной прииск (совр. Учалинский район РБ).

Здесь Игнатъев начинает активное изучение местной истории, собирает фольклорный материал, знакомится с архивными источниками. Но примерно летом 1865 г. его приглашают в Уфу «для занятий по здешней губернии при постоянном пособии со стороны» Уфимского губернского статистического комитета. Получая небольшое жалование, Игнатъев разворачивает необычайную активность, становится основным автором на историческую тематику в «Уфимских губернских ведомостях», редактором неофициальной части которых был Н.А. Гурвич. До отъезда в Минск в 1877 г. Игнатъев выпускает сотни историко-краеведческих статей.

К началу 1880 г. Р.Г. Игнатъев возвращается на Южный Урал, но уже в

Оренбург, где генерал-губернатор Н.А. Крыжановский решает подготовить историю Оренбургского края и Руф Гаврилович начинает готовить исторический раздел. После отставки Крыжановского в 1881 г. новый Оренбургский губернатор М.И. Астафьев приглашает Игнатьева возглавить неофициальную часть «Оренбургских губернских ведомостей», до 1885 г. он сотрудничает с местным статистическим комитетом. И даже в 1885 г., когда уже больной престарелый историк возвращается в Уфу, Игнатьев берётся за работу в библиотеке статистического комитета [см.: 10].

Таким образом, весь период творчества Р.Г. Игнатьева на Южном Урале (в Уфе и Оренбурге) сопровождался службой в различных государственных структурах, что делало положение краеведа достаточно стабильным в материальном положении и стало одной из важных предпосылок для успешного изучения истории и археологии края.

Подробные сведения о биографии Р.Г. Игнатьева можно найти в подготовленном мною собрании сочинений, размещённом на сайте «Роднов и его друзья» [см.: 2 – 9], куда вошли почти все известные на данный момент работы Игнатьева, опубликованные в периодике, различных сборниках и отдельными изданиями. Уже современники пытались составить полную библиографию, подсчитать количество статей Игнатьева. Он публиковался в периодических изданиях: Уфы – «Оренбургские губернские ведомости» (до 1865 г.), «Уфимские губернские ведомости», «Уфимские епархиальные ведомости»; Санкт-Петербурга – «Русский дневник», «Иллюстрация», «Голос», «Северная почта», «Санкт-Петербургские ведомости», «Свет», «Русский мир», «Образование и промышленность. По поводу 200-ть летнего юбилея Петра Великого»; Москвы – «Московские ведомости», «Русский архив», «День»; Оренбурга – «Оренбургские губернские ведомости» (с 1867 г.), «Оренбургские епархиальные ведомости», «Оренбургский листок»; Казани – «Справочный листок города Казани»; Тобольска – «Тобольские губернские ведомости»; Вологды – «Вологодские губернские ведомости»; Перми – «Пермские губернские ведомости»; Уральска – «Уральские войсковые ведомости»; Вятки – «Вятские губернские ведомости», «Вятские епархиальные ведомости», не считая статей выходявших в Новгороде, Минске, Вильно.

Р.Г. Игнатьев был непременным участником практически всех издававшихся тогда сборников, где помещались исторические материалы, он активно сотрудничал с Московским археологическим обществом. Его работы опубликованы в сборниках (включая посмертные издания, а также работу Жуковского, в подготовке которой участвовал Игнатьев):

1) Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Уфа, б. г.; 2) Древности. Труды Московского Археологического Общества. Т. I. Вып. I. М., 1865; Древности. Труды Московского Археологического общества / под ред. К. Гёрца. Т. II, вып. I–III. М., 1870; Древности. Труды Московского Археологического общества / под ред. К. Гёрца. Т. 3, вып. 1–3. М., 1870; Древности. Труды Московского археологического общества / под ред. В.Е. Румянцова. Т. IV. М., 1874; Древности. Труды московского археологического общества / под ред. В.Е. Румянцова. Т. 11, вып. II. М., 1886; 3) Сборник статистических,

исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям, собранных и разработанных в течении 1866 и 67 гг. / под ред. Н.А. Гурвича. Уфа, 1868; 4) Справочная книжка Оренбургской губернии 1870 год. Оренбург, 1870; 5) Труды первого археологического съезда в Москве. 1869. I / под ред. гр. А.С. Уварова. М., 1871; 6) Памятная книжка Уфимской губернии с статистическою картой губернии / под ред. Н.А. Гурвича. Часть I-я. Уфа, 1873; Памятная книжка Уфимской губернии с статистическою картой губернии / под ред. Н.А. Гурвича. Ч. II. Уфа, 1873; 7) Записки Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Вып. 3. Оренбург, 1875; Записки Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Вып. IV. Оренбург, 1881; 8) Уфимский календарь на 1876 год / под ред. В.А. Новикова и Н.А. Гурвича. Вып. 3. Уфа, б. г.; 9) Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год / Сост. В.А. Новиковым и Н.А. Гурвичем. Уфа, б. г.; 10) Краткое географическое и статистическое описание Оренбургской губернии. Составлено в 1832 году И. Жуковским. Издание 2-е. Уфа, 1880; 11) Справочная книжка Уфимской губернии. Сведения числовые и описательные. Относятся к 1882–83 гг. и только весьма немногие – к прежним годам / сост. Н.А. Гурвич. Уфа, 1883; 12) Архив бывшего Оренбургского генерал-губернаторского управления. Вып. 1. Оренбург, 1889; 13) Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. XI, вып. 2. Казань, 1893.

Наконец, несмотря на сложности с изданием тогда книг, у Р.Г. Игнатъева вышло пять отдельных работ, включая одну посмертную: 1) Игнатъев Руф. Ответ господину Н. Б. о писателе Рычкове. [Казань, 1867]. С. 1–8; 2) [Игнатъев Р.Г.] Суд над бригадиром Аксаковым. Уфа, 1875. С. 1–62; 3) [Игнатъев Р.Г.] Епископ Михаил бывший Оренбургский и Уфимский. По случаю 40 лет от дня кончины его. Изд. 2-е. М., 1898. С. 1–91; 4) Альберт Бёниг. Историческая повесть XV в. Р.Г. Игнатъева. [Княгиня Нэктарина. Историческая повесть из грузинской жизни Валериана Черни]. СПб., 1885. 258 с. (Приложение романов к газете «Свет». 1885. Май. Кн. 5). 5) Башкир Салават Юлаев, пугачёвский бригадир, певец и импровизатор. Эпизод из истории Пугачёвщины. Р.Г. Игнатъева. Посмертное издание с кратким очерком жизни автора, составленным В.Н. Витевским. Казань, 1894. 39 с.

Общее количество публикаций Руфа Гавриловича Игнатъева, вошедших в девять томов его собрания сочинений, показывает таблица.

Том	Работ (в том числе в соавторстве)	Предположительных статей
Первый	29	4
Второй	40	2
Третий	67 (1)	3
Четвёртый	17 (4)	нет
Пятый	35	1
Шестой	38 (1)	1
Седьмой	45	1?

Восьмой	29	5
Девятый	29	4
Итого	329 (6)	21

В данной таблице учтены статьи, где не проставлена подпись Р.Г. Игнатъева, но анализ которых позволяет с очень большой долей вероятности отнести их к его творчеству. Включена также одна статья из «Минских губернских ведомостей», посвящённая судьбе рода Неплюевых. В литературе называлась величина всех работ Игнатъева примерно в 500 публикаций. Очень часто одна его статья печаталась во многих газетных номерах, мною учитывались такие труды как одна публикация.

Таким образом, за несколько десятилетий научной деятельности Р.Г. Игнатъева на Южном Урале (с 1858 по 1886 гг.) создано поистине огромное творческое наследие по истории, археологии, этнографии, экономике, статистике и даже музыке. И нельзя забывать, что такая удивительная продуктивность была в значительной степени обусловлена поддержкой местных административных структур, обеспечивавших Р.Г. Игнатъеву определённое стабильное существование.

Список литературы.

1. Игнатъев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / Ответственный редактор В.А. Лабузов; составитель М.И. Роднов. Т. I: 1859–1866 года. Оренбург, 2011.
2. Игнатъев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / Ответственный редактор В.А. Лабузов; составитель М.И. Роднов. Т. II: 1866–1868 годы. Уфа [Электронный ресурс], 2011.
3. Игнатъев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / составитель М.И. Роднов. Т. III: 1869–1872 годы. Уфа [Электронный ресурс], 2011.
4. Игнатъев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / составитель М.И. Роднов. Т. IV: 1873 год. Уфа [Электронный ресурс], 2011.
5. Игнатъев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / составитель М.И. Роднов. Т. V: 1873–1875 годы. Уфа [Электронный ресурс], 2011.
6. Игнатъев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / составитель М.И. Роднов. Т. VI: 1875–1879, 1862, 1864 годы. Уфа [Электронный ресурс], 2012.
7. Игнатъев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / составитель М.И. Роднов. Т. VII: 1880–1881 годы. Уфа [Электронный ресурс], 2013.
8. Игнатъев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / составитель М.И. Роднов. Т. VIII: 1882–1883 годы. Уфа [Электронный ресурс], 2013.
9. Игнатъев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / составитель М.И. Роднов. Т. IX: 1883–1886 годы; работы разных лет. Уфа [Электронный ресурс], 2013.
10. Роднов М. И. Судьба редактора. Историко-документальная повесть. Уфа, 2009.

А.Д. Коростелев, М.И. Роднов

ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТА ЮЖНОГО УРАЛА В 1920 г.

Настоящим и надежным фундаментом любой научно обоснованной картины как прошлого, так и настоящего, с попытками анализа перспектив дальнейшего развития наряду с другими видами исторических источников, всегда был и останется источник статистический, позволяющий проверить любую научную теорию и политический прогноз. В течение нескольких лет (2007–2014) в Институте этнологии и антропологии РАН при поддержке трех грантов РГНФ* проводилась обработка подворных карточек Всероссийской переписи населения 1920 г. по Уфимской губернии, хранящихся в Национальном архиве Республики Башкортостан (НА РБ, Уфа, до недавнего времени – Центральный исторический архив Республики Башкортостан [ЦИА РБ]), в фонде Р-473. Это была первая советская перепись, охватившая всю территорию Южного Урала, где буквально за несколько месяцев до этого закончились активные боевые действия Гражданской войны и было подавлено крестьянское восстание “Черного орла”. Подворные карточки – первичная статистическая документация – заполнялись на все домохозяйства, за исключением городов (население горнозаводских поселков, не имевших официального городского статуса, также подлежало переписи).

К лету 1920 г., когда уфимские статистики начали перепись, на Южном Урале уже шло советское административно-территориальное переустройство. Восточные волости Уфимского и Златоустовского уездов с преобладавшим башкирским населением, как и почти весь Стерлитамакский уезд, были включены в состав Башкирской АССР, которая до 1922 г. существовала в границах так называемой Малой Башкирии. Мензелинский уезд был передан в состав Татарской АССР, образованной незадолго до начала переписи – 27 мая 1920 г. Тем не менее и в Мензелинском уезде, и в Стерлитамакском уезде, большая часть которого была включена в состав созданной 20 марта 1919 г. Автономной Башкирской Советской Республики (так называемой Малой Башкирии), и в тех частях Уфимского и Златоустовского уезда, которые также вошли в состав Малой Башкирии, т.е. на территориях, официально на момент переписи 1920 г. не относившихся к Уфимской губернии, перепись 1920 г. проводили еще сотрудники Уфимского губернского статистического бюро (заведующий А. Брагин, завсекцией демографии Ю. Марин).

В архиве сохранились подворные карточки переписи 1920 г. по Уфим-

* “Этнически смешанные селения в Урало-Поволжском регионе: историко-этнологическое исследование” (грант РГНФ № 06-01-00204а), “История этнической статистики в России и перспективы ее развития” (грант РГНФ № 10-01-00055), “Экспертиза численности малых этнокультурных сообществ (российский опыт)” (грант РГНФ № 13-01-298).

скому, Белебеевскому, Бирскому и Златоустовскому уездам (но без учета городов Уфы, Белебея, Бирска и Златоуста), по нескольким волостям Стерлитамакского уезда, не вошедшим в Малую Башкирию, а также карточки по Сухаревской волости Мензелинского уезда, по ошибке не переданные в Казанский архив (там все эти материалы были впоследствии “благополучно” уничтожены). Таким образом, данные, которыми мы располагаем, охватывают только сельское население, включая горнозаводские поселки.

Перепись 1920 г. проводилась по сути еще бывшим земским статистическим аппаратом, а сама подворная карточка в основных чертах повторяла бланк Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г., проводившейся Временным правительством. Материалы переписи 1917 г. также сохранились в НА РБ, обработаны М.И. Родновым и изданы (*Роднов* 1997, 2002, 2010). Более того, сотрудниками архива подворные карточки переписи 1917 г. по Уфимской губернии рассортированы по населенным пунктам, введена новая нумерация архивных дел, и сейчас это один из самых востребованных источников. Об этом свидетельствует то, что практически каждый рабочий день в читальном зале пользователи заказывают карточки переписи 1917 г. как один из главных источников при составлении генеалогий и подготовке историй деревень. Подобного нет в абсолютном большинстве архивов Российской Федерации (такая же работа была проделана лишь в Государственном архиве Кировской области). Опираясь на опыт обработки карточек переписи 1917 г., М.И. Роднов провел обработку сходного источника – подворных карточек переписи 1920 г.

Сразу после окончания обследования конкретного уезда полученная информация публиковалась. Помимо ряда статей издано три монографии (*Роднов* 2009, 2014а, 2014б). Подведем основные итоги проделанной работы и сделаем краткий обзор полученных результатов.

В результате проведенной обработки подворных карточек впервые получены данные по этническому составу населения Уфимской губернии в 1920 г. (без учета городов, где абсолютно преобладали русские). Взяв за основу группировку этнических категорий, предложенную в книге В.П. Шибачева “Этнический состав населения Европейской части Союза ССР” (*Шибачев* 1930), – книге, содержащей, впрочем, некоторые цифры, вызывающие сомнения, – можно привести суммарные данные по Белебеевскому, Бирскому, Уфимскому и Златоустовскому уездам, а также по Ново-Андреевской и Покровской волостям Стерлитамакского уезда, оставленным большевиками на тот момент в составе Уфимской губернии (источник – указанные три монографии).

Национальность устанавливалась только у домохозяина, не учитывались смешанные браки, которых среди “остальных” народов было достаточно много. Также во время проведения переписи 1920 г., видимо из-за нехватки квалифицированных кадров, в некоторых волостях нарушались отдельные положения инструкции, например, смешивалось местное (приписное) и пришлое население (квартиранты, арендаторы), а на станции Бердяуш перепись прошла с такими существенными искажениями, что установить реальное ко-

личество населения невозможно. Поэтому данные по станции Бердяуш выделены из общего числа жителей.

Этнический состав населения Уфимской губернии по переписи 1920 г.

Этнические и иные категории (ответы на вопрос о национальности)	% среди всего населения губернии
<i>Тюрки-мусульмане</i>	
башкиры – 254 921	14,10%
татары – 376 076	32,92%
тептяри – 127 121	
мишари – 91 804	
мусульмане/магометане – 26 165	
башкиро-татары – 4316	
мишари-татары – 1691	
татаро-башкиры – 1113	
татары-тептяри – 786	
государственные крестьяне (из мусульман) – 153	
башкиро-тептяри – 558	
тептяри-башкиры – 106	
мусульмане-тептяри – 11	
припущенники (из мусульман) – 1186	
тептяри-мишари – 3	
монголы – 6	
население деревни Н.-Кайнлыково ¹ (без русских) – 1099 чел.	
татары-мишари – 3207	
ново-башкиры-тептяри (тептяри-ново-башкиры) – 955	
ново-башкиры-мишари – 391	
башкиры-мишари – 42	
тюмены – 11	
ново-башкиры-татары – 5	
мусульмане: ясашные – 269, мещане – 10, дворяне – 6	
Итого тюркок-мусульман – 892 011	49,35%
<i>Славяне</i>	
русские – 640 626	35,44%
украинцы – 53 759	
белорусы – 21 187	
православные – 529	
поляки – 1092	
чехи – 50	
русины – 26	
черногорцы – 7	
хорваты – 2	
словаки – 2	
староверы – 8	
сербы – 3	
Итого славян – 717 291	39,69%
<i>“Народы Поволжья”</i>	
марийцы – 82 971	
удмурты – 23 907	
удмурты-тептяри – 76	
чувашаи – 43 358	

кряшены – 8129
 крещенные (новокрещенные) татары – 2494
 мордва – 23 435
 инородцы – 23
 Итого “народов Поволжья” – 184 393 10,20%

Остальные:	
немцы – 5215	
голландцы – 347	
меннониты – 199	
австрийцы – 77	
лютеране – 17	
католики – 16	
эстонцы – 1079	
латыши – 6340	
литовцы – 288	
армяне – 11	
грузины – 2	
венгры – 65	
итальянцы – 4	
евреи – 31	
австро-венгры – 3	
греки – 18	
бельгийцы – 8	
американцы – 7	
персы – 3	
румыны – 8	
финны – 29	
шведы – 6	
корейцы – 2	
карелы – 5	
молдаване – 4	
итого остальных – 13 784	0,76%
Всего населения в Уфимской губернии – 1 807 479	100%
население станции Бердяуш: русские – 1220, белорусы – 79, украинцы – 37, татары – 10, поляки – 7, всего – 1353 чел.	

Несмотря на ряд пропусков (отсутствие карточек по некоторым волостям и селениям), основное количество первичной документации переписи 1920 г. по Уфимской губернии благополучно сохранилось. Опубликованные статистиками 1920-х годов итоги переписи 1920 г. несколько различаются между собой, но тем не менее общая численность населения (сельскохозяйственного) очень близка к нашим подсчетам. Всего жителей обоего пола в Уфимской губернии по двум опубликованным в 1920-е годы источникам насчитывалось 1 830 090 чел. (Итоги 1923: 38) или 1 915 768 чел. (Итоги 1921: 19). Таким образом, сумма, полученная нами в результате подсчета по сохранившимся подворным карточкам (1 807 479 чел.), составляет 98,8 или 94,4% от подсчетов статистиков начала 1920-х годов. Тот факт, что небольшая часть карточек была утеряна, принципиально не повлиял на общегубернские итоги.

Из трех публикаций материалов переписи 1920 г. по Уфимской губернии, вышедших в свет в 1920-е годы (Итоги 1921; Итоги 1922; Итоги 1923), наиболее подробно ее итоги отражены в издании 1922 г., причем, согласно содержащимся в нем данным, общая численность населения в сельской местности составила 1 757 970 чел. (Итоги 1922: 92–93), что даже ниже наших подсчетов. Статистики той поры выделяли Бакалы (2392 чел.) и Давлеканово (5820 чел.) (Там же: 34–35, 42–43), получившие в 1917 г. от Временного правительства статус городов. Карточки по Бакалам сохранились и учтены нами при подсчете сельского населения (2550 чел.); также были включены в итоговые показатели по Белебеевскому уезду сведения из имеющихся в наличии карточек по Давлеканово (679 чел.) и по городу Белебею (1604 чел.), видимо, на горожан, занимавшихся земледелием.

В последнем издании приведены данные о численности населения городов в 1920 г.: Уфа – 92 766 чел., Белебей – 11 278, Бирск – 13 256, Златоуст – 42 685 чел., а всего в городах проживало 159 985 чел. (данные в упомянутых публикациях итогов переписи несколько различаются), в поселках городского типа (Кусинский завод и др.) еще 93 276 чел. Итого в Уфимской губернии по переписи 1920 г. насчитывалось 2 011 231 чел. (Там же: 2–3, 32–33, 56–57, 76–77, 92–95). Таким образом, к нашим подсчетам нужно добавить примерно 150 тыс. городского населения, а так как в городах Уфимской губернии проживало в основном русское население, то отсюда следует, что полученные нами в результате обработки подворных карточек переписи 1920 г. данные вполне достоверно отражают общий этнический состав населения региона.

Приведенные выше, впервые в историографии, максимально точные и достоверные сведения по этническому составу сельского населения Уфимской губернии на 1920 г. позволяют сделать ряд заключений.

К началу советской эпохи и ко времени создания национально-территориальных автономий в Урало-Поволжском регионе еще не закончились процессы формирования “современных” наций у татар и башкир, их межэтническое “размежевание”. Перепись 1920 г. проходила в условиях полного отсутствия сословных границ, юридически отмененных еще в 1917 г., хотя традиция идентификации населения именно по сословным/этносословным параметрам подтверждается фактическим материалом. Особенно это сильно “ударил” по башкирской идентичности, которая у большинства башкир до революции была прочно связана с сословием вотчинников. Перепись 1920 г. четко показывает мощную “волну” татаризации, охватившую западную часть Уфимской губернии, когда исчезают прежние этносословные группы тептярей, мишарей, а также таких башкир, для которых башкирская идентичность означала в первую очередь сословную принадлежность), и эти группы населения (или их низовые элиты) указывают своей национальностью – татары. Восточная граница татаризации приблизительно фиксируется по условному рубежу Бураево – Дюртюли – Чекмагуш, захватывая кроме Белебеевского и Бирского уездов также и крайние западные волости Уфимского уезда. Можно предположить, что решающим факто-

ром являлось социокультурное воздействие Казани (интеллигенции, печати и пр.), а никак не Уфы. Немногочисленная татарская община Уфы, ядро которой до революции составляли светские татарские дворяне и предприниматели, была сильно европеизирована (русифицирована). К северу, югу и востоку от Уфы процессы татаризации, вытеснения этносословных разрядов тептярей, мишарей (и башкир) в 1920 г. проявлялись слабо.

Перепись 1920 г. зафиксировала многочисленные смешанные, промежуточные формы идентификации среди тюрко-мусульманского населения Уфимской губернии, например, такие как “ново-башкиры”, “мусульмане” и др. Четкое “размежевание” башкир и татар пришлось уже на более позднюю – советскую эпоху, когда в споры о национальной принадлежности тех или иных групп населения включились правящие элиты БАССР и ТАССР. Впрочем, поскольку такого рода споры имеют место и по сей день, постольку лишь время покажет, окажется ли нынешнее “размежевание” окончательным.

Перепись 1920 г. в этническом плане может быть отнесена к наиболее демократическим формам самоопределения рядового населения (включая низовые сельские элиты). Советская власть еще была слаба, никаких серьезных свидетельств воздействия сверху на выбор крестьянством своей национальности не имеется. Да и Уфимскому губкому РКП(б) в тех условиях было просто не до этого (перепись проводилась с основной целью установления запасов продовольствия, хозяйственного потенциала деревни, а никак не для навязывания какой-либо конкретной этничности). Можно, конечно, предположить, что Уфимскому губкому было более выгодно преобладание башкир, а не татар, так как татарские национал-коммунисты открыто требовали присоединения западных уездов к советской Татарии, что могло бы привести к ликвидации самой Уфимской губернии (и потерей коммунистической номенклатуры в Уфе должностей, пайков и прочих прелестей). Однако свидетельств массового принуждения к выбору именно башкирской идентичности перепись 1920 г. не дает. В демократичности перепись 1920 г. превосходит (для изучаемого региона) даже знаменитую перепись 1926 г., считающуюся вершиной советской статистики. По крайней мере, в Башкирской АССР подготовка и проведение последующей переписи уже сопровождалась целенаправленной обработкой населения².

Кроме того, под демократичностью переписи 1920 г., с нашей точки зрения, можно понимать и тот факт, что при выборе национальности гораздо меньшую роль стала играть прежняя сословная идентификация, ранее жестко привязанная к конкретному набору юридических и материальных прав. Прошедший “черный передел”, уравнивание в землепользовании, новые советские законы разрушили прежнюю сословную структуру, сильное воздействие которой наблюдалось во время переписи 1917 г. Именно в годы Гражданской войны и глобального социокультурного, экономического, идеологического кризиса произошел “взрыв” этничности, когда в условиях хаоса и неопределенности население нередко ищет “убежище” в традиционных ценностях национализма и религии. Перепись 1920 г. показывает, к примеру, начавшийся процесс формирования крышанской этничности в Белебеевском уезде, пре-

рванный затем коммунистическим режимом.

В обстановке начавшегося по всему Урало-Поволжскому региону “нациестроительства”, состоявшая в границах 1920 г. из четырех уездов (Бирский, Белебеевский, Уфимский и Златоустовский) Уфимская губерния представляла собой регион, где русских насчитывалось 35,4%, а татары (включая собственно татар, тептярей и мишарей) составляли 32,9%. Третьим по величине этносом на данной территории являлись башкиры – 14,1% только среди сельских жителей (с учетом городского населения башкир оказалось бы еще меньше).

Ситуация, имевшая место в Уфимской губернии, была самым крупным, но в общем далеко не единственным случаем, когда в границы создаваемой автономной республики включались территории, где в составе населения не было какой-то одной абсолютно преобладающей национальности, поскольку не всегда было возможно провести границы таким образом, чтобы в состав этого образования включались только такие территории, где “титутельная” национальность являлась преобладающей. На обширных пространствах многонационального Урало-Поволжья немало было территорий (губерний, уездов и даже волостей), где не имелось одной, явно преобладающей народности, а чересполосно проживали представители различных народов. Аналогичная проблема возникла несколько лет спустя при установлении границ Мордовской автономии, так как мордва (как эрзя, так и мокша) расселялась к началу XX в. небольшими дисперсными группами, нигде не образуя сплошного массива. И сейчас подобные полиэтничные районы имеются во многих русских областях и республиках Урало-Поволжья. К примеру, этнический состав населения Мензелинского уезда и этнический состав населения Белебеевского уезда принципиально ничем не различались. Мензелинский уезд “подарили” Татарии, Белебеевский – нет. При этом этническая карта Мензелинского уезда не была однородной: в его восточных – приикских волостях проживало много башкир, а в северных – прикамских – были зоны сплошного русского расселения. Можно отметить, что это был единственный случай, когда уезд, ранее не входивший в состав Казанской губернии, при создании Автономной Татарской ССР (27 мая 1920 г.) передавался ей целиком. В остальных аналогичных случаях (Бугульминский уезд Самарской губернии, Малмыжский уезд Вятской губернии, Буинский и Симбирский уезды Симбирской губернии, позже – Елабужский уезд Вятской губернии) в состав Татарии включались лишь отдельные части территорий соответствующих уездов (История 1960: 138–139, карта после с. 146; История 2003: 58).

Материалы переписи 1920 г. наглядно показывают, что вопрос о границах советских республик решался на административном уровне. Власть не интересовалась мнением самого населения, никаких референдумов, опросов, голосования не проводилось. У самих народов вообще не спрашивали – где они хотят проживать? Выдвигавшиеся проекты советских референдумов реализованы не были.

Однако на местах население, не согласное с проводимым административно-территориальным переустройством, пыталось на него реагировать по-

своему, но не нарушая при этом нового советского законодательства. Перепись 1920 г. показывает интересные факты достаточно массового сопротивления этому переустройству, нежелания русского и татарского населения Уфимской губернии уходить в Башреспублику. В Уфимском и Златоустовском уездах, часть территории которых передавалась в состав Малой Башкирии (в Бирском и Белебеевском уездах этого не было), население использовало два способа остаться в Уфимской губернии.

Если Мензелинский (полностью) и Стерлитамакский (почти целиком) уезды власть присоединила к национальным автономиям, то в Уфимском и Златоустовском уездах границы проводились по волостям. И население использовало старые, дореволюционные механизмы сопротивления.

С одной стороны, жители селений в волостях, отданных в Башреспублику, перечислялись в соседние волости, оставленные в Уфимской губернии. Например, русские поселки и большая татарская деревня Таймеево вышли из башкирской Мурзаларской волости Златоустовского уезда Уфимской губернии, переходившей в состав Малой Башкирии, и причислились к Михайловской волости с мордовским и русским населением, которая продолжала находиться в прежнем административном подчинении.

С другой стороны, оказавшееся в Башреспублике население создавало новые волости, которых не было в списках волостей, переданных в национальную автономию, и на этом основании оставалось в Уфимской губернии. Так, 2-я Айлинская волость Златоустовского уезда включается в состав Башреспублики, однако пять деревень (татары по переписи 1917 г., магометане по переписи 1920 г.) образуют самостоятельную Идрисовскую волость и не выходят из Уфимской губернии. Большое мишарское (согласно переписи 1917 г.) селение Ново-Муслюмово оформляется в отдельную волость и уходит из башкирской Большекущинской волости, оставаясь в Уфимской губернии. Возможно, по такому же принципу была создана русско-башкирская Яныбаевская волость Златоустовского уезда Уфимской губернии. В предгорных районах Уфимского уезда по такому принципу на рубеже 1919 и 1920 гг. на отданных в Башреспублику территориях возникли новые Михайловская, Ново-Александровская и Улу-Телякская волости, оставшиеся в Уфимской губернии.

Имеются факты и встречного движения уже башкирского населения, желавшего уйти из Уфимской губернии в новообразованную свою автономию (Яхьинская волость Уфимского уезда и др.), на что, по всей видимости, оказывала влияние (скорее всего на юге края) социально-экономическая политика правительства Башкирской республики, которое в обстановке разрухи и надвигавшегося голода разрешило рыночную торговлю. Измученное продразверсткой и коммунистическими грабежами многонациональное (в первую очередь мусульманское) крестьянство искало спасение под защитой новой автономии (см.: *Хазиев* 1994, 2007; и др.).

Как относились власти Уфимской губернии и Башреспублики к этому стихийному народному изменению границ, нам не известно. Тем не менее в первые годы хотя бы декларативно допускалась такая форма народного во-

леизъявления, как референдум. По соглашению Советской власти с Башкирским правительством от 20 марта 1919 г. о создании Советской автономной Башкирии горнозаводские волости Уфимского уезда (Катав-Ивановская, Еральская, Симская, Миньярская, Серпиевская, Карауловская) вместе с соседними горнозаводскими волостями Златоустовского и Троицкого уездов не попадали под власть Башкирского правительства “впредь до опроса населения” (История 2003: 54–56). Надо полагать, башкирское правительство хотело соединить северные и южные ареалы расселения башкир, разрезанные полосой сплошного русского этнического массива (совр. Челябинская обл.). Конечно, никакого референдума впоследствии не проводилось.

Вообще при изучении этнической истории совершенно не используются подобные редкие источники свободного волеизъявления населения. А они имеются. Например, есть данные о выборах в Учредительное собрание, начавшихся 12 ноября 1917 г. Кроме политических предпочтений избиратели руководствовались и национальными критериями при голосовании. Так, по городу Уфа за 12 партийных списков проголосовало 16 625 чел., что составляло примерно 1/3 имевших право голоса. Мусульманское население края, как и прежде на выборах в Государственную думу, дружно голосовало именно за своих представителей (см.: Ямаева 2002). В выборах в Учредительное собрание участвовали два татарских (общемусульманских) списка – № 1 Уфимский губернский мусульманский совет (более консервативный, прокадетский) и № 3 Уфимский мусульманский совет (левый, близкий к эсерам). За первый в Уфе проголосовали 1260 избирателей (7,58%), за второй – 1212 (7,29%). Выборы показывают примерную долю татарской общины в населении города – около 15%, что практически совпадает с данными дореволюционной статистики³. В выборах принимал участие и список № 11 башкир-федералистов, возглавлявшихся Валидовым⁴. За него в Уфе проголосовало всего 37 чел., или 0,22% избирателей.

Отдельно проходило голосование в Уфимском гарнизоне (7628 проголосовавших). Здесь первое место среди избирателей-мусульман занял список № 3 татарских эсеров (2863 чел.), за № 11 отдали голоса 214 солдат, за № 1 – всего 19 лиц⁵. Если в городской татарской общине прокадетские настроения встречались примерно так же часто, как и проэсеровские, то в гарнизоне вторые явно доминировали.

Первые итоги голосования по Уфимской губернии еще в дореволюционных границах (но без учета данных по Уфимскому уезду, где продолжался подсчет голосов) были получены уже в начале декабря 1917 г. Всего проголосовало 853 115 чел., из которых чисто национальные списки получили: № 1 – 87 065 голосов (10,2%), № 3 – 270 584 (31,7%), № 11 – 125 866 (14,8%). После списка общероссийской партии эсеров тюрко-мусульманские списки заняли второе место (№ 3) и третье (№ 11). В депутаты недолго просуществовавшего Учредительного собрания от Уфимской губернии были избраны от списка № 1 Г.Х. Терегулов, от списка № 3 – Г.Г. Ибрагимов, Ш.Х. Сюнчелеев, Г.В. Ильясов и А.М. Мухаметдинов, от списка башкир-федералистов № 11 – Ахметвалий Ахмедшин Валидов⁶.

Данные по уездам также отражают не только политические пристрастия, но и национальный состав избирателей (в условиях честных выборов). К примеру, в Белебеевском уезде было опущено в урны 219 730 записок, из которых действительными признаны 217 010. За список № 1 отдали голоса 31 192 чел., за № 3 – 78 579, за № 11 – 32 669 чел.⁷ Партия башкир-федералистов в западном Белебеевском уезде собрала 15% голосов. По данным переписи 1920 г. башкир в Белебеевском уезде насчитывалось 14,73%.

Таким образом, созданная в 1922 г. путем слияния Уфимской губернии и Малой Башкирии советская и современная Башкирия (БАСССР, РБ) возникла как соединение двух территорий, в достаточной степени различающихся в этноисторическом, природно-географическом и экономическом отношениях – с преобладанием русского и татарского населения (бывшая Уфимская губерния в границах 1920 г.) и с доминирующим башкирским населением (бывшая Малая Башкирия). При этом в составе последней бóльшую часть занимает территория бывшей Оренбургской губернии (юго-восток и Зауралье). А наследием той эпохи до сих пор остается специфическая ситуация в Башкортостане – “проблема разделенных народов”, которая в такой степени не проявляется ни в одной другой республике Урало-Поволжья, когда столь значительный этнический массив (в данном случае около миллиона татар в Башкортостане, в основном в западных и северо-западных районах) проживает по соседству со “своей” республикой, но в другом субъекте РФ⁸. Опыт прошлого напоминает о необходимости постоянно учитывать исторически сложившиеся реалии при принятии тех или иных политических решений.

Примечания

1 В д. Н.-Кайнлыково в подворных карточках национальность проставлена в форме: в.-башкиры, башкиры-в., вот.-башкиры и вотяки-башкиры (*Роднов* 2014б: 88). Невозможность точно определить характер записей, вотчинники ли это или вотяки, заставила выделить население этого селения.

2 См., напр.: Населенные пункты 1926 (переиздание списка селений, специально выпущенного перед переписью 1926 г.).

3 По данным на 1 января 1912 г., в Уфе из общего числа жителей в 106 459 чел., лиц, исповедующих магометанство (т.е. татар, башкир и пр.), насчитывалось 19 318 чел., или 18,2% (*Уфимский календарь* 1914: 22).

4 Валидов – Ахметзаки Валиди Тоган (1890–1970, Валидов А.А.) – известный башкирский ученый и политик. Автор ряда монографий по истории башкир и других тюркских народов. В конце 1917 – начале 1918 гг. возглавил правительство Башкурдистана (Башкирии), провозгласившего автономию. В 1918 г. участвовал в военных действиях против большевиков (выступление чехословацкого корпуса и др.). После того, как руководство антибольшевистской борьбой в Сибири и на Урале перешло в руки противников создания автономий нерусских народов (А.В. Колчак, А.И. Дутов), в начале 1919 г. организовал переход башкирских войск на сторону Красной армии. Был председателем Башкирского ревкома. После принятия постановления ВЦИК и СНК РСФСР “О государственном устройстве Автономной Советской Баш-

кирской республики” от 19 мая 1920 г., ограничившего права автономии, вместе с остальными членами ревкома ушел в отставку. Участвовал в басмаческом движении в Средней Азии. С 1923 г. – в эмиграции.

5 Вперед (Уфа). 1917. 17 (30) ноября.

6 Вперед (Уфа). 1917. 2 (15) декабря. О Валидове см. выше.

7 Уфимская жизнь. 1917. 28 ноября.

8 На состоявшемся 12 апреля 2014 г. “XI Курултае Всетатарского общественного центра принято решение реанимировать референдум, объявленный советской властью еще в 1920 году, и поднять вопрос о присоединении части территорий [Башкирии] с татарским населением к республике Татарстан”, сообщает российская пресса (Звезда Поволжья. 2014. 31 июля; Башкирские татары 2014; и др.). Пока подобные крайне радикальные идеи разделяют небольшие слои преимущественно гуманитарной интеллигенции. В то же время история знает немало случаев, когда идеи, выдвигаемые, казалось бы, лишь небольшой частью интеллигенции, “овладевая массами, становятся материальной силой”. Напомним, например, что впервые идею полной независимости Эстонии публично объявил в 1988 г. председатель местного общества охраны памятников старины (Межевич, Грозовский 2012: 322).

Источники и материалы

Башкирские татары 2014 – Башкирские татары планируют провести референдум и отделиться от Башкирии // NEWSru.com. 20.05.2014. URL: www.newsru.com/russia/20may2014/tatar.html

История 1960 – История Татарской АССР. Т. 2: От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. Казань, 1960.

История 2003 – История административно-территориального деления Республики Башкортостан (1708–2001). Сборник документов и материалов. Уфа, 2003.

Итоги 1921 – Итоги Всероссийских переписей 1920 года по Уфимской губернии. Итоги сельскохозяйственной переписи. Уфа, 1921.

Итоги 1922 – Итоги Всероссийских переписей 1920 года по Уфимской губернии. Итоги демографической переписи. Таблица № 1. Распределение населения по полу, возрасту и грамотности. Уфа, 1922.

Итоги 1923 – Итоги Всероссийской Сельско-Хозяйственной переписи 1920 г. в границах губерний на 1 марта 1922 г. Вып. 8. М., 1923.

Крестьянское хозяйство 1914 – Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. Ч. II. Таблицы. Уфа, 1914.

Населенные пункты 1926 – Населенные пункты Башкортостана. Ч. III. Баш- республика, 1926. Уфа, 2002.

Уфимский календарь 1914 – Уфимский земский календарь на 1913 год. Уфа, 1914.

Шибает В.П. 1930 – Шибает В.П. Этнический состав населения Европейской части Союза ССР. Л., 1930.

Научная литература

- Межевич, Грозовский* 2012 – *Межевич Н.М., Грозовский А.М.* Политическая история Эстонии 1987–1992 гг. как предпосылка формирования современной внешней и внутренней политики страны // *Русский Сборник: исследования по истории России* / Ред. О.Р. Айрапетов, М. Йованович, М.А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти. Т. XIII. М., 2012. С. 319–337.
- Роднов* 1997 – *Роднов М.И.* Крестьяне Бирского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 1997.
- Роднов* 2002 – *Роднов М.И.* Крестьянство Златоустовского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 2002.
- Роднов* 2009 – *Роднов М.И.* Крестьянство Белебеевского уезда по переписи 1920 года: этнический состав / Отв. ред. А.Д. Коростелев. М., 2009.
- Роднов* 2010 – *Роднов М.И.* Крестьянство Стерлитамакского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 2010.
- Роднов* 2014а – *Роднов М.И.* Население Уфимского уезда по переписи 1920 года: справочник / Отв. ред. А.Д. Коростелев. СПб., 2014.
- Роднов* 2014б – *Роднов М.И.* Население Уфимской губернии по переписи 1920 года: этнический состав (Бирский, Златоустовский и другие уезды) / Отв. ред. А.Д. Коростелев. М., 2014.
- Хазиев* 1994 – *Хазиев Р.А.* Экономическое развитие периода гражданской войны в Башкортостане. Уфа, 1994.
- Хазиев* 2007 – *Хазиев Р.А.* Централизованное управление экономикой на Урале в 1917–1921 годах: хаос, контроль и стихия рынка. М., 2007.
- Ямаева* 2002 – *Ямаева Л.А.* Мусульманский либерализм начала XX в. как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний). Уфа, 2002.